

**БИТВА
ПОД
КУРСКОМ**

Знаменательному событию — разгрому немецко-фашистских войск под Курском посвящена эта книга, представляющая собой главу III тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945».

Разгром немецко-фашистских войск в битве под Курском явился одним из крупнейших военно-политических событий Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны. Победа Красной Армии под Курском означала провал последней попытки гитлеровской Германии предпринять мощное наступление с целью повернуть течение войны в свою пользу, сохранить от распада фашистский блок, ослабить политические последствия поражения на Волге. Разгром немецко-фашистских войск под Курском и последующая победа Красной Армии на Днепре завершили коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны. В битве под Курском были разбиты до предела оснащенные новейшими танками войска фашистской Германии и сломлена их наступательная мощь. Невосполнимые потери в этой битве понесла немецко-фашистская авиация.

В книге широко показана организующая и руководящая роль Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, возглавивших борьбу советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В ней обстоятельно раскрывается многогранная деятельность военных советов фронтов и армий, командиров, политорганов, армейских партийных и комсомольских организаций в период Курской битвы и помощь советским войскам со стороны местных партийных организаций и населения прифронтовых районов.

В книге рассказывается о высокой политической сознательности советских людей, их преданности Коммунистической партии и Советской Родине, нашедшей яркое выражение в массовом героизме воинов Красной Армии в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Курском.

Книга иллюстрирована фотографиями и снабжена схемами. Она рассчитана на массового читателя.

1. НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЙ ПЛАН РЕВАНША

Сокрушительные удары Красной Армии по войскам Германии и ее сателлитов на Волге и в других операциях зимней кампании 1942/43 г. потрясли блок фашистских государств. Все более явной для их правителей становилась мрачная перспектива проигрыша войны. Чтобы предотвратить распад блока, спасти себя и своих сателлитов, Гитлер и его генералитет всеми силами стремились ослабить политические последствия крупных поражений на советско-германском фронте, вернуть утраченную стратегическую инициативу, изменить ход войны в свою пользу. Они не без оснований считали, что оборонительная стратегия привела бы к провалу их конечных планов и означала бы признание военного поражения Германии. Поэтому Гитлер и его окружение решили провести на советско-германском фронте крупные наступательные операции, надеясь разрешить этим вставшие перед Германией после зимней кампании военно-политические проблемы. На совещании в рейхсканцелярии в мае 1943 г. начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии фельдмаршал Кейтель заявил: «Мы должны наступать из политических соображений»¹.

По мнению правителей Германии, мощное наступление с решительной целью на советско-германском фронте должно было сплотить фашистский блок, поднять упавший после разгрома на Волге дух союзников Германии. В беседе с исполнявшим обязанности министра иностранных дел Италии Бастианини 8 апреля

¹ Gert Buchheit, Hitler der Feldherr. Die Zerstörung einer Legende. Rastatt (Baden), 1958, S. 366.

1943 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп всячески пропагандировал подготовку большого летнего наступления, которое, как он уверял, сокрушит Красную Армию и приведет Германию и ее союзников к победе. Риббентроп утверждал, что русские за зимнюю кампанию истощили свои силы, ослабли. Поэтому теперь «решающая задача войны заключается в том, — заявлял он, — чтобы посредством повторных ударов уничтожить всю Красную Армию»¹.

В то же время правители Германии надеялись, что мощное наступление их войск на советско-германском фронте внесет разлад в антифашистскую коалицию. Они считали, что это наступление и вызванные им новые жертвы Красной Армии усилят у Советского правительства и советской общественности недовольство затягиванием США и Англией открытия второго фронта и что это приведет в конце концов к распаду антигитлеровского союза. Гитлер считал, как пишет об этом западногерманский историк Гёрлиц, что, чем раньше «русским будет нанесен новый тяжелый удар, тем скорее развалится коалиция между Востоком и Западом»².

Стремясь начать летнюю кампанию на советско-германском фронте широкими наступательными действиями, фашистская Германия делала все возможное, чтобы укрепить свои армии, пополнить их, дать им добавочное вооружение. Еще в начале 1943 г. Гитлер провозгласил грандиозную программу увеличения производства вооружения, выпуск которого должен был достичь наивысшего уровня к концу лета. Ее выполнение проводилось под лозунгом «Лучшему солдату — лучшее оружие». Особое внимание обращалось на производство танков и самолетов.

Производство танков, особенно тяжелых и средних, резко увеличивалось. Немецкая танковая промышленность перешла к массовому выпуску новых средних танков Т-V («пантера») и тяжелых Т-VI («тигр»), на которые ввиду их мощной брони и вооружения возлагались большие надежды. Было освоено также произ-

¹ См. Hans-Adolf Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959, S. 290.

² Walter Görlitz. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II. Stuttgart, 1952, S. 202.

водство нового самоходного орудия «фердинанд», имевшего 150-мм броню. Это орудие предназначалось для сопровождения «пантер» и «тигров» во время боя. Одновременно были улучшены и боевые качества танков Т-III и Т-IV.

В середине мая в имперской канцелярии в Берлине в присутствии сотрудников министерства вооружения и боеприпасов и представителей военной промышленности министр Шпеер докладывал Гитлеру о состоянии и развитии производства вооружения. Он особо подчеркнул, что «общее число изготовленных легких и тяжелых танков увеличилось во много раз. Производство тяжелых танков возросло с февраля по май на 200 процентов...»¹. И несмотря на это, на совещании снова была подчеркнута необходимость в связи с предстоящим летним наступлением еще более увеличить выпуск танков и самоходных орудий.

Большое внимание уделялось авиационной промышленности. Она начала выпускать новый самолет «Фокке-Вульф-190А», имевший сильное вооружение — четыре пушки и шесть пулеметов и большую скорость — свыше 600 километров в час. Этот самолет, по расчетам фашистского командования, должен был господствовать в воздухе. Для непосредственной поддержки пехоты немецкая авиационная промышленность стала изготавливать специальный двухмоторный одноместный самолет «Хеншель-129», имевший пушечное и пулеметное вооружение. Предполагалось, что он будет таким же мощным штурмовиком, как Ил-2 в советской авиации. Немецкая авиационная промышленность не только перешла к выпуску новых самолетов, но и резко повысила свою производственную мощь. По сравнению с 1942 г. производство самолетов в Германии возросло в 1,7 раза.

Увеличилось также в два раза по сравнению с 1942 г. производство орудий, минометов, главным образом новых образцов. Выпуск боеприпасов по сравнению с 1940 г. вырос почти в три раза.

Выступая 5 июня 1943 г. на сборах генералов и офицеров в Зонтхофене, проводившихся верховным

¹ Nachrichten des Reichsministers für Bewaffnung und Munition, Nr. 24, 7. Juni 1943, S. 252.

главнокомандованием вооруженных сил Германии, Кейтель в радужных тонах рисовал успехи немецкой военной промышленности и их значение для летней кампании. Он подчеркивал, что Германия, опираясь на экономические ресурсы почти всей Европы, значительно увеличила военное производство. «Мощность военно-промышленного производства Германии, — говорил Кейтель, — за последние четыре года возросла во много раз. Причины этого: Германия получила гигантское количество сырья из оккупированных стран Европы (ресурсы которых она полностью использует) и от союзных и дружественных стран. Наша... производственная мощь увеличилась благодаря использованию разнообразных промышленных предприятий оккупированных стран, которые работают исключительно для производства вооружения и боеприпасов»¹.

Всемерно усиливая техническую оснащенность своей армии, германское верховное главнокомандование одновременно спешно пополняло поредевшие в боях с Красной Армией дивизии. К началу летней кампании в результате так называемой «тотальной мобилизации» общая численность вооруженных сил Германии увеличилась на 1,5—2 млн. человек и была доведена до 10 млн. 300 тыс. человек; она стала почти такой же, какой была год назад. К лету 1943 г. враг имел на советско-германском фронте на 42 дивизии больше, чем к началу войны против Советского Союза.

Увеличивая военное производство, укрепляя боевую мощь своих армий, немецко-фашистские правители в то же время тщательно и всесторонне разрабатывали план решающей летней кампании. Первоначальная разработка его началась еще в конце зимы. «После поражения под Сталинградом ОКХ (главное командование сухопутных войск. — *Ред.*), — пишет западногерманский историк Дамс, — работало над планом крупного наступления на Востоке. Любой ценой Гитлер хотел вновь захватить инициативу, навязать Советам свою волю...»². К середине апреля план на-

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 13539, л. 71.

² Hellmuth Günther D a h m s. Der Zweite Weltkrieg. Tübingen, 1960, S. 330.

ступательной операции на советско-германском фронте был готов, и операция получила кодовое наименование «Цитадель». По словам буржуазного немецкого историка Гёрлитца, это название означало, что «данная операция представляет крупное наступление на последний оплот сопротивления русских»¹.

В оперативном приказе верховного главнокомандования вооруженных сил Германии от 15 апреля 1943 г. подчеркивалась важность операции «Цитадель». «Этому наступлению, — говорилось в приказе, — придается первостепенное значение. Оно должно быть проведено быстро и успешно. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето этого года. В связи с этим следует провести все подготовительные мероприятия со всей энергией и осмотрительностью. На направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры, большие количества боеприпасов. Каждый командир и каждый солдат должен проникнуться сознанием решающего значения этого наступления»².

По плану операции «Цитадель» наступление развертывалось в районе так называемого Курского выступа (Курской дуги). Район этот занимал большую территорию, включая ряд областей Российской Федерации и Украины. Здесь правое крыло немецкой группы армий «Центр» нависало над войсками Центрального фронта с севера, а левое крыло немецкой группы армий «Юг» охватывало войска Воронежского фронта с юга. Курский выступ находился как раз между этими двумя крупнейшими группировками противника. Конфигурация выступа, характер местности, а также сложившееся в результате зимней кампании расположение сил германских войск позволяли подготовить и провести здесь крупную операцию (схема 1).

Главные удары по советским войскам, занимавшим Курский выступ, предполагалось нанести: один — из района южнее Орла силами группы армий «Центр» и другой — из района севернее Харькова силами группы армий «Юг». Ударами в общем направ-

¹ Walter Görnitz. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II. Stuttgart, 1952, S. 204.

² См. Hans-Adolf Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959, S. 544.

лении на Курск немецко-фашистское командование рассчитывало окружить и разгромить находившиеся в этом районе советские войска. По существу, на первом этапе оно пыталось возродить план февральско-мартовского контрнаступления, сорванного Красной Армией. Но затем враг намеревался, завершив окружение советских войск в районе Курска, нанести стремительный удар в тыл Юго-Западного фронта — осуществить второй этап кампании — план «Пантера». Для этого предполагалось использовать после завершения окружения советских армий все освободившиеся подвижные немецкие соединения. В то же время германское командование не исключало возможности после осуществления плана «Цитадель» развить успех в другом направлении — на северо-восток, в обход Москвы, чтобы выйти в тыл всей центральной группировки советских войск.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн, говоря о задачах немецко-фашистских войск, отмечал, что после окружения советских соединений в районе Курского выступа «мы смогли бы нанести новый удар или против Донецкого фронта противника, или на другом участке. Это было, в конце концов, настолько же существенной целью операции «Цитадель», как и столь желательная для нас ликвидация Курской дуги»¹. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге в телеграмме Гитлеру и начальнику генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Цейтцлеру подчеркивал, что наступление по плану «Цитадель» неизбежно отразится на всем советско-германском фронте и даст возможность немецким войскам развить успех, что являлось наиболее важным. «Имея большой размах, — писал Клюге о наступлении, — оно неизбежно вовлечет в свою орбиту основные силы всех русских войск, в том числе находящиеся севернее Орла. В случае удачи оно должно принести максимальный успех. Последнее является решающим»².

Говоря о планах Гитлера и его генералитета на ле-

¹ Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 484.

² К вопросу о подготовке плана операции «Цитадель». Телеграмма командующего группой армий «Центр». «Военно-исторический журнал», 1959, № 6, стр. 91.

то 1943 г., Гёрлицтц подчеркивает: «Посредством обходного движения групп армий «Центр» и «Юг» казалось возможным отрезать этот выступ (Курский выступ. — *Ред.*) и тем самым нанести противнику тяжёлый, возможно смертельный, удар. А потом можно было думать, что делать — повернуть ли на север, на Москву, или уготовить русской армии на юге перед Донцом и линией по Миусу новые «Канны»¹. То, что окружение крупных советских сил в районе Курского выступа являлось только первым этапом в плане летней кампании немецко-фашистского командования, отмечает и другой буржуазный историк — Ледеррэ. По этому поводу он пишет: «Овладение Курской дугой — одним из наиболее мощных участков Восточного фронта — представлялось Гитлеру прелюдией к дальнейшему продвижению к Дону с целью достигнуть линии Волги или двинуться на Москву»².

Придавая огромное значение предстоящему сражению, немецко-фашистское командование всесторонне и тщательно готовилось к нему. План операции «Цитадель» неоднократно обсуждался и уточнялся высшим руководством германской армии — верховным главнокомандованием вооружённых сил, главным командованием сухопутных войск, командованием военно-воздушных сил, непосредственными его исполнителями — командующими группами армий, армиями, воздушными флотами. Они вкладывали в разработку плана весь свой опыт. Настаивая на проведении плана, они верили в успех. 18 апреля Манштейн направил верховному главнокомандованию письмо, в котором подчеркивал, что «теперь надо бросить все силы для достижения успеха операции «Цитадель», что победа под Курском возместит нам временные неудачи на других участках фронта...»³.

В начале мая в Мюнхене состоялось совещание, на котором обсуждался ход подготовки к операции. На нем присутствовали Цейтцлер, Манштейн, Клюге, генеральный инспектор танковых войск генерал-полков-

¹ Walter Görlicz. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II. Stuttgart, 1952, S. 200.

² Lèderrey. La défaite allemande à l'Est. Les armées Soviétiques en guerre de 1941 à 1945. Paris, 1951, p. 136.

³ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 488.

ник Гудериан, начальник генерального штаба военно-воздушных сил генерал-полковник Ешпонек и другие видные немецкие генералы, которые должны были руководить наступлением. Подчеркивая значение операции «Цитадель» и необходимость в связи с этим тщательной подготовки к ней, Гитлер заявил: «Неудачи не должно быть!»¹. На совещании было решено уделить еще большее внимание подготовке войск к наступлению, максимально усилить их танками, особенно нового типа, и авиацией.

Немецко-фашистское командование при разработке операции «Цитадель» учло опыт контрнаступления в феврале — марте и стремилось избежать прежних ошибок. Прежде всего оно привлекло для операции «Цитадель» значительно более крупные силы. В то же время новый план предусматривал прорыв обороны на участках фронта более узких, чем в февральско-мартовском контрнаступлении. Это давало возможность создать гораздо большие плотности войск на направлениях главных ударов. На этот раз удары с севера и юга с целью окружения советских войск должны были наноситься одновременно. На согласование действий ударных группировок обращалось особое внимание. Значительно усиливались войска, предназначенные для развития успеха после прорыва советской обороны. Для лучшей подготовки сроки наступления несколько раз переносились. В конечном счете начало его было перенесено с весны на середину лета. Объясняя причины этой задержки, западногерманский историк Мартин Гёринг пишет, что Гитлер «должен был наверняка сразить противника. Он ждал танковой продукции и прибытия всех возможных резервов»².

В ходе боев на Курском выступе гитлеровский штаб рассчитывал обескровить Красную Армию, уничтожить все ее резервы. Американский генерал Уолтер Беделл Смит (впоследствии начальник штаба союзных экспедиционных сил в Европе) так оценивал в мае 1943 г. эти планы немецко-фашистского командования: «Немцы на русском фронте готовятся к наступ-

¹ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 189.

² Martin G ö h r i n g. Bismarcks Erben 1890—1945. Wiesbaden, 1959, S. 383.

лению в невиданном масштабе... Цель этого большого наступления немцев — вывести Россию из войны или настолько парализовать Красную Армию, что ее дальнейшее сопротивление будет слабым или бесполезным»¹.

Так фашистская Германия надеялась операцией «Цитадель» достигнуть решающего стратегического успеха — вернуть утерянную инициативу на советско-германском фронте, добиться перелома в свою пользу, взять реванш за разгром на Волге, за поражения в зимней кампании.

В соответствии с планом германского верховного главнокомандования все немецкие войска на советско-германском фронте усиленно готовились к наступлению. «Два месяца огромная тень «Цитадели» покрывала Восточный фронт, — пишет по этому поводу активный участник Курской битвы гитлеровский генерал Меллентин, — и все наши мысли были заняты только этой операцией»². Немецко-фашистское командование накапливало на флангах Курского выступа крупные силы. Сюда были передислоцированы семь танковых и моторизованных и семь пехотных дивизий. Кроме того, с конца марта по июль на этот участок фронта было переброшено еще пять пехотных дивизий из Франции и Германии.

Немецкие соединения и части, предназначавшиеся для наступления, доукомплектовывались, их огневая мощь усиливалась. Численный состав пехотных дивизий был доведен до 10—12,5 тыс., а танковых — до 15—16 тыс. солдат и офицеров. Количество танков и самоходных орудий в танковых дивизиях достигало 150—170 в каждой. Значительную часть танков составляли «тигры» и «пантеры». Особое внимание обращалось на пополнение танковых дивизий СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх» — цвета немецко-фашистской армии. Полностью были укомплектованы и другие танковые соединения. «...48-й танковый корпус, — свидетельствует его начальник штаба Меллентин, — располагал примерно 60 само-

¹ Harry C. Butcher. My Three Years with Eisenhower. New York, 1946, p. 314.

² Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 189.

ходными орудиями и более чем 300 танками — такой ударной силы у него уже никогда больше не было»¹. Большое число танков имелось в моторизованных дивизиях. Гренадерская моторизованная дивизия «Великая Германия» насчитывала около 180 танков, из них половина «пантер». Огневую мощь дивизии дополняли артиллерийский полк, дивизион самоходных орудий, противотанковый дивизион и другие части и подразделения.

Враг уделял большое внимание также насыщению танками, артиллерией и саперными подразделениями своих пехотных соединений, рассчитывая, что это облегчит им прорыв хорошо оборудованной и глубоко эшелонированной обороны советских войск. Только одной 6-й пехотной дивизии, которая входила в северную ударную группировку противника, было придано несколько артиллерийских частей, два химических отряда по постановке дымовых завес, саперный батальон для разминирования, два отряда самоходных орудий, отряд танков «тигр» и другие специальные части и подразделения².

Немецко-фашистское командование особое значение придавало внезапности операции «Цитадель». Оно строго предостерегало от небрежности или неосторожности, в результате которых могли быть раскрыты планы операции. Было запрещено пользование радиосвязью со вновь прибывавшими соединениями. Чтобы скрыть большую концентрацию танковых соединений, танкистам запрещалось носить присвоенную им форму одежды, а все передвижения танков производились только ночью. Наконец, гитлеровское командование решило провести ложное сосредоточение сил перед линией обороны советских войск на Северном Донце южнее Волчанска. Для дезориентирования командования Красной Армии широко использовались радиосредства, ложные переброски войск в дневное время. Враг всячески старался отвлечь внимание советской разведки от истинных районов сосредоточения ударных группировок.

¹ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. стр. 191.

² См. Horst Grovmann. Geschichte der rheinisch-westfälischen 6. Infanterie-Division 1939—1945. Bad. Nauheim, 1958, S. 162.

В ударную группировку в районе южнее Орла противник выделил восемь пехотных, шесть танковых и одну моторизованную дивизии 9-й армии, входившей в группу армий «Центр». Войска группировки должны были наступать в полосе шириной около 40 километров и наносить удар вдоль железной дороги Орел — Курск. Общая численность этой группировки достигала 270 тыс. солдат и офицеров, около 3,5 тыс. орудий и минометов и до 1,2 тыс. танков и самоходных орудий, что составляло 30 танков и самоходных орудий на 1 километр фронта.

В ударную группировку в районе севернее Харькова включались пять пехотных, восемь танковых и одна моторизованная дивизии 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф», входивших в группу армий «Юг». Группировка должна была нанести два удара: главный — силами 4-й танковой армии вдоль шоссе Обоянь — Курск на фронте шириной до 25 километров и вспомогательный — силами группы «Кемпф» от Белгорода на Корочу на фронте шириной до 15 километров¹. Общая численность группировки достигала 280 тыс. солдат и офицеров, более 2,5 тыс. орудий и минометов и до 1,5 тыс. танков и самоходных орудий. Оперативная плотность достигала 37 танков и самоходных орудий на 1 километр фронта.

Западнее Курского выступа против советских войск действовала 2-я немецкая армия, имевшая в своем составе восемь пехотных дивизий.

Столь большое количество войск и техники, сосредоточенных на направлениях главных ударов, и сравнительно узкие полосы наступления позволяли противнику создавать чрезвычайно высокую плотность войск и боевых средств на 1 километр фронта. Манштейн отмечает, что обе группы армий «Центр» и «Юг» сделали все, чтобы сосредоточить наибольшие силы для достижения успеха².

Общее же количество войск, которое немецко-фашистское командование собиралось использовать для операции «Цитадель», достигало 50 дивизий. Кроме

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 9607, стр. 211—212.

² См. Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 485.

того, к создаваемым для наступления группировкам примыкало на флангах еще около 20 дивизий, которые можно было быстро перебросить для поддержки наступавших войск. Таким образом, всего в битве под Курском могло быть использовано противником около 70 дивизий, то есть более трети всех немецких соединений, находившихся на советско-германском фронте. Почти четвертую часть их составляли танковые и моторизованные дивизии — около двух третей всех немецких подвижных соединений, действовавших против Красной Армии.

Всего для проведения операции «Цитадель» германское командование сосредоточило к началу наступления до 900 тыс. солдат и офицеров наземных войск, около 10 тыс. орудий и минометов и 2,7 тыс. танков и самоходных орудий¹.

Для поддержки войск с воздуха в районе Курского выступа гитлеровское командование создало две мощные авиационные группировки. Ударную группировку в районе южнее Орла должен был поддерживать 6-й воздушный флот, специально для этого созданный на базе оперативной группы военно-воздушных сил «Восток». С 15 марта по 1 июля он был усилен пятью авиационными группами, переброшенными из Германии, Франции и Норвегии. Всего в соединениях 6-го воздушного флота насчитывалось около 900 самолетов.

Ударную группировку севернее Харькова поддерживал 4-й воздушный флот. В него входили 1, 4 и 8-й немецкие авиационные корпуса, румынский королевский авиакорпус, пять полков венгерских военно-воздушных сил. К началу наступления он был пополнен пятью бомбардировочными и одной истребительной группами и двумя группами пикирующих бомбардировщиков. Всего в его составе действовало 960 самолетов.

Обе авиационные группировки противника насчитывали 1 тыс. бомбардировщиков, что представляло собой мощную силу; кроме того, для авиационной поддержки операции «Цитадель» привлекалось еще 200 бомбардировщиков из других соединений. Всего

¹ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк. М., Воениздат, 1958, стр. 452.

же в районе Курского выступа было сосредоточено более 2 тыс. самолетов — три четверти всей авиации противника, действовавшей на советско-германском фронте. Здесь были собраны лучшие военно-воздушные силы гитлеровской армии: истребительная эскадра «Мельдерс», легион «Кондор» и другие авиационные части и соединения. Они были пополнены модернизированными бомбардировщиками «Хейнкель-111», новыми истребителями — «Фокке-Вульф-190А», штурмовиками «Хеншель-129».

Чтобы скрыть подготовку наступления, большинство авиационных частей и соединений базировалось на значительном удалении от Курского выступа. Лишь накануне операции они перелетели на ближайшие к району действий аэродромы.

В связи с подготовкой решительного наступления против Красной Армии гитлеровское командование приняло ряд мер для укрепления дисциплины в армии. Ухудшение состава войск, особенно пехотных соединений, вызванное большими потерями на фронте, серьезно беспокоило фашистских генералов. Они усиливали репрессии против солдат и унтер-офицеров, все чаще прибегали к помощи военно-полевых судов, выносивших жестокие приговоры за самые незначительные проступки. Незадолго до начала наступления, 22 июня, Гитлер издал приказ, в котором требовал не останавливаться ни перед чем для повышения боеспособности армии. «Я предлагаю, — говорилось в приказе, — господам главнокомандующим, командирам корпусов и дивизий в случае необходимости действовать беспощадно и докладывать мне об особых случаях невыполнения задачи, чтобы я мог немедленно принять необходимые меры»¹.

В период подготовки к операции в немецко-фашистских войсках проводились учения, тщательно отрабатывалось взаимодействие пехоты с танками и артиллерией, наземных войск с авиацией. В районе Курского выступа значительно активизировалась деятельность разведки противника. Здесь были сосредоточены радиостанции для подслушивания, усилилось наблюдение с переднего края. Широко проводилась

¹ Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2086, д. 97, л. 86.

подготовка тыловых районов в инженерном отношении. Ремонтировались старые и строились новые мосты, прокладывались дороги, создавались многочисленные склады для боеприпасов и продовольствия.

По указанию гитлеровской ставки было резко улучшено снабжение войск, предназначенных для наступления: норма выдачи продуктов увеличивалась более чем в полтора раза. Личный состав дважды в день стал получать водку.

Гитлеровское командование, готовя операцию «Цитадель», предприняло в мае — июне крупную карательную экспедицию против брянских партизан, чтобы обезопасить тыл своей орловской группировки. Для наступления на партизанский край кроме ранее действовавших 707, 221 и 213-й немецких охранных дивизий и 8-го армейского венгерского корпуса в составе трех пехотных дивизий были переброшены 4-я танковая и 10-я моторизованная, 7, 292, 113-я пехотные дивизии и 47, 57-й отдельные охранные полки. Всего против партизан было направлено более 10 дивизий — целая армейская группа войск. Кроме того, проводились массированные налеты бомбардировщиков Ю-88, которые группами по 15—20 машин подвергали бомбежке и обстрелу позиции партизан. В отдельные дни в налетах участвовало до 350 самолетов¹. Гитлеровцы блокировали леса, в которых находились базы партизан, и выселили всех жителей из деревень и поселков, прилегавших к лесным массивам. Часть населения была угнана в Германию, многие населенные пункты стерты с лица земли. В течение почти месяца партизаны героически сражались с врагом. По признанию самих немецких генералов, руководивших карательными операциями, борьба против партизан была сопряжена с огромными трудностями². Более 3 тыс. гитлеровцев в ходе этих боев нашли смерть в Брянских лесах³.

Одновременно враг провел операцию против укра-

¹ Архив МО СССР, ф. 202, оп. 14949, д. 62, лл. 107, 123.

² См. Horst Grobmann. Geschichte der rheinisch-westfälischen 6. Infanterie-Division 1939—1945. Bad. Nauheim, 1958, S. 154—156.

³ Архив МО СССР, ф. 202, оп. 14949, д. 62, л. 120.

инских партизан, действовавших в тылу группы армий «Юг». Стремясь одним ударом ликвидировать партизанский край в северной части Житомирской области, где действовало девять крупных партизанских соединений, наносивших удары по коммуникациям немецких войск, гитлеровцы стянули в этот район к середине июня до 40 тыс. солдат и офицеров. Однако, искусно маневрируя, партизанские соединения вышли из-под удара главных сил врага, нанеся ему при этом большой урон. В это же время гитлеровское командование бросило почти две дивизии против партизан Черниговского соединения. Но врагу не удалось разгромить и черниговских партизан.

Немецко-фашистскому командованию казалось, что оно сделало все возможное для успеха операции «Цитадель». Ни к одной операции второй мировой войны оно не готовилось так всесторонне, так старательно, как к битве под Курском. «Действительно, — заключает Меллентин, — ни одно наступление не было так тщательно подготовлено, как это»¹. Имперский министр пропаганды Геббельс, выступая 5 июня в Берлине перед своими единомышленниками, заверял их, что «немецкий народ может быть совершенно спокоен. Его гигантские усилия под знаком тотальной войны были не напрасны». «На Востоке фронт держится прочно, — хвастался Геббельс. — Из Германии туда вновь поступают непрерывным потоком новое оружие и людские резервы... В один прекрасный день все будет использовано»². По признанию западногерманского историка Центнера, германское командование сосредоточило на Курском выступе все, «на что была способна промышленность Германии и «мобилизованной Европы»³. В наступление были брошены основные силы немецкой армии. «Вся наступательная мощь, — писал бывший сотрудник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал Эрфурт, — которую германская армия способна была собрать, была брошена на осуществление операции

¹ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 191.

² «Völkischer Beobachter», 6. Juni 1943.

³ Kurt Zentner. Nur einmal konnte Stalin siegen. Hamburg, 1952, S. 35.

«Цитадель»¹. Уверенное в успехе летней кампании, германское верховное главнокомандование пригласило на советско-германский фронт турецкую военную миссию, которая должна была наблюдать за ходом наступления. Была приглашена в район Курского выступа также и группа высших румынских офицеров.

1 июля Гитлер вызвал в свою ставку в Восточной Пруссии командующих группами армий, командующих армиями, командиров корпусов, войска которых должны были принять участие в наступлении. В своем докладе о предстоящей летней кампании он заявил, что отсрочка в проведении операции «Цитадель» дала возможность полностью доукомплектовать соединения личным составом, снабдить их новой техникой, сосредоточить огромные силы. Гитлер подчеркнул, что превосходство немцев в танках дает им неоспоримое преимущество, и выразил уверенность в полном успехе операции.

Непосредственно в ночь перед наступлением во всех подразделениях ударных группировок было оглашено обращение Гитлера к личному составу, подписанное им 4 июля. «С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну, — говорилось в обращении. — Ваша победа больше, чем когда-либо, убедит весь мир, что всякое сопротивление немецкой армии в конце концов все-таки напрасно»². Гитлер всячески пытался перед сражением вселить бодрость духа и уверенность в свои войска. Он расхваливал немецкую пехоту, артиллерию и особенно авиацию и танковые части, призывал нанести решающий удар Красной Армии, от которого она не сможет оправиться. «Мощный удар, который будет нанесен советским армиям, — говорилось в обращении, — должен потрясти их до основания... И вы должны знать, что от успеха этого сражения зависит все...»³.

Однако наступление, которым фашистская Германия хотела вновь возратить своим войскам стратегическую инициативу и повернуть ход войны в свою

¹ Waldemar Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Berlin — Frankfurt, 1957, S. 304.

² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 724438, д. 1140, л. 5.

³ Там же.

пользу, развернулось совсем не так, как планировали немецкие стратеги. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...»

2. СОВЕТСКИЙ ПЛАН РАЗГРОМА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД КУРСКОМ. ПОДГОТОВКА ВОЙСК К БОЯМ

Как ни старался противник сохранить в тайне планы своего наступления, они были своевременно вскрыты советским командованием. По данным разведки удалось установить не только общий замысел, вероятные направления намечаемых ударов, но и группировки сил, предназначенные для наступления, боевой и численный состав входивших в них соединений, возможные резервы и сроки их прибытия, а затем и время начала наступления.

Уже в первой половине апреля вопрос об отражении немецко-фашистского наступления обсуждался на совещании в селе Свобода под Курском. В работе этого совещания приняли участие член Политбюро ЦК ВКП(б), Секретарь ЦК КП(б) Украины, член Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущев, Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, член Военного совета фронта генерал-майор К. Ф. Телегин, начальник Тыла Красной Армии генерал-полковник А. В. Хрулев и другие. На совещании был вскрыт основной замысел противника и решено, что наиболее целесообразно встретить вражеское наступление обороной, а затем, когда враг истощит свои силы, перейти в контрнаступление. Более подробные соображения о плане действий советских войск военные советы фронтов должны были представить в Ставку в самое ближайшее время.

21 апреля, докладывая в Ставку, командование Воронежского фронта — командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин, член Военного совета Н. С. Хрущев¹,

¹ Членом Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущев был назначен в конце февраля 1943 г.

Генерал армии
К. К. Рокоссовский

начальник штаба генерал-майор Ф. К. Корженевич, — войска которого находились на южном фланге Курского выступа, так характеризовало замысел врага на летнюю кампанию 1943 г.: «Противник готовится к наступлению и будет наносить концентрические удары из района Белгород, Борисовка на северо-восток и из района Орел на юго-восток с тем, чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород, Курск. В дальнейшем противник попытается либо

повторить свой удар на юго-восток в тыл Юго-Западному фронту с последующим поворотом на север, либо он в этом году откажется от удара на юго-восток и будет проводить другой план, а именно: после концентрических ударов из районов Белгород и Орел он будет проводить удар на северо-восток для обхода Москвы»¹. Обращая внимание на то, что враг главную ставку делает на танки и авиацию, командование фронта предлагало «теперь же разработать план крупной воздушной операции по уничтожению авиации противника на аэродромах и своевременно начать выполнение этого плана, а также самым тщательным образом подготовиться к отражению массовой танковой атаки противника и к уничтожению его танков»².

Измотать наступающего противника, заставить его обломать зубы на рубежах заранее подготовленной обороны, «а затем, выбрав благоприятный момент, перейти в контр наступление и окончательно разгромить его»³ — такой план действий предлагало командова-

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 10189, л. 2.

² Там же, л. 3.

³ Там же, л. 5.

ние Воронежского фронта. Оно докладывало в Ставку: «В летнюю кампанию 1943 г. целью наступательных операций на юге должны быть разгром вооруженных сил противника на Украине, полное очищение от него Левобережной Украины и овладение крупным плацдармом на правом берегу реки Днепр с выходом на фронт Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях — на фронт Черкассы, Николаев. Достижение этой крупной цели лишит противника богатейшей продовольственной базы, крупных промышленных районов и центров, как Донбасс, Кривой Рог, Харьков, Днепропетровск. Оно выведет из строя наиболее активную часть германской армии и приблизит нас к ее южным союзникам, а это ускорит выход их из войны. Поэтому в случае успеха намечаемых действий целесообразно будет бросить крупные резервы Ставки Верховного Главнокомандования для максимального развития этого успеха, с тем чтобы здесь достичь решающих для исхода войны результатов¹. Далее командование Воронежского фронта предлагало конкретный план совместных действий всех фронтов южного крыла советско-германского фронта.

Командование Центрального фронта — командующий генерал армии К. К. Рокоссовский, член Военного совета генерал-майор К. Ф. Телегин, начальник штаба генерал-лейтенант М. С. Малинин, — войска которого находились на северном фасе Курского выступа, в апреле в своем докладе в Ставку о плане операций на лето также указывало, что противник попытается предпринять решающее наступление с орловского и белгородско-харьковского плацдармов по сходящимся направлениям. В случае успеха, предупредило командование фронта, враг сможет окружить в районе Курска соединения нескольких советских армий и выйти в тыл войскам Центрального и Воронежского фронтов. Командование Центрального фронта также считало, что советские войска должны перейти здесь к обороне. Оно предлагало сосредоточить восточнее Курского выступа резервы Верховного Главнокомандования (РВГК) в составе двух — трех общевойсковых армий.

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 10189, л. 8.

Генерал армии
Н. Ф. Ватутин

На основании всестороннего анализа политической и военной обстановки, учитывая предложения военных советов фронтов и мнение Генерального штаба, был выработан план действий советских войск на лето и осень 1943 г. Этот план состоял в том, чтобы в течение лета и осени изгнать немецко-фашистских оккупантов за линию Смоленск — река Сож — среднее и нижнее течение Днепра, сокрушить так называемый «Восточный вал» гитлеровцев, а также ликвидировать вражеский плацдарм на Куба-

ни. Главный удар летом 1943 г. предполагалось нанести на юго-западном направлении с целью освободить богатую хлебом Левобережную Украину и угольно-промышленный центр Донбасс. Второй удар намечен был на западном направлении с задачей освободить восточные районы Белоруссии и разгромить группу армий «Центр», по-прежнему угрожающую Центрально-промышленному району страны и столице Советской Родины Москве.

Красная Армия была способна первой начать наступательные действия. Сил для этого она имела достаточно. Но в условиях, когда противник также готовился к мощному наступлению, было целесообразнее противопоставить ему заранее подготовленную, глубоко эшелонированную непреодолимую оборону. Поэтому Ставка решила, учитывая предложения командования фронтов, обессилить наступающего противника в оборонительных боях, а затем контрнаступлением завершить его разгром. Последующие события показали, что советское командование в сложившейся обстановке избрало наиболее правильный план дей-

ствий, чтобы разгромить создаваемую врагом мощную группировку и, удержав за собой стратегическую инициативу, использовать достигнутый успех для развертывания нового мощного наступления.

Оборонительную операцию под Курском намечалось осуществить в основном силами Центрального и Воронежского фронтов, войска которых занимали Курский выступ. Вместе с тем, учитывая, что противник готовит мощные удары с решительными целями, Ставка сосредоточила в районе Курского выступа большие резервы с расчетом использовать их не только для обороны, но и для последующего наступления. В этих целях был образован Резервный фронт (впоследствии получивший название Степного), состоявший из общевойсковых армий, танковых и механизированных соединений. Уже самые условия местности — открытая степь, лишь кое-где пересекаемая оврагами и балками, — предопределяли возможность массированного применения танков и других подвижных средств обеими сторонами. Это было учтено советским командованием.

В Резерве Ставки, а также во вторых эшелонах фронтов были сосредоточены пять танковых армий, ряд отдельных танковых и механизированных корпусов, большое количество стрелковых корпусов и дивизий. Крупные подвижные силы и лучшие стрелковые соединения, сосредоточенные в резерве, были способны нанести противнику мощный контрудар в случае его наступления и осуществить контрнаступление с решительными целями.

Одновременно с организацией обороны войск в Курском выступе командования Западного и Брянского фронтов получили задачу подготовить наступательную операцию против орловской группировки врага, которая должна была начаться после того, как будет сорвано наступление противника. Наступательные операции готовили и остальные фронты — Центральный, Воронежский, Степной, — а также правифланговая 57-я армия Юго-Западного фронта.

К июлю, к началу летне-осенней кампании, положение сторон на советско-германском фронте было следующим.

На севере соединения Карельского фронта и 7-й от-

дельной армии оставались на прежних рубежах от Баренцева моря до Ладожского озера. Против них действовали 20-я немецкая горная армия и две оперативные группы финских войск. Всего противник имел здесь 17 дивизий (из них одну танковую) и 3 бригады. Войска Ленинградского фронта, прорвав в январе совместно с частями Волховского фронта блокаду Ленинграда, продолжали стойко оборонять ближние подступы к городу, а частью сил удерживали плацдарм в районе Ораниенбаума. Соединения Волховского и Северо-Западного фронтов располагались по линии Мга — Кириши — Новгород — Старая Русса и далее до Великих Лук. Против этих трех фронтов действовала группа армий «Север» (18-я и 16-я немецкие армии) и одна оперативная группа финских войск. В их составе имелись в общей сложности 51 дивизия (в том числе одна моторизованная) и две бригады. Калининский и Западный фронты после ликвидации ржевско-вяземского плацдарма противника выдвинулись на линию Великие Луки — станция Дорогобуж — Киров. Войска Брянского фронта еще зимой вышли на рубеж западнее Белева — Новосиль — севернее Малоархангельска.

Курский выступ обороняли соединения Центрального и Воронежского фронтов. В их тылу, восточнее Курска, были сосредоточены войска Степного фронта. Против Калининского, Западного, Брянского, Центрального и правого крыла Воронежского фронта действовала немецкая группа армий «Центр» (3-я танковая, 4-я, 2-я танковая, 9-я и 2-я армии), имевшая в своем составе 87 дивизий (в том числе 11 танковых и моторизованных) и одну бригаду.

Соединения Юго-Западного фронта после отражения вражеского весеннего контрнаступления в районе Харькова прочно закрепились на левом берегу Северного Донца от Волчанска до устья реки Айдар. Войска Южного фронта занимали оборону по реке Миус. В полосе этих двух фронтов, а также против войск центра и левого крыла Воронежского фронта оборонялась группа армий «Юг» (4-я танковая армия, оперативная группа «Кемпф», 1-я танковая и 6-я армии¹).

¹ 6-я немецкая армия была создана взамен армии, уничтоженной на Волге.

Всего в этой группе насчитывалось 43 дивизии (из них 13 танковых и моторизованных).

Соединения Северо-Кавказского фронта, нанеся поражение противнику в зимнюю кампанию, продолжали вести бои на Таманском полуострове. Против них действовала группа армий «А» (17-я армия и оперативная группа «Крым»), имевшая в своем составе 23 дивизии (в том числе танковую и моторизованную и 2 кавалерийские).

На всем советско-германском фронте немецкое командование имело в резерве около восьми дивизий.

Всего же против Красной Армии к началу летне-осенней кампании действовали из 294 дивизий, имевшихся в сухопутных силах Германии, 196 дивизий, из них 26 танковых и моторизованных, что составляло около 70 процентов всех сухопутных войск врага. Кроме этого, на советско-германском фронте находились 15 дивизий и 6 бригад финских (из них одна дивизия танковая), 5 дивизий и 2 бригады венгерские, 9 дивизий румынских, 2 дивизии словацкие (из них одна моторизованная) и одна испанская дивизия. Таким образом, советским войскам противостояли 232 дивизии противника¹.

Подготовка советских войск к летним боям в районе Курского выступа развернулась еще в начале весны 1943 г., когда они перешли здесь к обороне после завершения зимней кампании. Эта подготовка проходила под руководством представителей Ставки Верховного Главнокомандования, военных советов фронтов и армий. Огромную работу при подготовке войск к сражению в районе Курского выступа проводил член Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущев. Его деятельность как члена Политбюро ЦК ВКП(б) и Секретаря ЦК КП(б) Украины выходила за рамки Воронежского фронта. Многие мероприятия, которые проводились Военным советом этого фронта, становились достоянием других фронтов. Непосредственно под руководством Н. С. Хрущева работала большая группа ответственных партийных работников. Многие секре-

¹ Здесь и в последующем при подсчетах две бригады приравниваются к одной дивизии.

Под Курском. На наблюдательном пункте
командира 22-го гвардейского стрелкового корпуса.
Слева направо: Н. С. Хрущев, командующий 6-й гвардейской
армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков, командир
корпуса генерал-майор Н. Б. Ибянский (июль 1943 г.)

тарн обкомов были назначены членами военных советов армий и принимали деятельное участие в подготовке войск к боям.

Командование Центрального фронта, предполагая, что враг, вероятнее всего, перейдет в наступление против войск правого крыла фронта и будет наносить главный удар на направлении Поньри — Золотухино — Курск, основные силы сосредоточивало на правом крыле в полосе шириной до 95 километров. Там в первом эшелоне обороны были развернуты три армии (48, 13 и 70-я). Во втором эшелоне, за 13-й и 70-й армиями, располагалась 2-я танковая армия (3-й и 16-й танковые корпуса). На остальном участке фронта протяженностью свыше 200 километров занимали оборону две армии (65-я и 60-я). В резерве командующего фронтом находились один кавалерийский, два танковых корпуса (9-й и 19-й) и несколько истребительно-противотанковых артиллерийских частей. С воздуха войска фронта поддерживала 16-я воздушная армия.

Командование Воронежского фронта считало наступление противника наиболее вероятным в трех направлениях: из района западнее Белгорода на Обоянь, из того же района на Корочу и из района западнее

Волчанска на Новый Оскол. Предполагалось, что главный удар враг будет наносить на одном из первых двух направлений. Поэтому было решено основные силы и средства сосредоточить в центре и на левом крыле фронта. Здесь в полосе шириной 114 километров в первом эшелоне обороны стояли две гвардейские армии — 6-я и 7-я. На остальном участке фронта протяженностью в 130 километров должны были обороняться 38-я и 40-я армии. Во втором эшелоне за 6-й и 7-й гвардейскими армиями на направлении Обоянь — Курск располагалась 1-я танковая армия (31-й и 6-й танковые и 3-й механизированный корпуса), а на направлениях Белгород — Короча и Волчанск — Новый Оскол — 69-я армия.

Резерв составляли 35-й гвардейский стрелковый корпус, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. С воздуха войска фронта поддерживала 2-я воздушная армия.

В тылу, за Центральным и Воронежским фронтами, сосредоточивались войска Степного фронта — командующий генерал-полковник И. С. Конев, член Военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков, начальник штаба генерал-лейтенант М. В. Захаров. В состав этого фронта входили 5-я гвардейская, 27, 53 и 47-я общевойсковые армии, 5-я гвардейская танковая армия, 4-й гвардейский и 10-й танковые корпуса, 1-й механизированный корпус, 7, 3 и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса. С воздуха войска Степного фронта поддерживала 5-я воздушная армия. Войска фронта составляли стратегический резерв Красной Армии. Они предназначались для усиления советских войск на любом угрожаемом направлении и для организации сплошного фронта обороны восточнее Курского выступа, а в дальнейшем — для участия совместно с войсками других фронтов в контрнаступлении. По своему боевому и численному составу этот фронт представлял собой наиболее мощный резерв, когда-либо создававшийся в годы Великой Отечественной войны. «К началу немецкого наступления, — вспоминает Маршал Советского Союза И. С. Конев, — войска фронта были в полной боевой готовности и представляли мощную ударную группировку, способную действовать как на орловском, так и на белгородско-

Генерал-полковник
И. С. Конев

харьковском оперативных направлениях»¹.

Координацию действий фронтов на месте осуществляли представители Ставки Маршалы Советского Союза А. М. Василевский и Г. К. Жуков.

Советское командование сделало все, чтобы не допустить прорыва обороны наших войск. Оно усилило их большим количеством артиллерии. Впервые в Великой Отечественной войне в оборонявшихся войсках количество артиллерийских полков превысило число стрелковых в полтора раза, причем три четверти их

приходилось на артиллерийские полки Резерва Верховного Главнокомандования. Наибольшая плотность артиллерии создавалась на направлениях вероятных ударов противника. 13-я армия Центрального фронта, прикрывавшая наиболее угрожаемое направление вдоль железной дороги Орел — Курск, получила на усиление 4-й артиллерийский корпус прорыва, насчитывавший 700 орудий и минометов. Впервые общевойсковой армии в обороне придавалось такое мощное артиллерийское соединение. В полосе обороны 13-й армии была сосредоточена почти половина всех артиллерийских полков РВГК, имевшихся в распоряжении фронта. Благодаря этому в армии была создана невиданная до этого ни в одной оборонительной операции плотность артиллерии — около 92 орудий и минометов калибром от 76 мм и выше на 1 километр фронта. Это было в полтора раза больше, чем смог создать для своего наступления противник.

Всего в ходе подготовки к обороне в распоряжение Центрального и Воронежского фронтов поступило

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 16158, стр. 2—3.

на доукомплектование более 9 тыс. орудий и минометов; фронты дополнительно получили 92 артиллерийских полка РВГК. К началу оборонительного сражения в составе фронтов насчитывалось более 20 тыс. орудий (из них около 6 тыс. противотанковых) и минометов, а также 920 установок и рам полевой реактивной артиллерии. Это значительно больше, чем имели в наступательной операции на Волге три фронта.

Полное свое развитие на Курском выступе получило инженерное оборудование обороны. Каждая армия, оборонявшаяся в первом эшелоне фронта, имела главную, вторую и армейскую (тыловую) полосы обороны. На отдельных участках они дополнялись отсечными и промежуточными полосами и позициями. Главная полоса обороны оборудовалась на глубину 5—6 километров и состояла из батальонных районов обороны, противотанковых районов и опорных пунктов и системы инженерных заграждений. Особенностью обороны являлось широкое применение траншей и ходов сообщения, объединенных в общую систему.

В главной полосе обороны были отрыты две — три линии траншей, а на важнейших направлениях — до четырех — пяти траншей, соединенных между собой ходами сообщения. Кроме траншей в батальонных районах обороны сооружались огневые точки, блиндажи и укрытия. Вторая полоса обороны оборудовалась в 10—12 километрах от переднего края главной полосы. Она имела примерно такую же глубину и инженерное оборудование, как и главная. Тыловая армейская полоса строилась в 30—40 километрах от переднего края главной полосы. За ними создавались два — три фронтовых оборонительных рубежа общей глубиной до 40—75 километров.

По заросшим за войну бурьяном полям и среди зреющих хлебов, вблизи деревень и по склонам пологих степных высот — всюду тянулись окопы. Только в полосе Центрального фронта одних траншей и ходов сообщения было отрыто свыше 5 тыс. километров, что равнялось расстоянию от Москвы до Иркутска.

Глубина обороны войск Центрального и Воронежского фронтов достигала 150—190 километров. Но этим общая глубина обороны на направлении вероятного наступления врага не исчерпывалась. За Централь-

ным и Воронежским фронтами готовились еще рубеж обороны Степного фронта и стратегический рубеж по Дону. Всего к началу наступления противника было построено восемь оборонительных полос и рубежей на общую глубину 250—300 километров.

Оборона на Курском выступе готовилась прежде всего как противотанковая. Основу ее в полосе действий Центрального и Воронежского фронтов составляли противотанковые опорные пункты и районы, а также система минно-взрывных заграждений. Для противотанковой обороны были заблаговременно выделены и подготовлены артиллерийские резервы и подвижные отряды заграждения. В опорные пункты обычно выделялось по три—пять орудий, до пяти противотанковых ружей, два—пять минометов, от отделения до взвода саперов и отделение автоматчиков. Некоторые противотанковые опорные пункты, расположенные на важнейших направлениях, имели до 12 орудий. Противотанковая оборона с таким насыщением огневыми средствами до этого еще никогда не создавалась.

Большое применение в обороне под Курском нашли противотанковые и противопехотные заграждения. Инженерные войска Центрального фронта установили до 400 тыс. мин и фугасов. Средняя плотность минирования в полосе Центрального и Воронежского фронтов достигала на важнейших направлениях 1,5 тыс. противотанковых и 1,7 тыс. противопехотных мин на 1 километр фронта. Это было в шесть раз больше, чем в обороне под Москвой, и в четыре раза больше, чем на Волге.

Все минные поля тщательно маскировались и прикрывались огнем артиллерии и минометов, что делало местность почти непроходимой для вражеских танков и мотопехоты. Но если бы танки противника все же смогли прорваться в глубину, то там их должна была уничтожать артиллерия, ведя огонь прямой наводкой. К борьбе с танками врага привлекались и реактивные минометы. «Для изыскания наиболее эффективных способов применения этого вида артиллерии с целью отражения массированных атак танков, — вспоминает Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, — с минометчиками были прове-

дены опытные стрельбы по макетам танков. Эти стрельбы показали высокий процент попаданий»¹.

Одной из главных особенностей обороны на Курском выступе был ее активный характер. Войска должны были не только отражать удары противника, но и наносить ему ответные удары. Для этого создавались сильные вторые эшелоны и резервы с танками и артиллерией. Кроме того, планировалась артиллерийская и авиационная контрподготовка на наиболее вероятных направлениях наступления противника.

Для противовоздушной обороны войск на Курском выступе сосредоточивалось 9 зенитных артиллерийских дивизий, 40 полков, 17 дивизионов, 5 батарей, 22 пулеметные роты, 10 зенитных бронепоездов и 2 авиационные истребительные дивизии ПВО страны. Для стрельбы по самолетам врага в главной полосе обороны выделялось более четверти всех войсковых станковых и ручных пулеметов, противотанковых ружей, а на остальных полосах обороны — половина. Их расчеты обучались умению быстро переходить от борьбы с наземным противником к стрельбе по воздушным целям.

Воздушные армии фронтов в период подготовки операции совершили ряд налетов на аэродромы противника и скопления его войск, а также на железнодорожные узлы и эшелоны. Интенсивно проводились учебно-тренировочные полеты. Экипажи самолетов изучили с воздуха районы, где предстояло вести боевые действия. В штабах воздушных армий и соединений изыскивались наиболее эффективные способы применения авиации. Авиационные штабы спланировали боевые действия летных частей и организовали взаимодействие с наземными войсками. Усиленно велась воздушная разведка. Совершив около 6 тыс. разведывательных вылетов, летчики помогли определить состав и расположение вражеских войск, их систему обороны.

Советское командование сумело создать на Курском выступе действительно непреодолимую оборону.

Огромная заслуга в этом принадлежала органам

¹ К. К. Рокоссовский. На Центральном фронте. В кн.: Дорогой борьбы и славы. М., Госполитиздат, 1961, стр. 252.

тыла Красной Армии, которые сделали все возможное, чтобы удовлетворить требования устойчивой, активной обороны войск и дать им все необходимое для быстрого перехода в контрнаступление. В непосредственной близости от районов действий войск была развернута широкая сеть фронтовых и армейских складов, медицинских, ремонтно-эвакуационных и других тыловых частей и учреждений.

В период подготовки к летним боям в войсках велась напряженная боевая и политическая подготовка. Основу боевой подготовки составляло практическое изучение новых уставов, обобщавших накопленный опыт войны. Главное внимание обращалось на организацию взаимодействия родов войск, борьбу с танками и авиацией, проведение контратак и контрударов, на действия ночью. Штабы тренировались в четком управлении войсками как в обороне, так и в наступлении. В общевойсковых соединениях систематически проводились двухсторонние тактические учения на местности.

Подразделения и части, занимавшие главную полосу обороны, на время сменялись и выводились в тыл, где обучались на местности, схожей с той, на которой им предстояло действовать.

Командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов, ответственные оперативные работники большую часть времени в период подготовки к боям проводили в частях и соединениях. В 6-й гвардейской армии, оборонявшейся на главном направлении Воронежского фронта, в каждой дивизии были проведены совещания командного состава, на которых рассматривалась вся система обороны. Этими совещаниями непосредственно руководил Военный совет фронта. Участие в них принимали командующий армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков, член Военного совета генерал-майор П. И. Крайнов, начальник штаба генерал-майор В. А. Пеньковский и другие работники фронта и армии.

Политорганы и партийные организации, используя опыт политического обеспечения предшествовавших операций, наметили практические меры по улучшению партийно-политической работы. Военные советы фронтов требовали от политорганов, партийных орга-

низаций и всех коммунистов принять активное участие в подготовке войск к предстоящим боевым действиям, в разъяснении боевых задач, которые будут решаться частями и подразделениями. Выступая в конце мая на совещании начальников политотделов Воронежского фронта, посвященном подготовке войск к боям, Н. С. Хрущев говорил: «Враг готовится к нанесению нового удара. Для нас дорог каждый день. Политработа — это все то, чем живет боец. Состояние оружия, учеба, питание — все это входит в круг работы политработников. Требуется немедленно поднять политработу на более высокий уровень»¹.

Претворяя в жизнь это указание, политработники, партийные организации частей и подразделений все усилия направили на непосредственную подготовку личного состава к близившимся боям. Политработники организовывали для бойцов беседы о способах борьбы с новыми вражескими танками, широко используя при этом наглядные пособия: схемы немецких танков, макеты. Коммунисты были примером для всех воинов при рытье окопов, траншей, оборудовании блиндажей и наблюдательных пунктов, в овладении оружием. В авиационных частях командиры-коммунисты делились с молодыми летчиками опытом прошлых боев, разбирали с ними приемы борьбы с новыми немецкими истребителями ФВ-190А, модернизированными бомбардировщиками Хе-111.

Военные советы, политорганы, партийные и комсомольские организации развернули напряженную деятельность по повышению политико-морального состояния войск, воспитанию у солдат и офицеров непоколебимой стойкости, чувства ответственности за удержание рубежа, который занимали их подразделение и часть.

Обращаясь к коммунистам, Военный совет и политуправление Воронежского фронта призвали их быть на самых ответственных и опасных участках боя, своим примером воодушевлять бойцов: «Народ, партия большевиков благословили тебя на ратное дело. Будь храбрейшим среди храбрых! Умело, стойко, зло бей врага. Победа сама не придет, ее надо вырвать,

¹ Архив МО СССР, ф. 203, оп. 292045, д. 2, л. 35.

Советская артиллерия готова встретить врага (июль 1943 г.)

завоевать. Вступая в смертельный бой с врагом, всегда помни, что ты вожак масс, что ты сын Коммунистической партии»¹.

Там, где позволяла обстановка, проводились короткие митинги с участием членов военных советов фронтов и армий. Воины, уже побывавшие в боях, делились своим опытом, призывали быть стойкими и мужественными. Солдаты и офицеры 15-й мотострелковой бригады на митинге заявили: «Наше сопротивление многократно возрастает. Наша стойкость удесятеряется. Пока мы живы, враг не пройдет. Клянемся еще раз перед Родиной, что не пожалеем своих сил, а если надо будет, и жизни для защиты Родины от кровавого врага. Уничтожали и уничтожили гитлеровскую гадину под Сталинградом, уничтожим ее и

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 6071, лл. 29—30.

здесь, под Орлом и Курском. Будем стоять насмерть. Враг не пройдет! Наступать будем мы!»¹.

Как и всегда, в особенно трудные минуты советские воины, готовясь к тяжелым боям, обращались мыслями к родной Коммунистической партии. Тысячи солдат и офицеров вступали в ее ряды, выражая этим свою беззаветную преданность партии и народу. Фронты, армии, корпуса и дивизии, части и подразделения имели в своем составе большое количество членов и кандидатов партии и комсомольцев. Только в войсках Воронежского фронта к началу оборонительного сражения насчитывалось 95 тыс. коммунистов и свыше 114 тыс. комсомольцев. Более 80 процентов командиров полков и батальонов и большинство командиров рот и взводов были коммунистами. То же было и на других фронтах.

Широко развернувшаяся партийно-политическая работа в войсках способствовала повышению их стойкости в обороне, высокому порыву в наступлении.

В период подготовки к летним боям военные советы фронтов и армий установили более тесную связь с партизанами, поставили перед ними новые задачи. Многие командиры и комиссары украинских, орловских, курских партизанских соединений побывали в войсках Красной Армии в районе Курского выступа. Они получили от военных советов фронтов и армий конкретные задания по оказанию помощи войскам во время боев. Брянским партизанам, действовавшим в тылу орловской группировки противника, было дано задание удерживать Брянские леса как базу своей боевой деятельности, дезорганизовывать вражеские перевозки по железнодорожным магистралям Рославль — Брянск — Орел и Брянск — Унеча. Курские партизаны получили приказ усилить удары по фронтовым железным и шоссейным дорогам, связывавшим группы армий «Центр» и «Юг», нападать на тыловые подразделения противника, выводить из строя его линии связи. Н. С. Хрущев дал подробные указания в связи с предполагавшимся наступлением Красной Армии командиру соединения украинских кавалерийских партизанских отрядов М. И. Наумову и комиссару

¹ Архив МО СССР, ф. 226, оп. 52862, д. 1, л. 374.

Житомирского партизанского соединения З. А. Богатырю, просил их передать привет партизанам и выразил надежду на скорую встречу на украинской земле.

В результате всесторонней напряженной деятельности военных советов фронтов и армий, штабов соединений и частей, политорганов и партийных организаций, всего личного состава советские войска, находившиеся на Курском выступе, были подготовлены к разгрому врага.

3. ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНОВ СОВЕТСКИМ ВОЙСКАМ

В подготовке к предстоящим сражениям в районе Курского выступа принимали участие не только войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов, но и население прифронтовых областей. Испытав все ужасы вражеской оккупации, население Курской, Орловской, Воронежской и Харьковской областей готово было отдать все силы, лишь бы никогда не вернулось это черное время. Сотни тысяч трудящихся освобожденных городов, сел и деревень стремились оказать всю возможную помощь Красной Армии, чтобы скорее добиться победы.

Партийные организации прифронтовых областей, руководствуясь известным указанием В. И. Ленина о том, что каждая организация Советской России должна ставить во время войны на первое место вопрос об армии, возглавили патриотическое стремление советских людей оказать помощь фронту. Партийные организации делали все, чтобы ускорить строительство оборонительных рубежей, восстановление путей сообщения, ремонт дорог, развертывание госпиталей. В решении пленума Курского обкома партии, состоявшегося в апреле 1943 г., подчеркивалось, что важнейшая задача коммунистов, всех трудящихся области — это всесторонняя помощь Красной Армии, удовлетворение нужд фронта. Пленум обязал все партийные организации области помогать воинским частям в строительстве оборонительных сооружений, аэродромов, посадочных площадок, следить за грунтовыми дорогами военного значения, оказывать содействие в уве-

личении пропускной способности железных дорог. Пленум признал необходимым принять все меры к восстановлению предприятий, могущих работать для фронта, оказывать всемерную помощь раненым, находящимся в госпиталях¹. Обращаясь к населению, обком призывал: «Сооружение оборонных рубежей, укрепление каждого города, села, железнодорожной станции — дело всех трудящихся нашей области... Близится решающее сражение. Чем скорее соорудим мы оборонные укрепления... тем легче будет Красной Армии сломить сопротивление врага, разгромить и изгнать его с нашей земли»².

В апреле на строительстве оборонительных рубежей в полосе Центрального и Воронежского фронтов работало 105 тыс. курян — колхозников, служащих, домохозяек, в июне — 300 тыс.³.

Население самоотверженно трудилось всюду: на строительстве траншей, дзотов, на работах по расширению аэродромов, ремонту дорог. Многие неделями не уходили домой с объектов, которые они возводили. Часто люди после тяжелого трудового дня, отдохнув несколько часов, ночью вновь принимались за работу. Каждый считал своим долгом внести посильную лепту в общее дело разгрома врага. Ежедневно после напряженного рабочего дня приходили на оборонное строительство работницы — жены фронтовиков. Трудовой энтузиазм царил на строительстве оборонительных сооружений. «...Я не уйду с рубежа, — писала одна из работниц Р. И. Протонина, — до тех пор, пока не выполню порученного дела... Буду работать еще лучше, еще упорнее, буду делать все, чтобы облегчить моему мужу и его боевым товарищам победу над проклятым врагом»⁴.

Условия работы были очень трудными. Враг артиллерийским обстрелом, бомбежками пытался помешать строительству укреплений или хотя бы замедлить его. Почти все приходилось делать вручную. Не хватало инструментов, инвентаря. Местами нетронутая земля плохо поддавалась лопате. Надо было

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 1119, л. 1.

² «Курская правда», 13 июня 1943 г.

³ Партархив Курского обкома КПСС, ф. 33, оп. 1, д. 63, л. 63.

⁴ «Курская правда», 21 июля 1943 г.

делать двойную работу: сначала рыхлить землю кирками, а затем уже выбрасывать лопатами. Но советские люди мужественно переносили все трудности, смело смотрели в лицо опасности. В эти дни они жили одной мыслью, одним стремлением — закончить создание рубежей обороны до перехода врага в наступление.

С особым старанием трудились куряне над сооружением укреплений на подступах к Курску. «Не допустить врага к родному городу» — таким был лозунг, брошенный строителями — трудящимися Курска. За короткий срок на подступах к городу было построено 130 артиллерийских сооружений, более 900 дзотов, 46 земляных валов. Внутри города все здания были превращены в опорные пункты, улицы перехвачены баррикадами.

Вместе с курянами на строительстве оборонительных рубежей в полосе Центрального фронта работали трудящиеся Орловской и Воронежской областей.

Много сил и труда вложили орловцы в строительство полевых укреплений. Еще в 1942 г. военный отдел областного комитета партии, информируя секретаря обкома Н. Г. Игнатова об участии населения в создании оборонительных рубежей, отмечал, что «населением районов отработано на строительстве оборонительных сооружений (огневых точек и дзотов, противотанковых рвов и эскарпов, дорог, мостов, амбразур, противотанковых надолб и ежей, окопов, ходов сообщений и т. д.) 5 051 135 человеко-дней»¹. Со стабилизацией фронта весной 1943 г. и образованием Курского выступа участие орловцев в создании укреплений приняло еще больший размах. 20 марта на объединенном заседании Орловского обкома партии и облисполкома было принято решение направить на два месяца 10 тыс. человек для завершения оборонного строительства на Курском выступе. В постановлении подчеркивалась необходимость превращения каждого района «в неприступную для врага крепость обороны»².

¹ Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сборник документов и материалов. Орловское книжное издательство, 1960, стр. 82.

² Партархив Орловского обкома КПСС, ф. 52, оп. 6, д. 419, л. 54.

В то же время обкомом была организована проверка состояния ранее построенных оборонных сооружений. Для этого были созданы специальные комиссии при участии представителей армий, которые наметили перечень необходимых ремонтных работ и вместе с сельсоветами приняли срочные меры к их осуществлению. По просьбе Военного совета Степного фронта объединенное заседание обкома и облисполкома 5 июня решило провести новую мобилизацию населения из Краснинского, Задонского, Чибисовского районов на строительство оборонительных сооружений сроком на один месяц.

Руками орловцев и воронежцев были построены и оборонительные сооружения в глубоком тылу Курского выступа: по реке Оскол — рубеж обороны Степного фронта и по левому берегу Дона — государственный рубеж обороны.

За три месяца подготовки к обороне трудящиеся прифронтовых районов вырыли по всему Курскому выступу одних только траншей более 5 тыс. километров. Кроме того, до начала боев с помощью местного населения было построено и восстановлено около 250 мостов и более 3 тыс. километров шоссейных и грунтовых дорог.

Неоценимую помощь оказали трудящиеся освобожденных областей в восстановлении и строительстве железных дорог. Для войск Центрального и Воронежского фронтов особенно важное значение имела железнодорожная магистраль Воронеж — Касторная — Курск. При зимнем отступлении гитлеровцы сделали все, что было в их силах, для вывода ее на длительное время из строя. Они взорвали мосты через Дон и другие реки, разрушили станционные постройки и оборудование, подорвали или увезли рельсы. Население Воронежской области взялось за восстановление этой важнейшей дороги. Самым трудным было построить мост через Дон у станции Семилуки, недалеко от Воронежа. Опоры старого моста, кроме двух береговых устоев, и металлические фермы были разрушены и частично сброшены в реку. В короткий срок, за 25 дней, необходимо было расчистить русло Дона и восстановить мост. Работы начались в конце марта. Строители проявляли чудеса трудового героизма, ра-

ботая порой по 12—14 часов, ночуя здесь же, на берегу реки. Несмотря на огромные трудности, они сделали, казалось, невозможное. Меньше чем через месяц — 22 апреля — мост вступил в эксплуатацию, и по железной дороге Воронеж — Касторная — Курск началось движение¹.

Деятельное участие приняли жители освобожденных областей в строительстве новой железнодорожной линии Старый Оскол — Ржава, крайне необходимой для снабжения войск Воронежского фронта. До этого его снабжение шло через Курский железнодорожный узел по единственной ветке Курск — Щигры — Касторная, которая обслуживала также Центральный фронт. Для Воронежского фронта выделялось не более двух — трех пар поездов в сутки. 6 июня Военный совет фронта обратился в Государственный Комитет Обороны с просьбой дать указание о постройке ветки Старый Оскол — Ржава протяженностью 95 километров. Сооружение ее дало бы Воронежскому фронту самостоятельную железнодорожную коммуникацию. Снабжение его войск в этом случае шло бы через Касторную и Валуйки, минуя Курск. Буквально через день, 8 июня, Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве железной дороги Старый Оскол — Ржава. Ее сооружение должно было начаться 15 июня, а через два месяца, 15 августа, предполагалось открыть рабочее движение. Государственный Комитет Обороны обязал Курский обком партии и облисполком выделить для строительства рабочую силу и транспорт.

Одними из первых прибыли на стройку трудящиеся Пристенского района. Вслед за ними стали прибывать жители других районов. В назначенный Государственным Комитетом Обороны срок по всей трассе развернулись работы. В основном здесь трудились колхозники — женщины и молодежь — всего около 25 тыс. человек. В авангарде шли трудящиеся Пристенского района, которые с первых же дней стали перевыполнять нормы выработки. 24 июня они обратились с призывом закончить строительство на месяц раньше, чем предусматривалось постановлением, — к 15 июля.

¹ Партархив Воронежского обкома КПСС, ф. 3, д. 5842, л. 212.

Этот призыв был поддержан всеми строителями. Курский обком партии одобрил инициативу трудящихся Пристенского района и обратился в Государственный Комитет Оборона с предложением сократить сроки строительства. ГКО установил новую дату окончания строительства — 20 июля. Это решение воодушевило строителей. Нормы выработки непрерывно росли. Колхозники Беловского и Волоконовского районов при норме 3,5 кубометра земляных работ в день на человека давали в среднем по 6 кубометров, колхозники Чернянского, Тимского, Советского районов — по 5 кубометров¹. 6 июля на всей трассе была объявлена фронтовая пятидневка. Трудящиеся Касторенского района призвали всех строителей: «Будем работать так, как сражаются с фашистским зверем наши доблестные воины. Дадим две — три нормы за смену»².

Задание Государственного Комитета Оборона — построить дорогу Старый Оскол — Ржава — было выполнено за 32 дня, почти вдвое быстрее, чем намечалось первоначально, и на три дня раньше вновь установленного, сокращенного срока. Уже 16 июля на новой ветке открылось рабочее движение, а через четыре дня, когда войска Воронежского фронта готовились к переходу в контрнаступление, по ней пошли военные грузы. Военный совет фронта тепло поздравил всех строителей новой дороги с успехом. Многие из них за самоотверженный труд и мужество были награждены орденами и медалями.

Немецко-фашистское командование, понимая все значение этой дороги для советских войск, неоднократно пыталось разрушить ее. Самолеты систематически бомбили дорогу, но строители быстро устраняли повреждения. Не ограничиваясь бомбежками, враг забрасывал на дорогу диверсионные группы. 28 июля с помощью колхозников в Ястребовском районе были задержаны два вражеских парашютиста, через сутки — еще четыре. Все они имели задание вывести из

¹ См. Труды кафедры истории КПСС Харьковского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. М. Горького. Т. 7, Харьков, 1959, стр. 187.

² Курская битва. Из воспоминаний участников. Курское книжное издательство, 1959, стр. 177.

строю новую дорогу¹. Редко проходил день, чтобы колхозники не вылавливали диверсантов. Все население прифронтовых районов от мала до велика бдительно охраняло ближайший тыл Красной Армии, помогая 70 истребительным батальонам, организованным из рабочих, колхозников, интеллигенции Курской области².

Большие трудности испытывали войска в ремонте боевой техники, особенно танков. Отправка поврежденных машин в глубокий тыл вызывала потерю времени, перегрузку железнодорожного транспорта, и без того работавшего с крайним напряжением. Когда обо всем этом узнали рабочие Курска, они единодушно решили: «Поможем!» Рабочие ремонтно-механического завода, разрушенного во время оккупации, начали создавать базу по ремонту танков. Трудности были огромны: помещение разрушено, из оборудования осталось всего лишь два старых токарных станка. Но желание помочь фронту преодолело все. Рабочий-пенсионер П. П. Дивулин, по призыву партийной организации вернувшийся на завод, возглавил бригаду монтажников. В течение нескольких дней его бригада разыскивала на разрушенных предприятиях города годное для работы оборудование и переносила его к себе на завод. Вскоре в цехах появились первые станки, горны, необходимый инструмент. Уже в апреле восстановительная база приступила к среднему и капитальному ремонту танков, бронемашин, самоходных орудий. К началу летних боев на ней было отремонтировано более 300 танков³.

Курская ремонтно-восстановительная база не только восстанавливала в своих мастерских поврежденную в боях технику, но и посылала бригады непосредственно на фронт для ремонта танков в полевых условиях. Особенно напряженно работала база, когда начались летние бои. Во Всесоюзном соревновании предприятий Наркомата среднего машиностроения Курская база заняла одно из первых мест. За доблестный труд, за помощь фронту рабочие базы Н. С. Тюрин, А. И. Як-

¹ Партархив Курского обкома КПСС, ф. 1, оп. 27, д. 1056, лл. 59—60.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 232, лл. 23—26.

³ Там же, д. 142, л. 5.

шин, П. П. Кытин и другие были удостоены правительственных наград.

Танки, бронемашины, тягачи восстанавливались и на других предприятиях области. По инициативе рабочего коммуниста А. Д. Бобкова на Дерюгинском сахарном заводе была организована мастерская по ремонту боевой техники. Для этого использовалось старое, выброшенное еще до войны на свалку оборудование. Рабочие Дерюгинского сахарного завода вернули в строй несколько десятков танков, самоходных орудий, тягачей. Боевая техника ремонтировалась также в мастерских восстановленных МТС. В железнодорожных депо и мастерских производился ремонт бронепоездов.

Не отставали от курян и воронежцы. Сразу же после освобождения Воронежа Государственный Комитет Обороны принял решение об организации ремонта танков на предприятиях города. Это было нелегкой задачей, так как враг разрушил в Воронеже все заводы. И все же благодаря самоотверженным усилиям рабочих уже в мае начали работать две крупные ремонтные базы. В начале мая из ремонта вышли первые 20 боевых машин. Число возвращенных в строй танков с каждым днем росло.

Огромную помощь оказали трудящиеся прифронтовых областей войскам в пошиве и починке обмундирования. В конце мая Военный совет обратился к Курскому обкому партии: «Воронежский фронт нуждается в размещении заказов на ремонт предметов обмундирования, главным образом кожаной обуви и гимнастерок, а также в пошиве нового обмундирования»¹. Обком обязал местную промышленность в течение июня и июля отремонтировать для бойцов необходимое количество обуви, гимнастерок, изготовить новое обмундирование. В выполнении заказа фронта приняли участие широкие слои местного населения. Сотни домохозяйек принесли в мастерские сохраненные швейные машинки, школьники обошли квартиры и собрали сапожный инструмент. Общими усилиями были созданы новые швейные и сапожные мастерские

¹ Государственный архив Курской области, ф. 9320, оп. 1, д. 126, л. 61.

в Курске, Старом Осколе, Щиграх, Валуйках, расширены существующие. Первый заказ фронта был выполнен раньше намеченного срока — к 25 июня.

Немалую помощь войскам Красной Армии оказало население в развертывании госпиталей и других медицинских учреждений. Курский горком партии на одном из своих заседаний специально рассмотрел вопрос о шефстве над госпиталями. К каждому госпиталю прикреплялось для помощи по несколько различных хозяйственных и общественных организаций¹. В одном лишь Курске в период подготовки к летним боям было развернуто десять госпиталей, почти полностью оборудованных силами органов здравоохранения и обслуживаемых местными жителями. Значительное число госпиталей было создано с помощью населения и в других городах. В Орловской области еще зимой по решению обкома партии был образован «Областной комитет помощи по обслуживанию больных, раненых бойцов и командиров Красной Армии». При его содействии в Ельце, Задонске и других городах и крупных селах развернулась сеть госпиталей. К каждому госпиталю были прикреплены шефы — промышленные предприятия или уличные комитеты.

По инициативе орловских комсомольцев в области во многих городах и селах были организованы пункты краткосрочного отдыха для раненых бойцов и командиров Красной Армии, направлявшихся с фронта до ближайших госпиталей.

Такую же всестороннюю помощь войскам оказывало население всех областей, примыкавших к Курскому выступу. Эта помощь трудящихся своей родной Красной Армии приумножала ее силы, содействовала разгрому врага.

4. ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ

Наступил июль, а на всем советско-германском фронте продолжалось затишье. Сводки Совинформбюро неизменно гласили: «На фронте ничего существенного не произошло». Но это было предгрозовое затишье. 2 июля Ставка предупредила командующих

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1133, лл. 1—2.

фронтами в районе Курского выступа о том, что, по имеющимся сведениям, противник может перейти в наступление 3—6 июля, и потребовала усилить разведку и наблюдение, держать войска в полной готовности к отражению возможных ударов¹. Такое предупреждение было дано своевременно. Враг действительно готовился начать наступление. 4 июля возле Белгорода перешел линию фронта и сдался в плен сапер, по национальности словен. Он показал, что его часть получила задачу разминировать минные поля и снять проволочные заграждения. «Солдатам, — сообщил он, — выдан сухой паек и водка на пять дней... Примерный срок наступления командованием германской армии назначен на 5 июля»².

В ночь на 5 июля разведка 15-й стрелковой дивизии 13-й армии Центрального фронта обнаружила перед передним краем группу немецких саперов, проделывавших проходы в минных полях. В завязавшейся схватке несколько саперов было убито, двое бежали, а один взят в плен. Он оказался рядовым Фермелло, солдатом саперного батальона 6-й пехотной дивизии. Пленный показал, что наступление назначено на 3 часа 5 июля, что части уже заняли исходные позиции. Эти данные были подтверждены показаниями перебежчиков и пленных, захваченных на других участках.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский вспоминает: «Перед нами встал вопрос: верить показаниям пленных или нет? Необходимо было немедленно принять решение на проведение предусмотренной планом артиллерийской контрподготовки, так как времени на запрос Ставки и получение ответа не было. И оно было принято. Командующий артиллерией фронта получил приказ обрушиться на противника всей мощью запланированных для этой цели огневых средств...»³

В 2 часа 20 минут 5 июля гром орудий разорвал предрассветную тишину, царившую над степью, над позициями обеих сторон на обширном участке фронта

¹ Архив МО СССР, ф. 203. оп. 8614, д. 37, л. 250.

² Там же, ф. 226, оп. 321, д. 215, л. 11.

³ К. К. Рокоссовский. На Центральном фронте. В кн.: Дорогой борьбы и славы, стр. 256.

южнее Орла. Это за 10 минут до начала артиллерийской подготовки врага артиллерия 13-й армии, против которой ожидался главный удар противника, начала контрподготовку во всей своей полосе обороны. На вражеские войска, изготовившиеся к наступлению, на его батареи обрушился огонь около 600 орудий и минометов. Огонь продолжался 30 минут. Противник понес значительные потери, особенно в артиллерии. Из 100 его батарей, подвергшихся огневому воздействию, более половины было подавлено¹.

Немецко-фашистское командование оказалось застигнутым врасплох. Многие немецкие генералы и офицеры решили, что советские войска их упредили и сами переходят в наступление. Это внесло неуверенность в руководство войсками, поколебало их веру в успех операции, понизило моральное состояние солдат и офицеров. Противнику потребовалось около двух часов, чтобы привести части в порядок. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку. Проводилась она уже ослабленными силами, неорганизованно. Однако постепенно, с вводом в действие батарей, подавленных советской артиллерией, сила огня возрастала. Одновременно противник бросил против 13-й армии до 300 бомбардировщиков, которые группами по 50—100 самолетов бомбили всю тактическую глубину обороны, главным образом огневые позиции артиллерии².

Однако из-за того, что система наблюдательных и командных пунктов врага была нарушена и управление артиллерией и авиацией ослаблено, он не смог нанести сколько-нибудь серьезные потери советским войскам, в особенности хорошо замаскированной и рассредоточенной артиллерии.

Поэтому командование Центрального фронта получило возможность во время вражеской артиллерийской подготовки провести повторную 30-минутную контрподготовку. На этот раз в ней приняло участие почти вдвое больше орудий и минометов — около тысячи. В результате противник понес новые потери, а его налаженное управление частями вновь было на-

¹ Архив МО СССР, ф. 226, оп. 321, д. 100, л. 232.

² Там же, д. 98, лл. 180, 181.

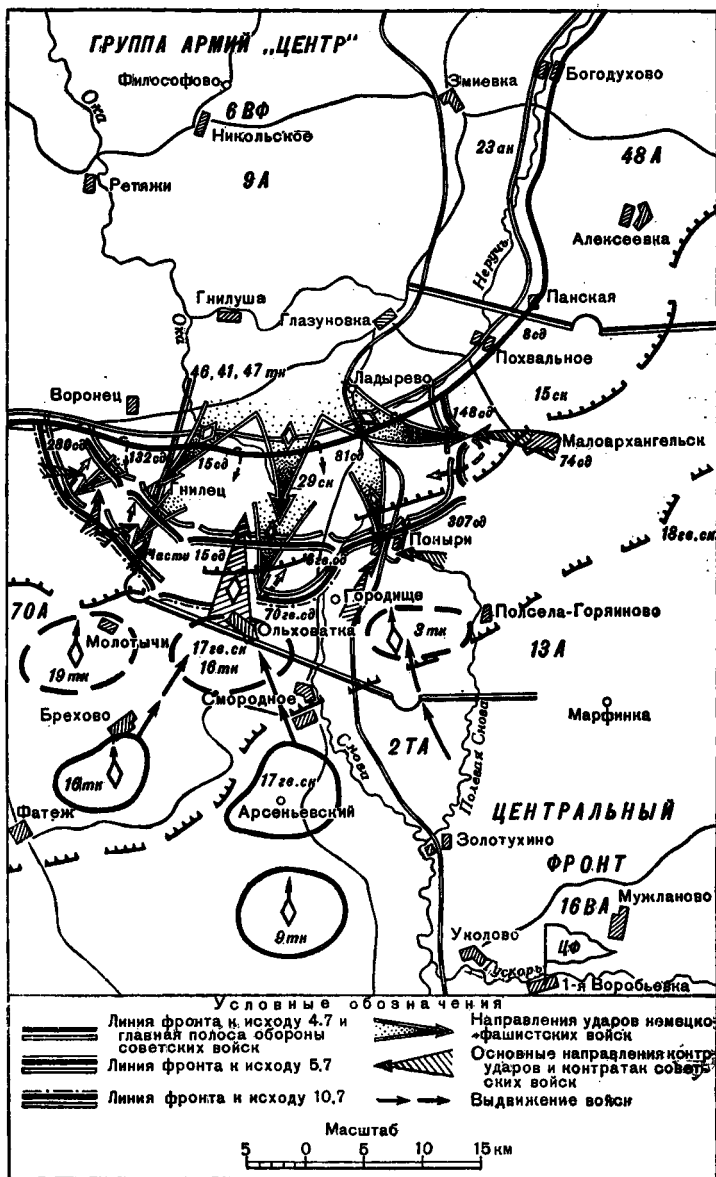

Схема 2. Оборонительное сражение на орловско-курском направлении (5—15 июля 1943 г.)

Бронебойщики ведут огонь по танкам противника (июль 1943 г.)

рушено. Он не смог завершить свою артиллерийскую подготовку мощным огневым налетом и не причинил особого ущерба советским войскам. Внезапности удара у врага не получилось. Но остановить машину наступления он уже не мог.

В 5 часов 30 минут под прикрытием огня артиллерии и авиации на позиции войск Центрального фронта двинулись вражеские танки и пехота на бронетранспортерах (схема 2). Противник атаковал всю полосу обороны 13-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Н. П. Пухов, и примыкавшие к ней фланги 48-й и 70-й армий на 45-километровом фронте, введя в бой пять пехотных и три танковые дивизии — 216, 78, 86, 292, 6-ю пехотные и 18, 9 и 20-ю танковые¹. Эта атака на широком фронте имела целью дезориентировать командование советских войск, замаскировать направление главного удара основной группировки 9-й армии.

¹ Архив МО СССР, ф. 226, оп. 321, д. 98, л. 181; д. 150, л. 361.

Первые атаки врага двумя группами по 100 и тремя группами по 30—50 танков с пехотой были встречены плотным огнем артиллерии, стрелявшей прямой наводкой. Пехота, отсеченная от танков минометным и ружейно-пулеметным огнем, залегла. Атаки захлебнулись. Неся огромные потери, враг отошел на исходные позиции.

В 7 часов 30 минут гитлеровское командование, перегруппировав силы, начало новую мощную артиллерийскую подготовку на левом фланге 13-й армии, где оборонялись 15-я стрелковая дивизия под командованием полковника В. Н. Джанджгавы и 81-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. Б. Баринаова. Именно здесь в направлении на Ольховатку нанес противник основной удар в 8 часов 30 минут. На узком участке фронта главные силы врага штурмовали позиции двух стрелковых дивизий. Группами по 10—15 тяжелых танков «тигр» и самоходными орудиями «фердинанд», за которыми шли сотни средних танков и пехота на бронетранспортерах, пытались гитлеровцы пробить брешь в обороне советских войск.

На помощь упорно оборонявшимся на левом фланге 13-й армии 15-й и 81-й дивизиям были брошены основные силы 16-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант С. И. Руденко. Авиация непрерывно бомбила вражеские войска, наносила удары по их танкам. «Русские применили такое количество самолетов, какого мы никогда на Востоке еще не видели»¹, — вспоминает бывший командир наступавшей здесь 6-й немецкой пехотной дивизии генерал Гроссман.

Советские войска стойко отбивали атаки противника. Пехотинцы гранатами и бутылками с горючей смесью смело уничтожали его танки. Многие истребители танков, пренебрегая опасностью, подбирались к вражеским машинам и подкладывали под них мины. Отважно и умело действовали воины инженерных частей. За первый день боя в полосе 13-й армии саперы установили около 6 тыс. новых мин. В этот день враг

¹ Horst G r o v m a n n. Geschichte der rheinisch-westfälischen 6. Infanterie-Division 1939—1945. Bad Nauheim, 1958, S. 168.

потерял только на минных полях около 100 танков и самоходных орудий¹. Минновзрывные заграждения сковывали маневр танков противника, что давало возможность советской противотанковой артиллерии вести по ним прицельный огонь и уничтожать их, а стрелковым подразделениям истреблять пехоту, следовавшую за танками. Каждый советский воин стоял на своем участке насмерть.

К исходу первого дня боя, отразив пятую атаку врага и нанеся ему большие потери, части 15-й и 81-й стрелковых дивизий по приказу командования отошли на вторую полосу обороны. На их участках противник продвинулся на 6—8 километров, подойдя севернее Ольховатки ко второй полосе обороны. На участке 132-й и 280-й дивизий 70-й армии под командованием генерал-лейтенанта И. В. Галанина, где враг наносил вспомогательный удар в направлении на Гнилец, за день боя он продвинулся на 5 километров.

Наступление врага на стыке 13-й и 48-й армий против 8-й, 148-й и 16-й литовской стрелковых дивизий не принесло ему успеха. Немецко-фашистские войска пытались здесь прорвать оборону, нанося удар в сторону Малоархангельска. Вначале им удалось приблизиться к переднему краю обороны, а на ряде участков ворваться в первые траншеи, но затем части 8-й, 148-й и 16-й литовской дивизий контратаками и огнем артиллерии отбросили врага на его исходные позиции.

На остальных участках войска Центрального фронта прочно удерживали занимаемые рубежи. Расчет немецко-фашистского командования с ходу прорвать оборону и получить свободу маневра в сторону Курска не оправдался.

Вечером 5 июля командующий фронтом принял решение на следующий день утром нанести контрудар по вклинившемуся противнику и восстановить положение на левом фланге 13-й армии. В соответствии с этим в ночь на 6 июля в полосу обороны 13-й армии были подведены из второго эшелона фронта 2-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта А. Г. Родина и из резерва фронта 19-й танковый кор-

¹ Архив МО СССР, ф. 226, оп. 21768, д. 6, л. 153.

пус. Короткая июльская ночь не дала возможности танковым соединениям сосредоточиться на исходных позициях под покровом темноты. Рассвет застал их в движении. Командиры не успели провести тщательную рекогносцировку местности, не были разведаны или проделаны проходы в минных полях. Все это очень затрудняло нанесение стремительного и одновременного удара. Поэтому выполнить поставленную задачу танковые корпуса не смогли и вынуждены были отойти на вторую полосу обороны 13-й армии, которую и защищали совместно со стрелковыми соединениями.

С рассветом 6 июля танковые дивизии противника возобновили наступление. Отражая натиск врага, беспримерный героизм проявили полки 70-й гвардейской стрелковой дивизии 17-го гвардейского стрелкового корпуса. На 203-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал майор В. О. Коноваленко, авиация противника за короткое время совершила до 1,5 тыс. самолето-налетов. Несмотря на то что полк еще не успел как следует закрепиться, врагу не удалось сломить гвардейцев. Они отразили 16 атак, в которых участвовало 250 танков. Советские пехотинцы смело пропускали немецкие танки за свои окопы, огнем отсекали пехоту и уничтожали танки гранатами и бутылками с горючей смесью. Героизм проявлял каждый гвардеец. Почти все солдаты и офицеры этого полка были представлены к правительственным наградам¹.

Несмотря на все усилия, прорвать оборону советских войск в направлении на Ольховатку врагу не удалось.

Не смогли прорвать оборону вражеские войска и на вспомогательных направлениях — на Малоархангельск и Гнилец.

Двухдневные бои настолько подорвали наступательную мощь ударной группировки врага, что в последующие дни он был уже не в состоянии предпринять сильного и хорошо организованного наступления. Оценивая события этих дней, командование 9-й немецкой армии отмечало: «Со второго дня сопротив-

¹ Архив МО СССР, ф. 226, оп. 335, д. 16, лл. 364—366.

ление противника начало усиливаться, в особенности усиливался огонь артиллерии»¹.

Вражеская оценка деятельности советской артиллерии вполне соответствовала действительности. Командование Центрального фронта умело противопоставляло мощным танковым таранам врага не менее мощные заслоны артиллерийско-противотанковых резервов. Для этого оно использовало не только специальную противотанковую артиллерию, но и легкие артиллерийские полки и бригады 4-го артиллерийского корпуса прорыва, вооруженные 76-мм пушками. Обладая большой подвижностью, эти части быстро перемещались в полосе обороны 13-й армии и своевременно занимали рубежи на наиболее танкоопасных направлениях. Оценивая роль артиллерии в оборонительных боях первых двух дней, Военный совет Центрального фронта в специальном приказе писал: «В происходящих боях основную тяжесть борьбы с танками противника приняли на себя доблестные артиллеристы 13-й армии... Поздравляю бойцов и командиров артиллерии армии с боевыми успехами. Глубоко уверен, что в дальнейших боях артиллеристы в тесном взаимодействии с пехотой и танками разгромят танковые полчища зарвавшегося врага»².

За 5 и 6 июля врагу удалось продвинуться вперед на северном фесе Курского выступа только на 10 километров, потеряв при этом более 25 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, около 200 танков и самоходных артиллерийских установок, более 200 самолетов, большое количество артиллерии и другой боевой техники. Многие полки противника лишились значительной части командного состава. По свидетельству западногерманского военного историка Рикера, 195-й полк 78-й пехотной дивизии, действовавшей в составе 23-го армейского корпуса, за первые два дня боев потерял всех своих командиров рот³. Огромные потери заставили командование 9-й армии сократить фронт наступления и в последующие дни вести борь-

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 11918, л. 1.

² Архив МО СССР, ф. 226, оп. 321, д. 98, л. 195.

³ См. Karlheinrich Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1955, S. 257.

бу за вторую полосу обороны лишь на узком участке. Командующий армией генерал-полковник Модель, убедившись в непреодолимости обороны советских войск в направлении Ольховатки, решил перенести главный удар танковых соединений на новое направление.

С утра 7 июля основной удар противник нанес в направлении Поньрей. Немецко-фашистское командование решило во что бы то ни стало захватить этот узел обороны, так как, владея им, советские войска перехватывали железную дорогу Орел — Курск и имели возможность наносить фланговые удары по противнику, наступавшему на Малоархангельск и Ольховатку. Советское командование, вовремя разгадав замысел врага, подтянуло войска на это направление. Для усиления противотанковой обороны района Поньрей и артиллерийской поддержки сражавшихся здесь частей 307-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора М. А. Еншина были выделены 5-я артиллерийская дивизия прорыва, 13-я истребительно-противотанковая артиллерийская и 11-я минометная бригады, а также 22-я гвардейская минометная бригада полевой реактивной артиллерии. Никогда еще до этого в ходе Великой Отечественной войны ни одна стрелковая дивизия в оборонительном бою не прикрывалась таким мощным артиллерийским щитом, какой создало для 307-й дивизии командование Центрального фронта. Здесь же сосредоточивались части 1-й гвардейской инженерной бригады. Ночью они заняли позиции в полосе обороны 307-й стрелковой дивизии. Совместными усилиями стрелков, артиллеристов и бойцов саперных подразделений предстояло преградить путь вражеским бронированным клиньям на главном направлении.

С рассветом противник начал атаки на Поньри. «Здесь разгорелась одна из самых жестоких битв за время восточного похода»¹, — пишет офицер 292-й немецкой пехотной дивизии Ниц.

От взрывов бомб, снарядов и мин, от грохота орудий и танков дрожала земля. С беспредельным мужеством отражали танковые атаки советские артиллери-

¹ Günther Nitz. Die 292. Infanterie-Division. Berlin, 1957, S. 136.

сты. Огонь велся в таком темпе, что на раскалившихся орудийных стволах обгорала краска. Артиллеристы проявляли не только стойкость, но и отличную выучку. 2-я батарея 540-го легкоартиллерийского полка РВГК заняла огневую позицию для стрельбы прямой наводкой севернее Поньрей. Первым расчетом командовал старшина К. С. Седов — бывший бригадир колхоза «Березово», Дубенского района, Тульской области. Накануне его приняли в ряды партии, и вот теперь в бою он готовился оправдать высокое звание коммуниста. Когда танки приблизились метров на двести, расчет открыл огонь. Головная машина вздрогнула и, объятая пламенем, застыла на месте. Следом загорелся второй танк. Бой длился несколько часов. Артиллеристы действовали точно и четко. Восемь танков врага и до сотни автоматчиков уничтожило в этот день орудие К. С. Седова. С такой же стойкостью сражались десятки и сотни орудийных расчетов, превращая грозные машины врага в груды обгорелого, исковерканного металла. При поддержке артиллерии и минометов полки 307-й дивизии отбили пять атак противника. Двум батальонам немецкой пехоты, поддержанным 50 танками, удалось ворваться на северо-западную окраину Поньрей. Но в результате контратаки советских частей они были уничтожены и положение на этом участке восстановлено.

Вместе с артиллеристами успешно отражали вражеские атаки саперы. С началом атак противника были приведены в действие управляемые минные поля и фугасы. Севернее Поньрей подвижной отряд заграждения, которым командовал старший лейтенант В. Г. Артамонов, под сильным огнем установил мины на пути движения немецких танков¹.

Но несмотря на потери, враг не прекращал попыток прорваться к Поньям. Воздушной разведкой и наземным наблюдением было установлено, что он сосредоточил более 150 танков и большое количество мотопехоты в лощине у Поньрей для новой атаки. Командующий фронтом приказал силами авиации и артиллерии разгромить группировку противника. Для

¹ Архив МО СССР, ф. 201, оп. 416, д. 100, л. 153.

этого было направлено 120 штурмовиков и бомбардировщиков. Они нанесли врагу большие потери, атака его была сорвана.

Во второй половине дня над полем боя появилась фашистская авиация, которая начала интенсивно бомбить советские войска. Под ее прикрытием противник вновь перешел в атаку на Поныри. Ценой огромных потерь ему удалось кое-где продвинуться, но овладеть этим пунктом он не смог. Натиск врага продолжался до конца долгого июльского дня. Когда над степью стал опускаться вечер, он не принес передышки: немецко-фашистское командование бросило в сражение еще два полка пехоты и 60 танков. Им удалось потеснить 307-ю дивизию. Однако, приведя в течение ночи свои части в порядок, дивизия с утра перешла в контратаку и заняла прежние позиции. Поныри остались в руках советских войск.

Ожесточенные бои 7 июля продолжали вести части 17-го гвардейского стрелкового корпуса, которые прикрывали направление на Ольховатку. Героическое сопротивление врагу оказывала 6-я гвардейская стрелковая дивизия. Противник бросал в бой против нее все новые и новые группы танков и самолетов. Иногда врагу удавалось вклиниться в боевые порядки советских войск, но энергичными контратаками его отбрасывали в исходное положение.

Невиданная стойкость, массовый героизм стали незыблемым законом для советских воинов. 8 июля в 8 часов 20 минут утра до 300 немецких танков с автоматчиками атаковали северо-западнее Ольховатки боевые позиции 3-й истребительной бригады, которой командовал полковник В. Н. Рукосуев. Главный удар врага обрушился на батарею капитана Г. И. Игишева. Подпустив танки на 700—600 метров, артиллеристы открыли огонь. На поле боя запылали первые танки противника. Но слишком неравны были силы. На батарее, уничтожившей 17 танков, осталось одно орудие, в живых — три человека. Они продолжали сражаться. Потеряв еще два тяжелых танка, противник отошел. Атака была отбита, но на батарее уже некому было драться. От прямого попадания авиабомбы артиллеристы погибли вместе со своей пушкой.

11 часов 30 минут. Танки противника вновь атакуют бригаду, на этот раз нанося главный удар по батарее старшего лейтенанта В. П. Герасимова.

У одного из орудий оторвало щит, разбило колеса и панораму. Был убит наводчик. Его место сейчас же занял замковый. Установив орудие на снарядные ящики и целясь через ствол, он продолжал вести огонь. Так дрались и остальные артиллеристы. В этот день командующий армией получил радиограмму от командира бригады: «...Бригаду атакует до 300 танков. 1-я и 7-я батареи погибли, ввожу в бой свой последний резерв — 2-ю батарею. Прошу помочь боеприпасами. Или устою, или погибну. Рукосуев»¹.

Это был последний день артиллерийского полка бригады. Он почти весь погиб, но не пропустил танки через свои боевые порядки².

Мужество и преданность советских воинов своему долгу оказались сильнее бронированных полчищ врага.

О своих неудачах в районе Поньри — Ольховатка командование 9-й немецкой армии в отчете вынуждено было сказать: «После перегруппировки и усиления немецким танковым частям удалось продвинуться вперед в направлении Ольховатка — Поньри на фронте шириной в 10 километров. Однако на этом рубеже они натолкнулись на сильно укрепленную и господствующую над окружающей местностью оборонительную позицию, прикрытую минными полями, врытыми в землю танками, насыщенную противотанковыми зрелствами. Ее невозможно было атаковать в лоб»³. Но этим признанием сказано не все. Стойко удерживая свои позиции, советские войска не только остановили врага, но и нанесли ему огромный урон.

Между тем официальная пропаганда фашистской Германии была в литавры. 8 июля германское верховное главнокомандование сообщило, что «вражеская

¹ См. В. К а з а к о в. Разгром гитлеровцев под Курском. «Новое время», 1961, № 27, стр. 5.

² Позднее на братской могиле павших героев, на месте, где они защищали родную землю, был воздвигнут памятник. На его постаменте установлена одна из пушек героической бригады, а имена погибших артиллеристов золотыми буквами начертаны на граните памятника.

³ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 11918, лл. 1—2.

Под Курском. Помощь раненному в бою (июль 1943 г.)

глубоко расчлененная оборонительная система в лесах и населенных пунктах прорвана...»¹. Фашистские газеты писали о том, что советские войска несут колоссальные потери, что немецкая новая техника, в частности «тигры», неодолима. Бравурный тон гитлеровской пропаганды должен был поднять дух немецко-фашистских войск, вселить уверенность в неизбежном успехе «решающей наступательной операции» на Востоке.

Несмотря на тяжесть оборонительных боев, Центральный фронт еще имел нетронутые резервы: один стрелковый и два танковых корпуса. Немецкое командование, по-прежнему неправильно оценивая обстановку, упрямо продолжало бросать свои войска в бой. За четыре дня они потеряли свыше 40 тыс. солдат и офицеров, несколько сотен танков и самоходных

¹ «Völkischer Beobachter», 9. Juli 1943.

орудий, до 500 самолетов. К 9 июля противник ввел в сражение все силы своей ударной группировки. Но это не принесло ему успеха. Его танковые соединения и пехота топтались на месте, неся при этом огромные потери. На направлении главного удара им так и не удалось продвинуться вперед более чем на 10 километров. За эти километры 9-я немецкая армия заплатила потерей двух третей своих танков, которыми она располагала к началу наступления¹. Наступательные возможности врага, по существу, иссякли к 10 июля. И хотя он еще в течение последующих двух дней продолжал попытки прорвать оборону войск Центрального фронта, было ясно, что соотношение сил уже изменилось в пользу советских войск.

Начавшееся 12 июля наступление войск Западного и Брянского фронтов еще более ухудшило положение немецко-фашистских войск. «Модель хотел уже снова нанести удар, — пишет упоминавшийся ранее Дамс, — как наступление русских с двух сторон смяло дугу фронта под Орлом и поставило под угрозу тылы 9-й армии»². 12 июля противник окончательно перешел к обороне.

Командование Центрального фронта так характеризовало обстановку, сложившуюся на его участке: «Встретив противника стеной разящего металла, русской стойкостью и упорством, войска Центрального фронта измотали в непрерывных ожесточенных восьмидневных боях врага и остановили его натиск. Первый этап сражения закончился»³.

Таким образом, войска Центрального фронта выполнили поставленную им задачу. Упорным сопротивлением они истощили силы противника и остановили его наступление. Немецко-фашистские войска не смогли прорваться к Курску с севера.

На южном фланге Курского выступа в полосе Воронежского фронта немецко-фашистские войска начали наступление несколько раньше, чем на северном. Еще днем 4 июля своими передовыми отрядами при под-

¹ См. Gert Buchheit. Hitler der Feldherr. Die Zerstörung einer Legende. Rastatt (Baden), 1958, S. 369.

² Hellmuth Günther D a h m s. Der Zweite Weltkrieg. Tübingen, 1960, S. 332.

³ Архив МО СССР, ф. 226, оп. 321, д. 215, л. 29.

держке авиации и артиллерии они пытались сбить боевое охранение частей 6-й гвардейской армии, которой командовал генерал-лейтенант И. М. Чистяков, и занять более выгодное исходное положение для атаки главной полосы обороны. Противнику удалось к вечеру 4 июля оттеснить подразделения боевого охранения по всему фронту западнее Драгунского. Восточнее же позиции боевого охранения были удержаны.

По имевшимся у командования Воронежского фронта сведениям, главные силы врага должны были перейти в наступление в ночь на 5 июля. Поэтому было решено провести артиллерийскую контрподготовку перед фронтом 6-й гвардейской армии. В 22 часа 30 минут артиллерия этой армии открыла огонь по изготовившемуся к наступлению противнику и по его артиллерийским позициям. С рассветом 5 июля контрподготовка была проведена уже в полном объеме и в полосе двух армий — 6-й и 7-й гвардейских.

Пехота и танки врага, подтянутые за ночь на исходные позиции для наступления, из-за потерь и частичной дезорганизации управления оказались в назначенный срок неготовыми к наступлению. Только в 6 часов утра противник сумел начать сражение за главную полосу обороны Воронежского фронта.

Всего в первый день боя враг бросил против советских войск пять пехотных, восемь танковых и одну моторизованную дивизии. Главный удар он наносил ударной группировкой 4-й танковой армии в направлении на Обоянь, а вспомогательный — силами 3-го танкового корпуса оперативной группы «Кемпф» — на Корочу (схема 3).

В ударной группировке 4-й танковой армии действовал 2-й танковый корпус СС в составе танковых дивизий «Райх», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Командир 2-го танкового корпуса СС Хауссер имел звание обергруппенфюрера — одно из высших в войсках СС — и был удостоен высшей награды — «Дубовые листья к рыцарскому кресту». Командиром дивизии «Адольф Гитлер» был также обергруппенфюрер — Дитрих. Дивизией «Райх» командовал обергруппенфюрер Крюгер, воевавший еще в первую мировую войну. В группировку входил также 48-й танковый корпус, имевший большой опыт наступательных

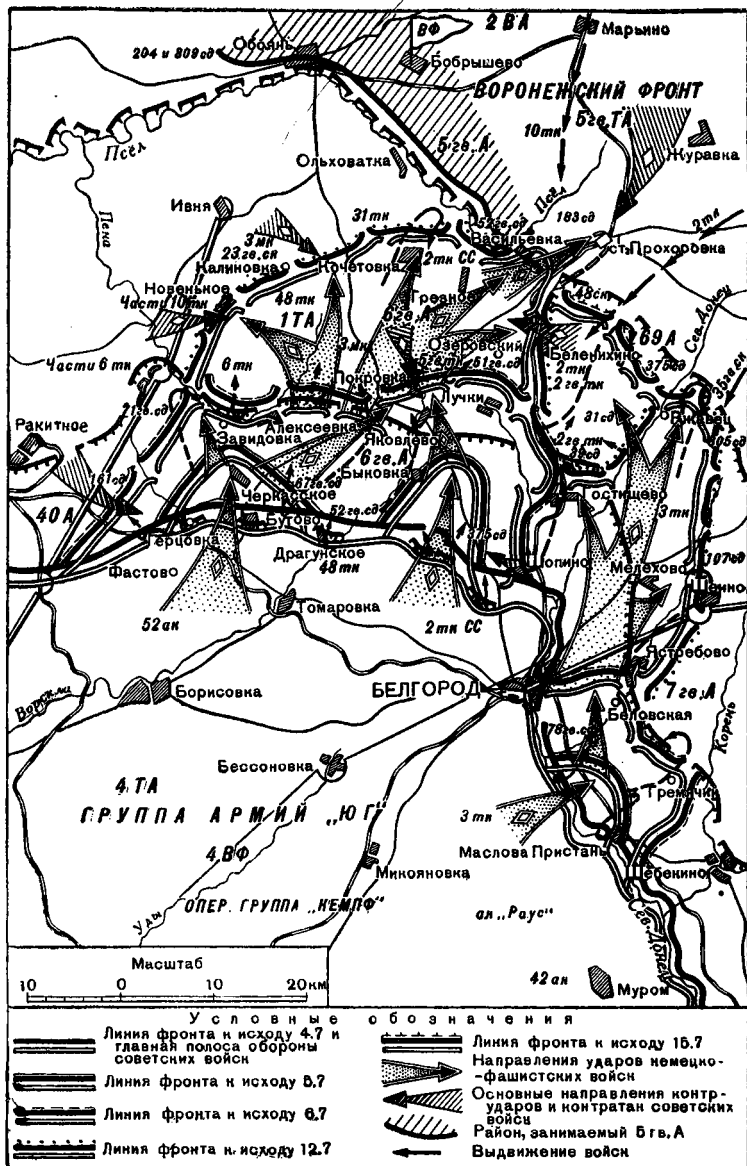

Схема 3. Оборонительное сражение на белгородско-курском направлении (5—23 июля 1943 г.)

боев. В его составе были две пехотные, две танковые дивизии и моторизованная дивизия «Великая Германия», которой командовал один из преданнейших Гитлеру людей — генерал-лейтенант Герлайн. Левый фланг ударной группировки 4-й танковой армии прикрывался 52-м армейским корпусом в составе двух пехотных дивизий. Наступление немецких дивизий поддерживалось крупными силами авиации. Вражеские бомбардировщики большими группами непрерывно подвергали ударам советские войска. Только в течение первого часа боевых действий они произвели 300 самолето-налетов. Всего же в первый день наступления в полосе обороны Воронежского фронта было отмечено около 2 тыс. самолето-налетов.

Действия вражеских самолетов не оставались безнаказанными. В жарких воздушных боях советские истребители сбили в первый день 173 немецких самолета¹. Особенно успешно вели борьбу с фашистской авиацией летчики 5-го авиакорпуса, которым командовал генерал-майор Д. П. Галунов. 5 июля только 8-я гвардейская истребительная авиадивизия этого корпуса сбила в воздушных боях 76 самолетов. В этот день летчик старший лейтенант О. С. Беликов уничтожил четыре вражеских самолета. Летчики 1-го бомбардировочного авиакорпуса под командованием полковника И. С. Полбина и штурмовики 1-го штурмового авиакорпуса, которым командовал генерал-лейтенант В. Г. Рязанов, и 291-й авиационной дивизии под командованием полковника А. Н. Витрука успешно бомбили танки и мотопехоту противника.

5 июля враг, перейдя в общее наступление, неоднократно предпринимал атаки, каждый раз при поддержке от 50 до 200 танков. Но советские войска почти на всех участках отражали удары, прочно удерживая свои позиции. В этих боях лучшим соединениям немецко-фашистской армии противостояла одна из наиболее опытных советских армий — 6-я гвардейская (бывшая 21-я). Еще на Волге она громила 48-й танковый корпус гитлеровцев. Сейчас она вновь встретилась с ним и вновь проявила образец стойкости и воинского

¹ См. И. В. Тимохович. Советская авиация в битве под Курском. М., Воениздат, 1959, стр. 52.

умения. Лишь в центре обороны 6-й гвардейской армии противнику удалось вклиниться на 4—6 километров.

В полосе обороны 7-й гвардейской армии, которой командовал генерал-лейтенант М. С. Шумилов, немецко-фашистские войска, пользуясь превосходством в силах, форсировали Северный Донец на узком участке юго-восточнее Белгорода и овладели небольшим плацдармом на левом берегу реки. В ходе этих боев они потеряли свыше 10 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными и до 200 танков.

Командование Воронежского фронта решило для надежного прикрытия обоянского направления, где враг наносил свой главный удар, усилить вторую полосу обороны. В ночь на 6 июля ее заняли соединения 1-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта М. Е. Катукова — 3-й механизированный, 6-й и 31-й танковые корпуса — и отдельные 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса, выдвинутые из резерва фронта.

Одновременно для укрепления противотанковой обороны на этом направлении войска 6-й гвардейской армии усиливались 29-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой, вводились в бой два истребительно-противотанковых артиллерийских полка¹. Вклинившаяся вражеская группировка была охвачена советскими танковыми соединениями и истребительно-противотанковой артиллерией. Таким образом, действия ее оказались локализованными. Ей предстояло вновь штурмовать позиции, которые теперь занимали не только стрелковые, но и танковые соединения, готовые с места отражать атаки гитлеровцев.

Утром 6 июля враг повторил артиллерийскую и авиационную подготовку. Вслед за этим начали атаку его танки и пехота. Удары наносились по-прежнему в сторону Обояни.

О страшном напряжении этого дня Курской битвы вспоминает член Военного совета 1-й танковой армии генерал-лейтенант Н. К. Попель: «Пожалуй, ни я, ни кто другой из наших командиров не видели сразу такого количества вражеских танков. Генерал-

¹ Архив МО СССР, ф. 335, оп. 21745, д. 1, л. 100.

полковник Гот, командовавший 4-й танковой армией гитлеровцев, ставил на кон все. Против каждой нашей роты в 10 танков действовало 30—40 немецких. Гот отлично понимал, что, если он прорвется к Курску, любые потери будут оправданы, любые жертвы не напрасны»¹.

Битва на подступах к Обояни быстро приобретала характер грандиозного танкового сражения. От его исхода во многом зависел исход всей операции. Поэтому командование фронта уделяло этому сражению особое внимание. На командный пункт 1-й танковой армии прибыл член Военного совета фронта Н. С. Хрущев. Он внимательно ознакомился в штабе армии с итогами первого дня, проверил, как ведется политическая работа в частях, и подчеркнул, что в сложившихся условиях на долю танкистов выпадает особо ответственная задача — они должны во что бы то ни стало преградить путь гитлеровским танковым дивизиям. «Ближайшие сутки, двое, трое, от силы неделя — самые страшные, — сказал он. — Либо пан, либо... немцы в Курске. Они на карту все ставят, для них это вопрос жизни или смерти. Надо сделать так, чтобы был вопрос только смерти, чтобы они свернули себе шею, а мы вперед пошли. Украина ждет, Днепр... А там граница»². Н. С. Хрущев побывал в этот день у раненых, в политотделе, в разведотделе, где говорил с пленными, у начальника штаба армии, у заместителя командующего армией по тылу. Он остался в 1-й танковой армии, чтобы оказать необходимую помощь.

Ожесточение боев нарастало с каждым часом. Неоценимую помощь 1-й танковой и 6-й гвардейской армиям оказывала авиация. Летчики надежно прикрывали наземные войска от ударов противника. В одном из воздушных боев беспримерный подвиг совершил летчик-коммунист сын белорусского крестьянина старший лейтенант А. К. Горовец. В составе эскадрильи истребителей он на самолете Ла-5, фюзеляж которого украшала надпись «От колхозников и колхозниц Горьковской области», прикрывал оборонявшиеся войска. Выполнив задачу, истребители возвра-

¹ Н. К. Попель. Танки повернули на запад. М., Воениздат, 1960, стр. 113.

² Там же, стр. 121.

Партийный билет летчика А. К. Горовца

щались на аэродром. Замыкающим шел Горовец. Вдруг летчик заметил над хутором Зоринские Дворы новую группу вражеских бомбардировщиков. Не имея возможности сообщить об этом своему командиру (отказала рация), Горовец резко развернул машину и один отважно бросился в гуцу фашистских самолетов. Первой же очередью он сбил флагмана. Затем упали на землю второй и третий самолеты врага. Строй неприятельских машин распался, они стали

рассредоточиваться. Но Горовец снова и снова дерзко атаковал. В этой невиданной схватке он сбил девять фашистских бомбардировщиков. Уже возвращаясь на свой аэродром, Горовец попал под неожиданный удар четырех вражеских истребителей. Его самолет был подбит и врезался в землю. Так погиб коммунист А. К. Горовец — единственный в мире летчик, сбивший в одном бою девять вражеских самолетов. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В эти же дни открыл свой боевой счет сбитых самолетов летчик-истребитель И. Н. Кожедуб, впоследствии ставший трижды Героем Советского Союза.

В воздушных боях враг нес огромные потери. Все чаще фашистские летчики отказывались от встречи с советскими истребителями и предпочитали спастись бегством, сбрасывая бомбы на свои войска. На обоянском направлении в воздушном бою был сбит и взят в плен пилот немецкого бомбардировщика Блюменталь. Его привели на командный пункт, где в это время находился Н. С. Хрущев. Немецкий летчик проклинал войну и свою судьбу. Он рассказал, что его брат погиб на фронте, родные пишут из Германии, что там усиливаются налеты авиации, сам он чуть не отдал богу душу. Теперь все кончено, не хочется жить... Внимательно выслушав пленного, Н. С. Хрущев сказал: «Да, в скверную историю втянул вас Гитлер. Но ничего, придет время, и вы еще станете настоящими людьми, вам не придется стесняться называть себя немцами...» Немецкий летчик встрепнулся, в глазах его затеплился огонек надежды, но потом он снова как-то осунулся, ушел в себя и пробормотал: «Германии капут!» — «Что вы! — возразил, улыбаясь, член Военного совета фронта. — Вы рано хороните свою страну. Выходит, что мы больше верим в ваш народ, чем вы сами?» И Н. С. Хрущев добавил, обращаясь к присутствовавшим офицерам: «Это у него шок... Ничего, отойдет!..» После этой беседы летчик Блюменталь написал листовку, обращенную к своим соотечественникам, с призывом кончать войну и сдаваться в плен¹.

¹ См. Юрий Жуков. Укрощение «тигров». М., «Молодая гвардия», 1961, стр. 81—82.

На земле, как и в воздухе, весь день 6 июля под палящим солнцем шли ожесточенные бои. Враг продолжал рваться к Обояни. Напряженными бои были на берегах реки Ворсклы, где в полуокружении сражались 67-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии. Попытки противника завершить их окружение не увенчались успехом. К исходу дня по приказу командования гвардейцы отошли на вторую полосу обороны. Танковые соединения, занявшие ее накануне, вместе с отошедшими стрелковыми частями успешно отразили все удары врага и заставили его прекратить атаки.

Исключительно тяжелый удар приняли на себя 51-я гвардейская стрелковая дивизия, получившая гвардейское знамя за героические дела в битве на Волге, и прославившаяся в боях под Москвой 1-я гвардейская танковая бригада. Они должны были остановить продвижение танков противника вдоль шоссе, ведущего на Обоянь, и гвардейцы встали насмерть на подступах к деревне Яковлево. Обрушив на гвардейцев град бомб и снарядов, гитлеровцы бросили против них около 400 танков и несколько полков мотопехоты.

С беспримерной стойкостью обороняли свои позиции советские воины. Первый яростный удар был отбит. Но тут же почти без передышки началась вторая атака, за ней третья и четвертая.

В воздухе над узеньким клочком земли непрерывно висели десятки немецких самолетов. И все-таки гвардейцы стояли, стояли как когда-то под Москвой и на Волге. Люди смертельно устали, их лица посерели, смерть опустошала их ряды. Перевес был еще на стороне врага. К тому же он непрерывно подтягивал резервы. К ночи ему удалось смять центр 51-й гвардейской стрелковой дивизии. Ее поредевшие подразделения начали отходить на север. Создалась крайне напряженная обстановка. Угроза прорыва фронта на обоянском направлении была велика как никогда.

Чтобы остановить противника и надежно прикрыть обоянское направление, командование фронта приняло решение встретить дальнейшие удары гитлеровских бронированных полчищ огнем танковых соединений с

места. Танковые корпуса получили приказ зарыться в землю и совместно со стрелковыми войсками 6-й гвардейской армии закрыть путь врагу на Обоянь и далее на Курск. Подобное использование танковых корпусов во фронтовой оборонительной операции до Курской битвы еще не применялось в Красной Армии. Это было новым приемом военного искусства, свидетельствующим о расширении круга задач крупных танковых соединений в обороне.

Решение Военного совета Воронежского фронта встретило резкое возражение со стороны представителя Ставки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, который настаивал на том, чтобы командование Воронежского фронта использовало танковые корпуса только для нанесения контрударов по вклинившемуся противнику. Но это требование не соответствовало создавшейся обстановке на фронте.

На обоянском направлении враг сосредоточил сильную танковую группировку, насытив ее тяжелыми танками «тигр» и самоходными орудиями «фердинанд», большим количеством противотанковой артиллерии. В то же время советские танковые корпуса имели на вооружении главным образом средние танки Т-34 с 76-миллиметровой пушкой, снаряд которой не пробивал лобовую броню тяжелого немецкого танка. К тому же на этом участке Воронежского фронта оказалось недостаточно артиллерии, которая могла бы надежно прикрыть контратакующие танки и пехоту. Поэтому нанесение контрударов силами танковых корпусов на Воронежском фронте было нецелесообразно. Оно могло лишь привести к тяжелым потерям в танках и облегчить противнику прорыв обороны на обоянском направлении.

Но несмотря на это, требование Г. К. Жукова поддержал И. В. Сталин. Не зная конкретной обстановки, основываясь лишь на докладах Жукова, он решил, что огнем танков с места невозможно будет остановить продвижение противника. Военному совету и представителю Ставки Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому стоило большого труда убедить И. В. Сталина в правильности своего решения и добиться санкции использовать танковые корпуса для отражения вражеских ударов огнем с места. Дальнейшие события

Под Орлом. Разведчикам Красной Армии всюду помогало местное население (июль 1943 г.)

показали, что действия Военного совета фронта в тех условиях были единственно правильными.

Войска 1-й танковой и 6-й гвардейской армий подготовились к отражению нового натиска врага. Основная масса боевых машин стала в оборону, танки были зарыты в землю так, что едва виднелись башни. Танки превратились в сотни бронированных дотов. Они были стальными устоями обороны, на которые опирались пехота и артиллерия, образовав мощный непреодолимый барьер.

7 июля противник силами 4-й танковой армии возобновил атаки вдоль шоссе Белгород — Обоянь.

Третий день гитлеровцы наносили в районе шоссе неимоверные по силе и ярости удары. Все, что находилось здесь, было разрушено, исковеркано, взорвано, несколько раз перекопано взрывами. Трудно было представить, что на этой выжженной земле могло сохраниться что-либо живое. Но стоило после очередной артиллерийской и авиационной подготовки немецким

танкам сунуться вперед, как эта мертвая земля оживала и на их пути вставала огненная стена. На направление Обояни враг бросил до 400 танков и в сторону Грезное (юго-западнее Прохоровки) — до 100 танков. Оба удара направлялись против 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Группа «Кемпф» силами до 300 танков наносила удар из района Беловской по-прежнему на Корочу против правого фланга 7-й гвардейской армии.

Вот как описывал сражение этого дня, полного драматизма, военный корреспондент Ю. Жуков: «Сражение возобновилось сегодня в три часа утра. На этот раз, видимо, немецкое командование решило приложить все силы, чтобы прорвать советскую оборону. На узком участке протяжением в несколько километров они бросили вперед несколько сотен танков, среди которых было много тяжелых. Разбившись на несколько групп, эта железная колонна устремилась одновременно по ряду проселочных дорог и большаков на север. Немцы были настолько уверены в своем подавляющем численном перевесе на этом маленьком участке, что шли исключительно нагло — походным порядком, растянувшись на много километров. Они думали, что те ожесточенные бомбежки и обстрелы, которым до этого подвергалось расположение наших частей, сделали свое дело и что им остается победным маршем пройти вперед. И вдруг со всех сторон перепаханного бомбами клочка земли все затрещало, загрохотало. ...Завязалась небывалая по остроте борьба»¹.

Враг и на этот раз просчитался. Его яростные удары разбивались о непреодолимую оборону стрелковых соединений 6-й гвардейской армии и зарытых в землю танковых корпусов 1-й танковой армии.

Обобщив опыт боев против новых немецких тяжелых танков, советские танкисты действовали еще более уверенно и стойко. Именно в этот день, 7 июля, совершил подвиг, прославивший его на всю страну, командир танкового взвода лейтенант Г. И. Бессарабов: в течение дня в районе деревни Яковлево он уничтожил своим танком Т-34 три немецких «тигра».

¹ «Комсомольская правда», 10 июля 1943 г.

«Мне в первый день боя не посчастливилось уничтожить ни одного «тигра», — рассказывал он потом. — Я поджег только два средних танка прямыми попаданиями в лобовую броню, а броня «тигра» в лобовой части выдерживала удары бронебойных снарядов, только огромные столбы искр взлетали вверх, когда мы били по ней»¹. На второй день, 7 июля, танкисты это учли. Первого «тигра» Бессарабов разбил выстрелом с места по борту с дистанции 600 метров. Он загорелся. Второго поразил примерно с такой же дистанции из засады. В это время третий «тигр» выстрелом в упор поджег танк лейтенанта Малороссиянова. Тремя выстрелами Бессарабов уничтожил и этого «тигра». Но теперь все его мысли были с товарищем. Он подвел свою машину к танку Малороссиянова и пытался оказать ему помощь. Однако лейтенант был уже мертв, а остальные члены экипажа ранены. Бессарабов взял их всех в свой танк и доставил на командный пункт. После этого он снова пошел в бой.

Успех Бессарабова был явлением замечательным, и член Военного совета фронта Н. С. Хрущев в беседе с журналистами рекомендовал шире пропагандировать такие примеры воинской доблести и умения.

В этот день успешно действовала и авиация. Бомбардировщики 2-й и 17-й воздушных армий, а также авиации дальнего действия нанесли несколько новых мощных ударов по танкам и пехоте врага. Одновременно на противника была обрушена вся мощь огня артиллерии, минометов и стрелкового оружия оборонявшихся войск. Вклинившиеся немецкие части немедленно подвергались контратакам танковых резервов из глубины. На участках, где атаковал враг, было подбито до 200 его танков. За день боя немецкая 4-я танковая армия все же сумела в центре 6-й гвардейской армии вклиниться во вторую полосу обороны на 3—8 километров. Группа «Кемпф» в этот день продвинулась всего лишь на 5 километров. Прорвать вторую полосу обороны врагу не удалось.

8 июля противник пытался расширить прорыв в

¹ См. Юрий Жуков. Укрощение «тигров», стр. 34.

сторону Обояни. Но он снова встретил стойкое сопротивление советских войск. В это же время по вражеской группировке было нанесено два сильных контрудара: один — со стороны железной дороги Курск — Белгород, севернее Шопино, силами 2-го гвардейского танкового корпуса и другой — из района севернее Яковлево силами 5-го гвардейского танкового корпуса. Противник вынужден был отвлечь значительную часть своих сил для отражения этих атак и тем самым ослабить удары на обоянском направлении. «Неприятной неожиданностью для нас, — вспоминает Меллентин, — явились и ужасные контратаки, в которых принимали участие крупные массы живой силы и техники...»¹

Во время нанесения контрудара 5-м гвардейским танковым корпусом в его части прибыл Н. С. Хрущев. Никита Сергеевич стал выяснять обстановку, знание личным составом корпуса своих задач, обеспеченность соединений всем необходимым, ознакомил командование корпуса с положением на других участках фронта, подчеркнув важность нанесения контрудара, дал ряд советов.

Посещение частей и подразделений в ходе напряженного боя высшими командирами и политработниками давало им возможность хорошо знать обстановку на поле боя, оперативно влиять на нее, поднимало боевой дух солдат и офицеров.

8 июля в районе западнее Прохоровки сосредоточился 10-й танковый корпус, а 2-й танковый корпус занял оборону южнее Прохоровки. Там же заняла оборону 183-я стрелковая дивизия 69-й армии. В район Обояни по распоряжению командующего фронтом были переброшены 204-я стрелковая дивизия 38-й армии и 309-я стрелковая дивизия 40-й армии. В то же время для усиления противотанковой обороны на обоянском направлении командующий фронтом приказал передать часть артиллерии 40-й и 38-й армий в 6-ю гвардейскую армию. Туда были переброшены не только артиллерийские полки, поддерживавшие стрелковые дивизии, но и артиллерийские полки и отдельные

¹ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 198.

дивизионы, организационно входившие в состав этих дивизий.

На следующий день противник сделал еще одну попытку нанести мощный удар, чтобы прорвать вторую полосу обороны и выйти к Обояни и далее к Курску. С этой целью он собрал до 500 танков и большое количество пехоты и артиллерии. На всем фронте наступления шириной до 30 километров вновь разгорелась напряженная борьба. В течение всего дня немецко-фашистские войска настойчиво атаквали позиции 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Но зарытые в землю танковые корпуса и опирающиеся на них стрелковые соединения прочно держали оборону.

Только после многочисленных атак к исходу дня врагу удалось потеснить советские части всего на 6—8 километров к северу и несколько расширить фронт наступления к западу.

Немецкие танки приблизились к Кочетовке (25 километров южнее Обояни), где располагался командный пункт 6-й гвардейской армии. Создалось угрожающее положение. Враг намеревался разгромить штаб и нарушить управление войсками армии. Командующий армией выехал на командный пункт 1-й танковой армии, куда должен был переместиться и командный пункт 6-й гвардейской армии. Но для того чтобы сместить КП и с нового места управлять сражением, требовалось время, а его не было. Враг наседал. Поэтому на старом командном пункте в непосредственной близости от ведущих бой соединений остался начальник штаба армии генерал-майор В. А. Пеньковский с группой оперативных работников штаба, взяв в свои руки управление войсками. Энергичными действиями враг был остановлен. Командование 6-й гвардейской армии получило возможность провести перегруппировку сил и надежно закрепиться на новых позициях.

Некоторый успех, достигнутый противником, дорого обошелся ему. Гитлеровцы потеряли за день боя 11 тыс. солдат и офицеров, 230 танков и самоходных орудий¹. И все же прорвать оборону и получить свободу маневра в сторону Обояни немецко-фашистские войска так и не смогли.

¹ Архив МО СССР, ф. 203, оп. 51354, д. 18, л. 8.

Воины 1-й танковой, 6-й гвардейской и других армий справились с поставленной задачей — они не пропустили врага к Обояни. Немецко-фашистское командование вынуждено было отказаться от попыток прорваться к Курску и на этом направлении.

Успеху обороны во многом способствовали советские танковые соединения, отражавшие массированные вражеские атаки огнем с места. Впоследствии, говоря о принятии решения на такое использование танковых соединений, командование Воронежского фронта доносило в Ставку: «Выполнение его привело к тому, что противник разбился на обоянском направлении и нашего фронта не прорвал. Противник к этому времени (к 7 июля. — *Ред.*) уже смял центр 51-й гвардейской стрелковой дивизии, и если бы было принято решение наносить контрудар танковыми соединениями, то при отсутствии уже прочного фронта стрелковых войск в полосе шоссе мы быстрее израсходовали бы свои силы, а противник наверняка прорвался на Обоянь, а далее он начал бы развивать успех на Курск»¹. В донесении отмечалось, что применение на Воронежском фронте абсолютно таких же методов действий, какие были применены на Центральном фронте, было бы ошибочным и губительным, так как, во-первых, против Центрального фронта противник наносил удар меньшими силами, во-вторых, Центральный фронт в отличие от Воронежского имел артиллерийский корпус усиления, под прикрытием которого можно было маневрировать.

После неудачных попыток прорваться на обоянском направлении враг решил нанести новый удар основными силами на Прохоровку, чтобы обойти Обоянь с востока и продолжать наступление на Курск.

Это была последняя ставка гитлеровского командования в осуществлении операции «Цитадель». Оно решило бросить на узкий участок фронта перед Прохоровкой, не превышавший 8—10 километров, свои основные танковые силы, чтобы наверняка прорвать оборону советских войск и выйти к Курску.

¹ Партархив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 1—14, д. 561, л. 6.

Для осуществления мощного удара к 11 июля на прохоровское направление в район севернее Покровки стягивалась большая часть соединений 4-й танковой армии врага — четыре танковые и одна пехотная дивизии, в том числе танковые дивизии 2-го танкового корпуса СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и «Райх». В этой группировке насчитывалось до 700 танков и самоходных орудий. Сто из них были «тигры». Гитлеровское командование впервые за время войны создавало такие опранные танковые плотности — до 100 танков и самоходных орудий на 1 километр фронта. Кроме того, в полосу действий 4-й танковой армии срочно перебрасывался из Донбасса последний резерв гитлеровцев — 24-й танковый корпус. Для нанесения вспомогательного удара на Прохоровку сюга в районе Мелехово сосредоточивались три танковые и три пехотные дивизии оперативной группы «Кемпф», имевшие в своем составе около 300 танков. Всего враг бросил в район Прохоровки почти 1000 танков и самоходных орудий. Советское командование вовремя определило назревание кризиса Курской битвы и разгадало намерения противника. В ночь на 11 июля Военный совет Воронежского фронта доложил в Ставку, что в шестидневных боях на обоянском направлении противник понес огромные потери и не имеет больше резервов. Поэтому ударную группировку на прохоровском направлении он сосредоточивает за счет ослабления своих флангов.

По согласованию со Ставкой командование Воронежского фронта приняло решение нанести утром 12 июля мощный контрудар пятью армиями — 1-й танковой, 6-й, 7-й гвардейскими, а также прибывшими из состава Степного фронта 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армией под командованием генерал-лейтенанта А. С. Жадова. Контрудар поддерживался с воздуха 2-й воздушной армией и частью сил 17-й воздушной армии, а также соединениями авиации дальнего действия. В результате контрудара вражеская группировка должна была быть разгромлена.

Основную роль в контрударе предстояло сыграть 5-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова в составе 18-го, 29-го танковых и 5-го гвардейского механизирован-

ного корпусов. Для усиления ей были приданы 2-й танковый и 2-й гвардейский танковый корпуса. В руках командующего армией сосредоточивалось около 850 танков, в основном Т-34, и самоходно-артиллерийских установок.

Пройдя форсированным маршем с соблюдением всех мер маскировки 330—380 километров, гвардейцы-танкисты сосредоточились в районе Прохоровки. Успеху марша способствовало то, что заранее был отработан порядок и определены маршруты выдвижения армии. Ее появление на фронте оказалось полной неожиданностью для врага.

Однако обстановка к утру 12 июля изменилась. Накануне врагу удалось потеснить соединения 1-й танковой, 6, 7 и 5-й гвардейских армий, которые согласно плану советского командования должны были совместно с 5-й гвардейской танковой армией наносить контрудар. Поэтому принять участие в нем в той мере, в какой ранее предполагало командование Воронежского фронта, эти армии не могли. Им необходимо было добавочное время для подготовки контрудара. Вследствие этого основная тяжесть сражения пала на 5-ю гвардейскую танковую армию.

Наступила ночь на 12 июля — ночь перед самым крупным в истории танковым сражением. Мало кто спал в эти последние часы перед боем в 5-й гвардейской танковой армии. Каждый танкист, от рядового до генерала, понимал, что наступил решающий момент Курской битвы. Выстоять, не пропустить врага к Прохоровке, разгромить его танковые соединения — таковы были мысли советских воинов.

В ночь на 12 июля готовился к решающему сражению и враг. Используя успех прошедшего дня, он подтягивал на прохоровское направление все свои резервы.

Утром 12 июля советские бомбардировщики и штурмовики атаковали боевые порядки танковых дивизий противника. Сотни и тысячи бомб были сброшены на узкий участок фронта, который занимал 2-й танковый корпус СС. Огонь невиданной силы обрушился на врага советская артиллерия. Вслед за артиллерийским налетом в атаку пошли танки первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии. На правом фланге

Под Курском. Советские саперы проделывают проходы в проволочных заграждениях (1943 г.)

вдоль реки Псел наступал 18-й танковый корпус, в центре — 29-й, а на левом фланге — 2-й гвардейский танковый корпус.

В это же время начала наступление и ударная группировка врага. Сотни немецких танков и самоходных орудий, бронетранспортеры с мотопехотой двинулись навстречу корпусам 5-й гвардейской танковой армии.

Началось Прохоровское сражение. С обеих сторон в нем участвовало около 1,5 тыс. танков и самоходных орудий.

На узком участке всхолмленной, изрезанной оврагами равнины, зажатой с одной стороны рекой Псел, а с другой — железнодорожной насыпью, в тучах пыли, поднятой сотнями танковых гусениц, сближались две встречные лавины танков. С расположенного на высоком кургане наблюдательного пункта командующего 5-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова хорошо просматривалось все поле боя. Оно казалось тесным для сотен бронированных машин. По степи, скрываясь за отдель-

ными рощами и садами, двигались группы танков. Выстрелы орудий слились в сплошной грозный гул.

Танки 5-й гвардейской танковой армии на полном ходу врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск. Эта атака была столь стремительна, что враг не успел изготавиться к ее отражению. Передние ряды советских танков пронизали весь строй первого эшелона танков противника. Его управление передовыми частями и подразделениями нарушилось. «Тигры», лишенные в ближнем бою преимущества своего мощного артиллерийского вооружения и толстой брони, успешно расстреливались танками Т-34 с коротких расстояний¹.

На поле боя перемешалось огромное количество танков. Чтобы разойтись и вновь восстановить боевые порядки, не хватало ни места, ни времени. Снаряды, посылаемые с коротких расстояний, пробивали и бортовую и лобовую броню танков. При этом часто взрывались боеприпасы, и танковые башни, сорванные взрывом, отбрасывались на десятки метров от искалеченных машин.

В это же время над полем боя разгорелись ожесточенные воздушные схватки. Авиация, как советская, так и питлеровская, стремилась помочь своим наземным войскам выиграть сражение. Бомбардировщики, штурмовики и истребители буквально висели над прохоровским плацдармом. Один воздушный бой сменялся другим. В каждом участвовали десятки самолетов. Благодаря мужественным действиям советских летчиков победа в воздухе оставалась за советской авиацией.

Вскоре все небо заволкло тяжелым дымом пожара. На черной, выжженной земле факелами пылали танки. Трудно было определить, чья сторона наступала, кто оборонялся. На отдельных участках сражение протекало по-разному.

Наступавший вдоль левого берега Псе́ла 2-й танковый батальон 181-й танковой бригады 18-го танкового корпуса столкнулся с группой «тигров», встретивших советские танки огнем с места. Мощные пушки

¹ См. П. А. Ротмистров. Танковое сражение под Прохоровкой. М., Воениздат, 1960, стр. 66.

«тигров» создавали большую угрозу для наших танкистов. Нужно было как можно скорее навязать врагу ближний бой, чтобы лишить его преимуществ. Подав команду «Вперед! За мной!», командир батальона капитан П. А. Скрипкин направил свой танк в центр вражеской обороны. Первым же снарядом командирский танк пронизал борт одного из «тигров», затем, развернувшись, тремя выстрелами поджег еще один тяжелый танк врага. По машине Скрипкина открыли огонь сразу несколько «тигров». Вражеский снаряд проломил борт, второй — ранил командира. Механик-водитель и радист вытащили его из танка и укрыли в воронке от снаряда. Но один из «тигров» шел прямо на них. Тогда механик-водитель Александр Николаев вновь вскочил в свой израненный, горящий танк, завел двигатель и ринулся навстречу врагу. Казалось, огненный смерч несется по полю. «Тигр» остановился, попятился, стал разворачиваться. Но было поздно. На полной скорости горящий КВ врезался в немецкий танк. Взрыв потряс землю. Таранный удар советского танкиста так ошеломил гитлеровцев, что они начали поспешно отходить.

В этом же бою экипаж заместителя командира 1-го танкового батальона 181-й танковой бригады старшего лейтенанта В. П. Елыкова поджег «пантеру», подбил «тигра», раздавил два орудия, миномет, три пулемета, разбил блиндаж с укрывавшимися там гитлеровцами. Самоотверженно действовали и другие экипажи частей и подразделений 18-го танкового корпуса.

Наиболее тяжелые бои в этот день пришлось вести 29-му танковому корпусу и поддерживавшей его 9-й гвардейской воздушнодесантной дивизии, наступавшим вдоль железной и шоссеиной дорог юго-западнее Прохоровки. Враг бросил против них две танковые дивизии СС — «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер». В ходе боя особенно отличился взвод лейтенанта Д. В. Паршина из 31-й танковой бригады. Он уничтожил два танка, пять противотанковых орудий и два миномета.

С переменным успехом шли бои 2-го гвардейского танкового корпуса. В первой половине дня ему удалось несколько продвинуться вперед и занять поселок Ка-

линин. Но затем враг бросил против него танковую дивизию СС «Райх» и части танковой дивизии СС «Адольф Гитлер», которые вновь потеснили советских танкистов.

Во второй половине дня гитлеровцы смогли подтянуть резервы с других участков фронта и возобновить сильные атаки против 5-й гвардейской танковой армии. Однако гвардейцы успели уже надежно закрепиться на занятых рубежах, и все усилия врага оказались безуспешными. Он нес огромные потери, но прорваться к Прохоровке не смог. Бронированный кулак гитлеровцев разбился о героизм советских воинов, об их мужество, доходящее до самопожертвования.

За день боя в районе Прохоровки противник потерял свыше 350 танков, более 10 тыс. солдат и офицеров убитыми¹. Это решающее сражение, по признанию самих гитлеровских генералов, было проиграно немецко-фашистскими войсками. Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии поспешило обвинить в этом командира эсэсовского танкового корпуса обергруппенфюрера Хауссера и отстранило его от командования.

Огромные потери, понесенные в этом сражении немецко-фашистской армией, окончательно истощили ее силы. Она уже не могла продолжать наступление на Курск ни через Обоянь, ни через Прохоровку. «Острые танкового клина противника, — отмечает Маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, — надломленное в районе Обоянского шоссе, было окончательно сломлено»².

Однако южнее Прохоровки все еще шли ожесточенные бои. Бросив в бой 3-й танковый корпус оперативной группы «Кемпф», враг пытался совместно с дивизиями 4-й танковой армии окружить и уничтожить соединения 69-й армии, оборонявшейся между реками Северный Донец и Липовый Донец. Положение советских войск в этом районе стало чрезвычайно трудным. 15 июля по приказу командования они отошли на армейскую полосу обороны и прочно на ней

¹ Архив МО СССР, ф. 203, оп. 51354, д. 18, л. 8.

² П. А. Ротмистров. Танковое сражение под Прохоровкой, стр. 86—87.

закрепились. Враг не смог продолжать наступление и также перешел к обороне.

В боях на южном фесе Курского выступа, как отмечают сами гитлеровские генералы и офицеры, стóрел ряд лучших германских дивизий. Особенно большие потери понесла 19-я танковая дивизия. В ее 73-м танковом полку уже на пятый день наступления осталось не более двух рот¹. 332-я пехотная дивизия потеряла 3700 человек и была полностью разгромлена². Огромные потери понесла 6-я танковая дивизия. После нескольких дней боев в ней осталось всего 47 танков³.

Яркую оценку тяжелого поражения, понесенного немецкими бронетанковыми силами на южном фесе Курского выступа, дал Гёрлиц. «Между 10 и 15 июля, — пишет он, — фельдмаршалу Манштейну с его наступающими соединениями удалось достигнуть водораздела между Донцом, Псёллом, Сеймом и Ворсклой, затем силы здесь истощились. На высотах у Шебекино и около леса у Гонки на шоссе Белгород — Обоянь наступление остановилось. Генерал Конев позднее говорил о «лебединой песне» немецких бронетанковых сил. Последние способные к наступлению соединения догорали и превращались в шлак, была сломана шея немецким бронетанковым силам (Die letzten angriffsfähigen Verbände brannten zu Schlacke aus, der Panzerwaffe war das Genick gebrochen)»⁴.

Огромные потери ударных группировок немецко-фашистских войск, понесенные в боях под Курском, и начавшееся 12 июля наступление войск Западного и Брянского, а затем 15 июля Центрального фронтов на орловском направлении поставили противника перед необходимостью спешно принять решение об отводе своих войск, наступавших на белгородско-курском направлении, на прежние рубежи. Закрепившись на них, враг рассчитывал частью сил оказать помощь войскам, действовавшим на орловском плацдарме. С этой целью уже 16 июля под прикрытием

¹ См. Karlheirich Rieker. "Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1955, S. 262.

² См. там же, стр. 276.

³ См. Walter Görlicz. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II, Stuttgart, 1952, S. 207.

⁴ Там же, стр. 208.

сильных арьергардов 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» начали отходить.

С началом отхода противника совпал контрудар войск 6-й гвардейской и 1-й танковой армий вдоль шоссе Обоянь — Белгород на юг. 18 июля были введены в действие войска Степного фронта — 53, 47 и 4-я гвардейская армии, а также 69-я и 7-я гвардейская армии, переданные из состава Воронежского фронта. А уже 20 июля удары по отходившему противнику наносили все армии Воронежского и Степного фронтов. Для немецко-фашистского командования группы армий «Юг» это было полной неожиданностью. Оно полагало, что советские войска на южном фланге Курского выступа так обескровлены, что им потребуется много времени для приведения себя в порядок. Однако враг жестоко просчитался. Ломая сопротивление противника, громя его арьергарды, соединения Воронежского и Степного фронтов к 23 июля полностью восстановили положение, которое занимали советские войска до начала немецкого наступления 5 июля.

Долго и тщательно подготовлявшаяся правителями фашистской Германии и их генералитетом операция «Цитадель», проведением которой они надеялись достигнуть стратегического успеха на советско-германском фронте, потерпела полный крах. Создались предпосылки для перехода советских войск в невиданное еще по размаху гигантское контрнаступление.

5. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА ОРЛОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОРЛА

Перейти в контрнаступление Ставка Верховного Главнокомандования и командования фронтов планировали после того, как ударные группировки врага, наступавшие на Курск, будут измотаны в оборонительных сражениях, а все их резервы втянутся в бой. Выбор момента перехода в контрнаступление имел чрезвычайно важное значение. Преждевременный удар мог встретить сильное сопротивление, и борьба в этом случае затянулась бы, привела к ненужным жертвам. Запоздавший удар позволил бы противнику организо-

Генерал армии
В. Д. Соколовский

ванно перейти к обороне и отразить наступление. Правильный анализ обстановки на фронте позволил советскому командованию своевременно вскрыть назревание кризиса вражеского наступления и точно определить наиболее целесообразное время перехода в контрнаступление.

Немецко - фашистские войска, наступавшие на Курск, были уже в значительной степени истощены и обескровлены. Все войска ударных группировок врага вели напряженные бои. Немецкое командование на всем участке фронта от Кирова до Харькова имело в резерве лишь пять дивизий.

Между тем в резерве Центрального фронта в это время находились еще не введенные в бой стрелковый и два танковых корпуса, а для усиления Воронежского фронта Ставка выдвинула три общевойсковые и одну танковую армии. В тылу Брянского и левого крыла Западного фронтов сосредоточивалось еще несколько армий и отдельных корпусов из Резерва Ставки. Крупные силы накапливались также за правым крылом Юго-Западного фронта.

План советского командования предусматривал переход в контрнаступление двух групп фронтов: левого крыла Западного и основных сил Брянского и Центрального фронтов — против группировки противника в районе Орла; Воронежского и Степного фронтов и правофланговой 57-й армии Юго-Западного фронта — против группировки в районе Белгорода и Харькова. Войска Брянского и левого крыла Западного фронтов, долгое время оборонявшие занимаемые рубежи, должны были перейти в наступление 12 июля. Соединение Центрального фронта включались в контрнаступление спустя несколько дней, в зависимости от обста-

новки. Войскам Воронежского и Степного фронтов предстояло перейти в контрнаступление на белгородско-харьковском направлении позже, после того как враг будет отброшен на исходные позиции, а соединения фронтов подготовятся к наступлению (схема 4).

Советское командование заблаговременно разработало план разгрома орловской группировки врага. Он предусматривал нанесение четырех мощных ударов. При этом войскам Западного фронта — командующий генерал-полковник В. Д. Соколовский, член Военного совета генерал-лейтенант Н. А. Булганин, начальник

Генерал-полковник
М. М. Попов

штаба генерал-лейтенант А. П. Покровский — предстояло отсечь вражескую группировку в районе орловского выступа ударом в южном направлении на Болхов — Хотынец. Навстречу им на северо-запад, в общем направлении на Кромы, предполагался удар войск Центрального фронта. В то же время войска Брянского фронта — командующий генерал-полковник М. М. Попов, член Военного совета генерал-лейтенант Л. З. Мехлис, начальник штаба генерал-лейтенант Л. М. Сандалов — должны были нанести два глубоких рассекающих удара из района Новосила, охватывая Орел с севера и юга. Таким образом, при выполнении этого плана вражеская группировка в орловском выступе не только отсекалась по линии Болхов — Хотынец — Кромы, но и расчленялась на отдельные части, что должно было облегчить ее уничтожение.

На орловском плацдарме вражеские войска — 2-я танковая и 9-я армии — находились почти два года. Придавая большое значение этому плацдарму, они создали на нем глубоко эшелонированную оборону с развитой системой полевых укреплений и инженерных

Воронежский фронт. Атакуют воины 5-го гвардейского танкового корпуса (август 1943 г.)

заграждений. Здесь располагалась сильная группировка немецко-фашистских войск — 37 дивизий (27 пехотных, 8 танковых, 2 моторизованные). Всего на орловском плацдарме было сосредоточено до 600 тыс. солдат и офицеров, 6 тыс. орудий и минометов и около тысячи танков и самоходных орудий. На этом направлении могло действовать также свыше тысячи боевых самолетов противника.

С такой мощной обороной советские войска встречались впервые. Прорыв ее требовал мастерства, высокого морального духа, наступательного порыва. Командование каждого фронта и армии должно было по-новому решить ряд вопросов, связанных с построением боевых порядков войск, применением артиллерии и авиации при прорыве глубоко эшелонированной обороны врага. Ударные группировки армий строились в два — три эшелона. Корпуса получали участки прорыва в 4—6 километров, а действующие на главном направлении 8-й и 36-й гвардейские корпуса 11-й гвардейской армии Западного фронта, которой командовал генерал-лейтенант И. Х. Баграмян, — по 3,5 километра. Стрелковые дивизии первых эшелонов корпусов должны были прорывать оборону врага на участках менее 2 километров по фронту. Это построение боевых порядков шло вразрез с принятым в то время одноэшелонным построением войск в наступлении. Но оно диктовалось задачей и обстановкой, в которой приходилось действовать войскам.

Особенности применения артиллерии в предстоящем наступлении определялись большим насыщением армий, действующих на главном направлении, артиллерийскими средствами. В армиях, наступавших на главных направлениях, на один стрелковый полк в среднем приходилось от трех до пяти артиллерийских полков. На участке 11-й гвардейской армии была создана сильная группировка артиллерии в составе корпуса прорыва, пушечной артиллерийской дивизии, пушечной бригады, двух бригад полевой реактивной артиллерии, зенитной артиллерийской дивизии и 16 отдельных полков. Таким образом, в ударной группировке действовало 64 полка артиллерии РВГК и 6 артиллерийских полков стрелковых дивизий. Всего в полосе наступления армии сосредоточивалось свыше 3 тыс. орудий и минометов и более 400 установок реактивной артиллерии. Еще ни в одной наступательной операции Красной Армии не создавалось такой мощной армейской группировки артиллерии. В контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 г. отдельные армии, действовавшие на главных направлениях, имели максимально до тысячи орудий и минометов. В контрнаступлении на Волге количество артиллерии в армиях не превышало 1,6—1,8 тыс. орудий и минометов. Таким образом, к началу наступления 11-я гвардейская армия имела в два раза больше орудий и минометов, чем армии, действовавшие на главном направлении в битве на Волге, и в три раза больше, чем в битве под Москвой. Что же касается реактивной артиллерии, то в 11-й гвардейской армии ее было в два с лишним раза больше, чем во всех армиях Юго-Западного фронта, и в полтора раза больше, чем в армиях Сталинградского фронта в дни контрнаступления. Впервые в ходе Отечественной войны плотность артиллерии на направлении главных ударов превысила 200 орудий и минометов на 1 километр фронта, а на участке прорыва 8-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й гвардейской армии достигла 260 орудий и минометов на 1 километр фронта. В составе 11-й гвардейской армии действовало также свыше 250 танков.

Переходу в контрнаступление предшествовала огромная работа, связанная с оборудованием исходных районов для наступления. Для ее выполнения только

войска Брянского фронта были усилены тремя штурмовыми бригадами и 20 инженерными и понтонными батальонами. Одна 11-я гвардейская армия получила на усиление семь инженерных батальонов. За три — четыре дня до перехода в контрнаступление советские саперы начали скрытно разминирование минных полей, как своих, так и противника. Только в полосе 11-й гвардейской армии они сняли 30 тыс. противотанковых и 12 тыс. противопехотных мин.

К 12 июля войска Западного и Брянского фронтов сосредоточились для удара по врагу. Получив приказ, командиры и политработники позаботились о том, чтобы каждый боец знал задачу своего подразделения. В ротах и батареях на переднем крае проводились короткие митинги, партийные и комсомольские собрания. В артиллерийских частях, находившихся в глубине расположения советских войск, митинги проводились в дивизионах и даже в полках. Всюду воины говорили об одном: как лучше и скорее разгромить врага.

На митинге в 1011-м артиллерийском полку 308-й стрелковой дивизии Брянского фронта перед бойцами выступил участник первой мировой войны, бывалый солдат и георгиевский кавалер сержант П. И. Колаев.

«Дети мои, — сказал он, — мне 50 лет. Я, старый русский солдат, не могу простить проклятым фашистам их злодеяний. Я бил немцев и буду еще бить их. Силы у меня хватит. За честь русского народа, за счастливую жизнь, за Советскую власть не пожалею ни сил, ни крови. Вперед, на врага, друзья мои!»¹.

На Западном фронте перед началом боя на митинге слово взял механик-водитель танка Т-34 317-го танкового батальона 113-й танковой бригады сержант В. А. Орлов. Он призвал «отомстить презренным врагам за горе наших матерей, сестер, за горе наших славных девушек, за слезы наших детей, в море которых можно было бы утопить всю фашистскую свору с ее главарями. Завтра мы первые, — говорил он, — идем рвать линию обороны врага. Пусть наши танки героически выполняют приказ Родины»².

¹ Архив МО СССР, ф. 310, оп. 4389, д. 76, л. 39.

² Там же, ф. 315, оп. 4451, д. 9, л. 135.

Тут же на митингах воины подавали заявления с просьбой принять их в партию. «В бой хочу идти коммунистом», «Доверие партии оправдаю в бою», «Если погибну в бою, считайте меня коммунистом» — писали в эти последние часы перед боем сотни и тысячи бойцов и командиров, обращаясь мыслями к родной Коммунистической партии. Только в одной 53-й мотострелковой бригаде в день, предшествующий наступлению, в партийные организации было подано 200 заявлений¹.

В 3-й армии Брянского фронта в день получения приказа о переходе в контрнаступление частям торжественно вручались новые боевые красные знамена. На митингах, посвященных этому знаменательному событию и началу контрнаступления, воины клялись не посрамить Знамени части, сражаться с врагом мужественно, не зная страха в бою, гнать гитлеровских оккупантов прочь с родной земли.

Немецкое командование пребывало в неведении относительно готовящегося удара. В ночь накануне наступления бомбардировщики 1-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант М. М. Громов, и авиации дальнего действия нанесли бомбовые удары по войскам противника на участке прорыва в полосе наступления 11-й гвардейской армии. На рассвете 12 июля началась артиллерийская подготовка. Советская артиллерия обрушила на позиции врага сокрушительный удар. На переднем крае и в глубине обороны противника встала сплошная стена разрывов, дыма и огня. Огненный смерч сметал немецкие укрепления, сея ужас и смерть в стане врага. Гул артиллерийской канонады, в которой участвовали тысячи орудий, был слышен на расстоянии 40—50 километров. По сигналу начала атаки стрелковые части вслед за огневым валом устремились на вражеские позиции. Одновременно штурмовики и бомбардировщики волна за волной атаковали боевые порядки неприятеля.

На земле и в воздухе шло ожесточенное сражение. Пехота при поддержке артиллерии настойчиво преодолевала вражескую оборону. Части и подразделения, атаковавшие врага, дрались героически. В 5-й гвардей-

¹ Архив МО СССР, ф. 332, оп. 4982, д. 33, л. 6.

Наступают войска Степного фронта (август 1943 г.)

ской стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии, наступавшей на главном направлении, в бою за деревню Войново особенно отличился 1-й стрелковый батальон 21-го гвардейского стрелкового полка. Начальник политотдела дивизии полковник И. Г. Шеренгин сообщал Военному совету фронта об этом бое: «Трудно сказать, кто лучше всех дрался. Все рвались вперед, каждый боец выискивал гитлеровца и убивал его или брал в плен»¹.

Несмотря на сильное сопротивление врага и трудные условия лесисто-болотистой местности, наступление советских войск в первые дни увенчалось успехом.

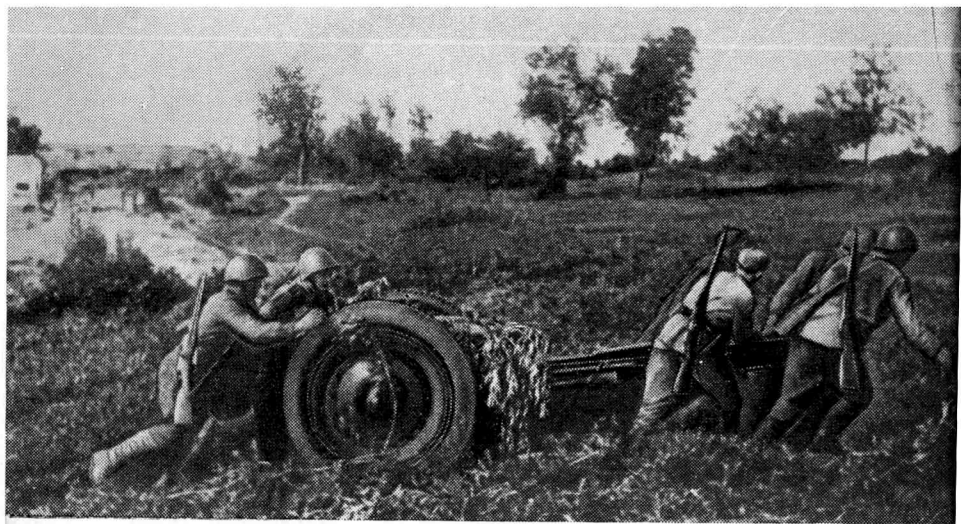
¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 17291, д. 1, л. 195.

Под Курском. Овладение опорным пунктом врага (август 1943 г.)

К исходу 13 июля 11-я гвардейская армия прорвала оборону противника на глубину до 25 километров. Успешно действовали и войска Брянского фронта. Ударная группировка 61-й армии, которой командовал генерал-лейтенант П. А. Белов, вклинилась в оборону врага на болховском направлении на 3—7 километров. Наступавшие на орловском направлении войска 3-й армии под командованием генерал-лейтенанта А. В. Горбатова и 63-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи к исходу 13 июля прорвали оборону на глубину 14—15 километров.

Удары войск Западного и Брянского фронтов потрясли всю оборону врага на орловском плацдарме, но сломить его сопротивление не смогли. Используя узлы сопротивления и опорные пункты в глубине обороны, противник продолжал яростно сражаться. Чтобы сдержать наступление советских войск, он начал спешно перебрасывать во 2-ю танковую армию пехотные и танковые дивизии с других участков фронта. Из 9-й армии были изъяты и переданы 2-й танковой армии 12-я танковая и 36-я пехотная дивизии, а также вся тяжелая и противотанковая артиллерия, предназначавшаяся ранее для развития наступления. В боевом отчете 2-й танковой и 9-й армий 13 июля отмечалось: «Уже в этот день по масштабу наступления против 2-й танковой армии можно было заключить, что про-

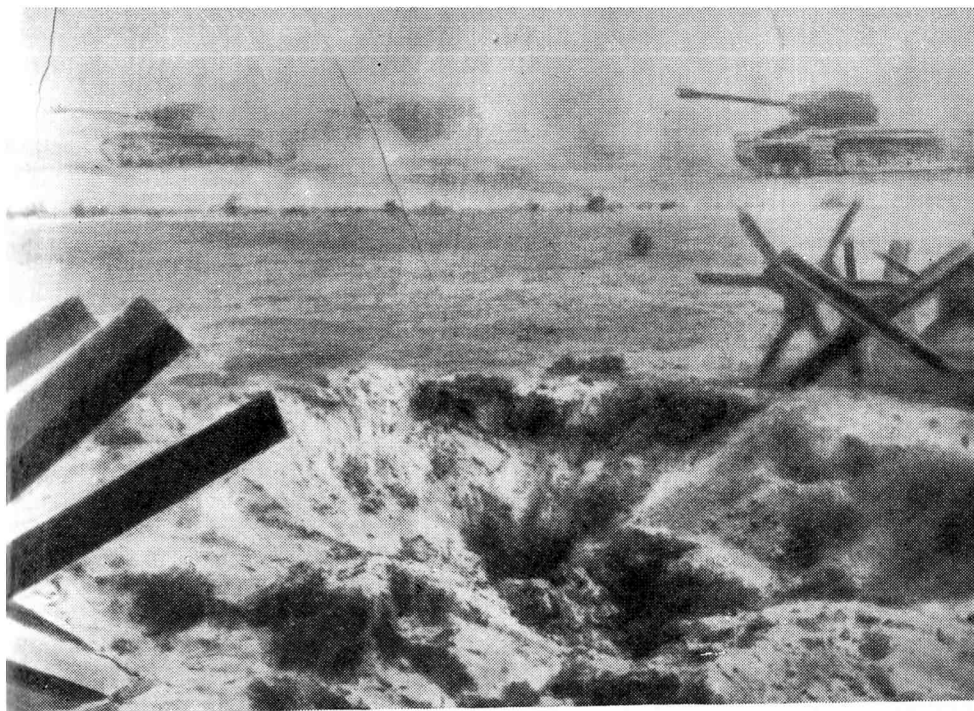
Под Курском. На новую огневую позицию
(август 1943 г.)

тивник поставил своей целью полностью овладеть орловским плацдармом... На широком участке Восточного фронта в течение 48 часов произошли коренные изменения. Центр тяжести боевых операций переместился в район 2-й танковой армии. Здесь кризис продолжал развиваться с неимоверной быстротой»¹.

Гитлер, крайне встревоженный неблагоприятным развитием событий на Восточном фронте, 13 июля срочно вызвал к себе фельдмаршалов Клюге, Манштейна и других лиц высшего командования. Советание проходило в мрачной и нервной обстановке, обусловленной нарастающим наступлением Красной Армии. Клюге заявил, что 9-я армия понесла большие потери и не в силах продолжать наступление.

В этот напряженный для группы армий «Центр» момент гитлеровская ставка объединила командование 2-й танковой и 9-й армий, занимавших орловский выступ, под руководством генерал-полковника Моделя, пользовавшегося особым доверием фюрера. В германской армии его называли «львом обороны». Эта слава среди немецко-фашистских генералов и офицеров особенно упрочилась за Моделем после длительной обо-

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 11918, л. 3.

Вражеская оборона прорвана (август 1943 г.)

роны ржевско-вяземского плацдарма. Вступая в командование орловской группировкой, Модель в приказе войскам 2-й танковой армии от 14 июля писал: «Красная Армия... перешла по всему фронту орловского выступа в наступление. Мы стоим перед сражениями, которые могут решить все. В этот час, требующий огромного напряжения всех сил, я взял на себя командование также и вашей испытанной в боях армией»¹. Модель развил лихорадочную деятельность, отдавал жестокие приказы, в которых требовал от действующих частей стоять до последнего человека, а от подходящих резервов — интенсивно передвигаться, не считаясь ни с чем.

Но и «льву обороны» не под силу было остановить Красную Армию. Советское командование полностью овладело инициативой и наносило все более мощные удары по немецко-фашистским армиям. У гитлеров-

¹ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 65605, д. 11, л. 234.

цев не хватало резервов, чтобы затыкать все новые бреши в своей обороне, которые пробивали ударные группировки советских войск.

Стараясь задержать наступление Красной Армии, усилила налеты вражеская авиация. Однако советские летчики сводили на нет все ее попытки повлиять на ход боев. Теперь уже советская авиация господствовала в воздухе. Всюду, где появлялись вражеские бомбардировщики, они встречали заслоны советских истребителей. Наибольших успехов 14 июля добилась группа истребителей под командованием майора В. Н. Буянова. Во второй половине дня эта группа в составе шести самолетов Як-7б, патрулируя в районе Дудоровского (северо-западнее Болхова), встретила большую группу вражеских бомбардировщиков — 40 самолетов Ю-88. Истребители сразу же вступили в бой. В результате их атак боевой порядок бомбардировщиков нарушился. Потеряв шесть машин, фашистские летчики сбросили бомбы на свои войска и обратились в бегство. Группа советских истребителей в этом бою потерь не имела.

В воздушных боях отличился доблестью и мужеством коммунист старший лейтенант А. П. Маресьев, незадолго до этого вновь вступивший в строй летчиков-истребителей. Весной 1942 г. Маресьев в одном из боев на Северо-Западном фронте был тяжело ранен, а его самолет подбит. Раненый летчик оказался на территории, захваченной врагом. Восемнадцать суток ползком пробирался он к линии фронта. Партизаны спасли его от гибели. Летчик был направлен в госпиталь, где врачи ампутировали ему ступни обеих ног. Но это не сломило волю Маресьева. После лечения он добился возвращения в строй, в летную часть. Огромного напряжения сил стоили ему длительные тренировки, чтобы так же мастерски управлять самолетом, как и раньше. И этот несгибаемой воли человек достиг того, что машина, как и прежде, повиновалась ему. Летчик-истребитель снова рядом с товарищами храбро и самоотверженно сражался с врагом. В первых же воздушных боях на Курском выступе он сбил три самолета противника. Представляя летчика к награде, командир 63-го гвардейского истребительного авиаполка подполковник Н. П. Иванов

писал: «Истинный русский патриот, он, не жалея жизни и крови, сражается против немецко-фашистских захватчиков и, несмотря на серьезный физический недостаток, добивается в воздушных боях отличных успехов. Занимая должность заместителя командира эскадрильи, имея богатый боевой опыт, он учит своих летчиков мастерству воздушного боя рассказом, а в непосредственном воздушном бою — личным примером, показом. Среди личного состава пользуется исключительно большим авторитетом»¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. П. Маресьеву за образцовое выполнение заданий командования и проявленное при этом мужество было присвоено звание Героя Советского Союза.

Бок о бок с советскими летчиками в эти дни дрались французская эскадрилья «Нормандия». Она была создана в конце 1942 г. по соглашению между Советским правительством и Французским национальным комитетом. Из Алжира через Иран 14 французских летчиков и 58 авиамехаников прилетели в СССР, чтобы в советском небе бороться за свободу и независимость родной страны. Гостеприимной оказалась русская земля. В Иванове, куда прибыли французские добровольцы, для них были созданы благоприятные условия. Французским летчикам было предоставлено право выбора любого типа самолета, в том числе и иностранного производства. После пробных полетов они выбрали советский самолет Як-1, который вызвал их восхищение легкостью управления и своим оборудованием.

Получив 14 истребителей, авиаэскадрилья «Нормандия» под командованием майора Жана Луи Тюляна в конце марта 1943 г. перебазировалась в район Калуги на прифронтовой аэродром.

В битве под Курском эскадрилья «Нормандия» принимала активное участие. Уже в первых схватках летчики «Нормандии» смело вступали в бой с немецкими истребителями, проявляя отвагу, высокое мастерство и решительность. Из многих боев они выходили победителями, но и сами несли потери. Особенно

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 7288, л. 2.

Командир эскадрильи «Нормандия» Жан Луи Тюлян ставит летчику задачу (1943 г.)

тяжелыми днями для «Нормандии» были 16 и 17 июля, когда с боевого задания не возвратились майор Тюлян — прекрасный боевой летчик и первый ее командир, его заместитель капитан Альбер Литольф, лейтенанты Ноэль Кастелэн, Андриэн Бернавон и Фирмин Вермей. Потерю любимого командира и боевых друзей тяжело переживал весь личный состав эскадрильи. Однако это не сломало воли французских летчиков к борьбе. Только в воздушных боях в июле и августе они сбили 33 самолета. Прикрывая советские войска, летчики «Нормандии» самоотверженно выполняли возлагаемые на них задачи.

Продолжая наступление на Болхов и Хотынец, 11-я гвардейская армия отразила удары вновь введенных в сражение вражеских соединений. К 19 июля ее части продвинулись на глубину до 70 километров, создав угрозу основным коммуникациям врага с северо-запада. Войска 61-й армии в это время выходили к Болхову, а соединения 3-й и 63-й армий прорвали вражескую оборону на реке Олешня (южнее Мценска) и продвинулись на 10 километров к западу от нее.

Немецко-фашистское командование, стремясь остановить продвижение советских войск, и прежде всего соединений 11-й гвардейской армии, непрерывно направляло против нее все новые и новые дивизии. В течение семи дней на усиление 2-й танковой армии было переброшено десять дивизий, в том числе семь танковых. В результате противнику удалось временно создать перевес в силах в полосе наступления 11-й гвардейской армии. Но это было достигнуто ценой ослабления 9-й немецкой армии, что создало благоприятные условия для перехода в контрнаступление войск Центрального фронта, которое началось 15 июля.

За три дня боев, с 15 по 17 июля, соединения Центрального фронта оттеснили вражескую группировку, вклинившуюся в оборону советских войск на северном фесе Курского выступа, и восстановили положение, которое занимали до начала наступления противника, а затем начали развивать свой успех.

Напряженность борьбы на орловском плацдарме нарастала. Чтобы вновь создать перевес в силах над противником, командование Западного фронта решило ввести в сражение на левом крыле переданную из Ре-

зерва Ставки 4-ю танковую, 11-ю армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Командование Брянского фронта вводило в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию, также прибывавшую из Резерва Ставки. Ввод в сражение этих резервов был сопряжен со значительными трудностями. 11-я армия еще только завершала комплектование в районе Калуги и должна была двигаться к линии фронта походным порядком. Глубоко в тылу располагались 4-я и 3-я гвардейская танковые армии. Бездорожье, вызванное начавшимися после жары проливными дождями, задерживало подход их к районам предполагаемых действий. Однако обстановка требовала немедленного ввода в бой новых сил для завершения операции. Поэтому уже 20 июля 11-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского была введена в сражение в стыке между 50-й и 11-й гвардейской армиями с задачей, наступая на Хвостовичи, обеспечить действия 11-й гвардейской армии с запада и северо-запада. Однако из-за отсутствия времени на подготовку к наступлению, растянутости тылов и усталости пехоты в результате 160-километрового марша соединения 11-й армии вводились в бой по частям и успеха не добились.

26 июля в полосе наступления 11-й гвардейской армии командование Западного фронта ввело в сражение 4-ю танковую армию под командованием генерал-лейтенанта В. М. Баданова, поставив ей задачу прорваться к Болхову и освободить его. Но к этому времени противник успел усилить свою болховскую группировку. Поэтому 4-й танковой армии пришлось совместно с частями 11-й гвардейской армии прорывать на подступах к Болхову сильную вражескую оборону. Только 29 июля соединениям 61-й армии Брянского фронта, 11-й гвардейской и 4-й танковой армий Западного фронта удалось освободить город, создав тем самым непосредственную угрозу обхода Орла с северо-запада. Войска Брянского фронта в то же время глубоко охватили группировку врага в районе Мценска и вынудили ее к отходу. Чтобы не дать противнику отойти к Орлу, командование Брянского фронта поставило задачу 3-й гвардейской танковой армии наступать в северо-западном направлении и перере-

зять шоссе Орел— Мценск, захватив при этом переправы через Оку. Одновременно войска Брянского фронта продолжали наступление на Орел с востока. Войска правого крыла Центрального фронта продолжали развивать наступление на северо-запад в направлении Кром и к 30 июля продвинулись в глубину обороны врага до 40 километров.

Наступавшим войскам Красной Армии большую помощь оказывали своими активными действиями бесстрашные партизаны. К концу июля их борьба значительно активизировалась. Они начали наносить массированные удары по железнодорожным коммуникациям врага. Только на территории Орловской области в операциях по разрушению железнодорожных коммуникаций участвовало 10 партизанских бригад и несколько самостоятельно действовавших отрядов.

В ночь на 21 июля в тылу орловской группировки врага было подорвано около 6 тыс. рельсов¹. По плану советского командования основной удар партизаны нанесли по железной дороге Брянск— Хутор Михайловский, которая обеспечивала связь между орловской и белгородско-харьковской группировками врага. Партизаны не только рвали рельсы, но и пускали под откос вражеские эшелоны, разрушали путевое хозяйство, уничтожали железнодорожные стрелки, семафоры, будки, водонапорные башни, нарушали телеграфно-телефонную связь. Всего партизаны Орловской области с 21 июля по 3 августа, в период, когда войска Западного, Брянского и Центрального фронтов вели решающие бои, подорвали свыше 10 тыс. рельсов². В ночь на 3 августа в полосе отступления 2-й немецкой танковой армии партизаны взорвали на ряде участков железнодорожные пути, прервав почти на два дня движение. В следующую ночь они произвели еще сотни взрывов, дезорганизуя тылы врага и сея панику среди отступавших немецких частей. В результате действий партизан на железнодорожных узлах и станциях образовывались большие скопления немецких эшелонов, а вблизи этих станций— автомашин и обозов. Советская авиация систематически наносила по ним мощные бомбовые удары.

¹ Партархив Брянского обкома КПСС, ф. 2, д. 33, л. 13.

² Там же.

Успешную операцию провели партизаны бригады «За Родину». Они напали в тылу немецких войск на командующего немецкой группой особого назначения генерал-лейтенанта Борнемана и сопровождавшую его охрану. Партизаны захватили ценные документы, в том числе приказы, секретные инструкции и бюллетени генерального штаба сухопутных войск Германии, карты обстановки и дислокации всех соединений противника в полосе Западного, Брянского и Центрального фронтов, карты маршрутов отступления и снабжения фашистских войск.

В конце июля войска 11-й гвардейской, 4-й танковой и 61-й армий подошли к основным коммуникациям, питавшим всю группировку войск врага на орловском плацдарме, к железной и шоссейной дорогам Орел — Брянск. С юга к ним упорно пробивались войска Центрального фронта. Положение вражеской группировки на орловском плацдарме становилось все более тяжелым.

В начале августа борьба развернулась уже на ближних подступах к Орлу. По всем дорогам, а зачастую и без дорог, к Орлу тянулись бесконечные колонны отступавших фашистских войск, обозы с награбленным имуществом. На дорогах создавались зазоры. В самом Орле и на переправах через Оку скопилось огромное количество войск и техники. Советские штурмовики и бомбардировщики непрерывно бомбили спрудившиеся железнодорожные эшелоны и колонны врага.

С севера, востока и юга советские войска все плотнее охватывали немецкую группировку в районе Орла. В ночь на 4 августа части 5, 129 и 380-й стрелковых дивизий подошли вплотную к Орлу. Город лежал перед ними весь в дыму и огне. Над его кварталами то тут, то там вздымалось пламя, раздавались взрывы. «...Бойцы и командиры! — обратился Военный совет Брянского фронта к воинам. — На ваших глазах уничтожается гитлеровскими бандами Орел... Два — три часа быстрого наступления... не позволят врагу окончательно разрушить наш родной город. Вперед, на скорейшее его освобождение»¹.

¹ В боях за Орел. Сборник. М., Госполитиздат, 1944, стр. 58.

Жители Орла встречают своих освободителей

И войны пошли на штурм города. Первым в Орел на плечах отступавшего противника ворвался 2-й батальон 190-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии, которым командовал майор В. Д. Денисов. Успех батальона позволил остальным частям ускорить продвижение. При первом появлении частей Красной Армии им на помощь спешило население, которое, несмотря на строжайший приказ оккупантов отходить вместе с германскими войсками, осталось в городе. Местные жители указывали бойцам удобные проходы, места, где засели немецкие снайперы или находились огневые точки врага, помогали переправляться через Оку, разделяющую город на две части. А когда потребовалось в разгар боя восстановить через Оку мост, разрушенный противником, на помощь саперам пришло более 300 горожан. Спустя шесть часов мост был готов, и через него началась переправа орудий и машин¹.

Ожесточенное сопротивление приходилось преодолевать 1260-му стрелковому полку 380-й стрелковой дивизии, которым командовал майор П. М. Плотников.

¹ Архив МО СССР, ф. 5 сд, оп. 162072, д. 10, л. 60.

Специальный выпуск

ОРЕЛ—НАШ!

Наше подразделение, после короткого и решительного штурма, вошло в гор. ОРЕЛ!

Приказ Военного Совета выполнен.
ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС, ТОВАРИЩИ, С НОВОЙ ПОБЕДОЙ!

Орел освобожден от немецких оккупантов.

*ВОИН КРАСНОЙ АРМИИ! ТЫ СВОИМИ ПОДВИГАМИ
ПРОСЛАВИЛ НЕПОБЕДИМОЕ РУССКОЕ ОРУЖИЕ.*

ВРАГ НЕ ВЫДЕРЖИВАЕТ СИЛУ НАШЕГО УДАРА!

Не давай немцу передышки. Громи его всей мощью огня!

Бей фашистскую сволочь. Отомсти за кровь и слезы наших жен и детей, отцов и матерей, за смерть советских людей.

Вперед на разгром врага! Вперед на Запад!

Редакция газеты «За родину».

Поздрав почта 37766 Г.

Листовка об освобождении Орла

Большую помощь этому полку оказали артиллеристы 945-го артиллерийского полка, орудия которого находились в боевых порядках стрелковых подразделений. Наиболее отважно и умело действовал расчет под командованием старшего сержанта А. Г. Кабакова, бывшего тракториста из Алтайского края. Этот расчет прямой наводкой уничтожил несколько огневых

Орел освобожден! (5 августа 1943 г.)

точек, мешавших продвижению пехоты. Весь расчет орудия был награжден орденами и медалями¹. Не-

¹ Впоследствии по просьбе жителей Орла орудие старшего сержанта А. Г. Кабакова было передано городу.

смотря на яростное сопротивление врага, советские воины, умело маневрируя и обходя его узлы сопротивления, постепенно очищали город. Подразделения 1262-го стрелкового полка, которым командовал майор Н. А. Малашин, развивая успех 1260-го полка, овладели железнодорожной станцией Орел. Противник четыре раза переходил в контратаку, но, потеряв четыре танка, много солдат и офицеров, вынужден был отступить.

Смелость и отвагу в боях за Орел проявлял каждый воин. Более 200 солдат и офицеров 380-й стрелковой дивизии были награждены орденами и медалями непосредственно на поле боя. Только в одном 190-м стрелковом полку 5-й стрелковой дивизии за штурм Орла получили награды около 80 воинов.

Совместные усилия войск, наступавших на Орел, их согласованные и смелые действия обеспечили успех штурма. 5 августа Орел был полностью очищен от врага.

Тяжелая картина предстала перед воинами-освободителями. Большой промышленный город, в котором до войны жило более 100 тыс. человек, лежал в руинах. Все заводы, фабрики были взорваны, железнодорожный узел разрушен, от многоэтажных жилых домов остались лишь разбитые стены. Гневом наполнялись сердца воинов при виде развалин древнего русского города. Их руки крепче сжимали оружие, исчезала усталость. Одно желание было у них — скорее опять в бой, скорее очистить советскую землю от фашистской нечисти, сеющей смерть и разрушения.

Через город проходили воинские части, продолжая наступление на запад. А в это время под руководством партийных организаций город возвращался к жизни. Открывались магазины, больницы, столовые, чинился водопровод, восстанавливались мосты.

Уже через несколько дней после освобождения на площади имени Карла Либкнехта, расчищенной от развалин, собрался общегородской митинг. Среди его участников было более 200 бойцов и офицеров, награжденных орденами и медалями за мужество и доблесть, проявленные при освобождении Орла. На трибуне руководители партийных и советских органов

области и города, представители воинских соединений, партизан.

С приветствием по случаю освобождения города обратился к собравшимся секретарь Орловского обкома ВКП(б) Н. Г. Игнатов. Он выразил сердечную благодарность воинам — освободителям Орла и призвал орловцев не жалея сил взяться за восстановление родного города.

«Гитлеровцы разрушили и взорвали наш город, превратили его в развалины, — говорил Н. Г. Игнатов. — Они зверски замучили и убили тысячи граждан. Кровь замученных взывает к мести. Смерть немецким захватчикам!»¹

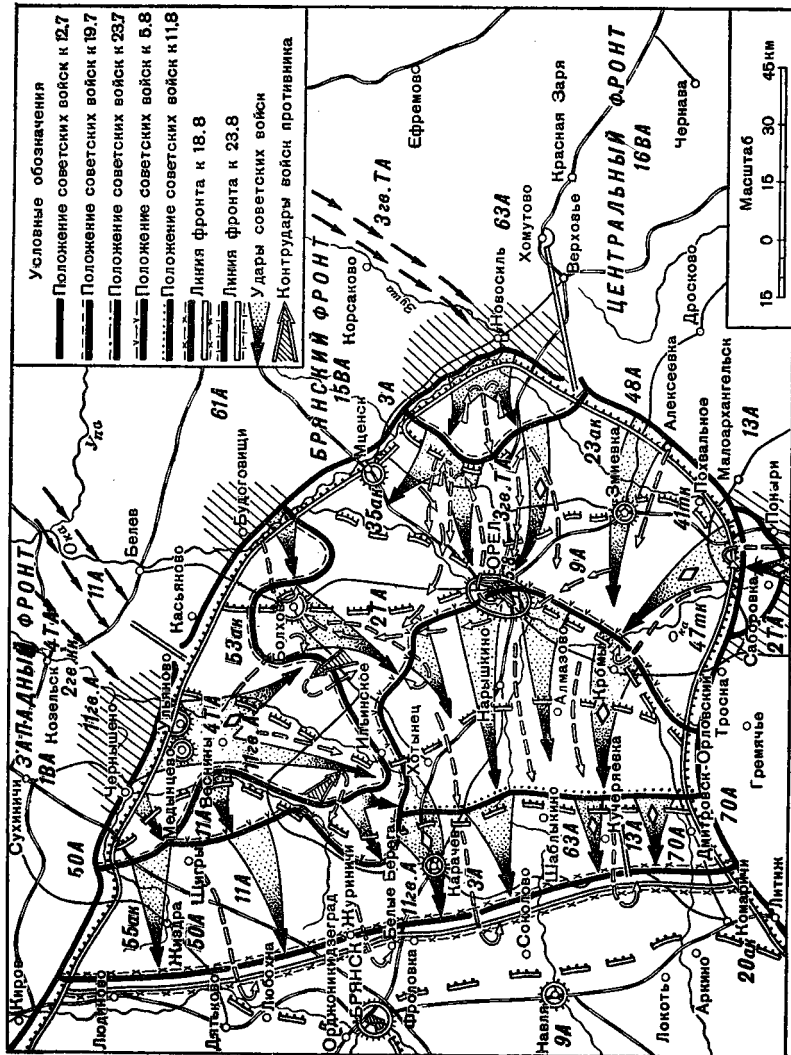
От имени орловских партизан Герой Советского Союза А. Д. Бондаренко поздравил трудящихся города и его освободителей — доблестных воинов с блестящей победой. Он заверил собравшихся, что партизаны Орловщины будут истреблять и гнать проклятого врага, пока от него не будет очищена вся советская земля.

Собравшиеся на митинг орловцы послали приветственную телеграмму бойцам, офицерам и генералам стрелковых дивизий Западного, Брянского и Центрального фронтов, освободивших Орел, и партизанам с призывом беспощадно уничтожать фашистских оккупантов.

Советские войска наносили врагу все новые и новые удары. 12 августа войска Центрального фронта освободили город Дмитровск-Орловский, а спустя три дня части Брянского фронта выбили противника из Карачева.

Генерал-полковник Модель просил у Гитлера разрешения на отвод войск с орловского плацдарма, с тревогой указывая на опасность «нового Сталинграда». В связи с общей тяжелой обстановкой на фронте и критическим положением, в котором оказалась группировка в районе Орла, немецко-фашистское командование вынуждено было принять решение оставить орловский плацдарм и отойти на позиции «Хаген», которые были построены на рубеже восточнее Брянска еще до начала немецкого наступления под Курском.

¹ «Правда», 18 августа 1943 г.

Условные обозначения

- Положение советских войск к 12.7
- Положение советских войск к 19.7
- Положение советских войск к 23.7
- Положение советских войск к 5.8
- Положение советских войск к 11.8
- Линия фронта к 18.8
- Линия фронта к 23.8
- Удары советских войск
- Контрудары войск противника

Масштаб
15 0 15 30 45 км

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

БРЯНСКИЙ ФРОНТ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФРОНТ

Сухиничи

18А Новельск

26 Жу

11А

Белев

Насьяново

61А

Сухоговоицы

Брянск

15ВА Корсаково

3А

326.ТА

335Б

336.ТА

337.ТА

338.ТА

339.ТА

340.ТА

341.ТА

50А

11А

112е.А

113е.А

114е.А

115е.А

116е.А

117е.А

118е.А

119е.А

120е.А

121е.А

122е.А

123е.А

124е.А

125е.А

126е.А

127е.А

128е.А

50А

11А

112е.А

113е.А

114е.А

115е.А

116е.А

117е.А

118е.А

119е.А

120е.А

121е.А

122е.А

123е.А

124е.А

125е.А

126е.А

127е.А

128е.А

50А

11А

112е.А

113е.А

114е.А

115е.А

116е.А

117е.А

118е.А

119е.А

120е.А

121е.А

122е.А

123е.А

124е.А

125е.А

126е.А

127е.А

128е.А

50А

11А

112е.А

113е.А

114е.А

115е.А

116е.А

117е.А

118е.А

119е.А

120е.А

121е.А

122е.А

123е.А

124е.А

125е.А

126е.А

127е.А

128е.А

50А

11А

112е.А

113е.А

114е.А

115е.А

116е.А

117е.А

118е.А

119е.А

120е.А

121е.А

122е.А

123е.А

124е.А

125е.А

126е.А

127е.А

128е.А

50А

11А

112е.А

113е.А

114е.А

115е.А

116е.А

117е.А

118е.А

119е.А

120е.А

121е.А

122е.А

123е.А

124е.А

125е.А

126е.А

127е.А

128е.А

Войска Западного, Брянского и Центрального фронтов, преследуя 2-ю танковую и 9-ю немецкие армии, сбивали арьергарды противника и выходили в тыл отходивших войск.

Враг прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить планомерный отход своих армий. Однако обстановка для него все более осложнялась. Фельдмаршал Клюге, оценивая положение своих войск на орловском плацдарме, писал: «Штаб группы армий ясно представляет себе, что прежнее намерение при отходе нанести противнику возможно больше ударов теперь невыполнимо, принимая во внимание снизившуюся боеспособность и переутомление войск. Теперь дело в том, чтобы поскорее оставить орловскую дугу»¹.

17—18 августа советские войска подошли к оборонительному рубежу «Хаген».

Контрнаступление советских войск на орловском плацдарме продолжалось 37 дней — с 12 июля по 18 августа. За это время они продвинулись в западном направлении на 150 километров. Выступ немецко-фашистского фронта в районе Орла был ликвидирован. «Орловский клин — это кинжал, направленный в сердце России», — любили говорить гитлеровцы до наступления советских войск. «Кинжал» этот теперь был выбит из рук врага. Мощная группировка немецких войск, созданная для наступления на Курск с севера, понесла тяжелое поражение, вынуждена была оставить позиции, которые занимала долгое время и считала неприступными.

Ликвидация орловского плацдарма немецко-фашистских войск резко изменила всю обстановку в центре советско-германского фронта, открыв широкие возможности для дальнейшего наступления советских войск на западном направлении.

6. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ НА БЕЛГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ. ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛГОРОДА И ХАРЬКОВА

Войскам Воронежского и Степного фронтов пришлось переходить в контрнаступление в сложных усло-

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 13587, л. 30.

виях. Ведя тяжелые оборонительные бои, а затем преследуя отходящего противника, они понесли значительные потери. Преодолевать же им предстояло заранее подготовленные оборонительные рубежи.

Белгородско-харьковская вражеская группировка, действовавшая к югу от Курска, имела в начале августа 18 дивизий, в том числе 4 танковые и много отдельных частей различного назначения. Ее численность доходила до 300 тыс. человек. Группировка располагала свыше 3,5 тыс. орудий и до 600 танков. С воздуха ее поддерживали силы 4-го воздушного флота в составе 900 самолетов.

Войска противника опирались на хорошо развитую в инженерном отношении оборону. Здесь были оборудованы две оборонительные полосы, усиленные противотанковыми и противопехотными препятствиями. Главная полоса обороны проходила через деревни Алексеевка, Краснополье, Бутово, восточнее Белгорода и далее по правому берегу Северного Донца (схема 4). Населенные пункты, расположенные в глубине, подготавливались к круговой обороне. Белгород был превращен в мощный узел сопротивления. Вокруг города противник создал оборонительный обвод. Кроме того, на окраинах города было построено большое количество дерево-земляных огневых точек, а все каменные постройки были превращены в опорные пункты. Еще сильнее был укреплен Харьков. Вокруг него были возведены два кольцевых обвода, насыщенных большим количеством огневых средств, надежно укрытых в дотах и дзотах, размещенных в каменных постройках и закопанных в землю. Подчеркивая значение Харькова в общей системе обороны врага и сложность борьбы за его освобождение, Маршал Советского Союза И. С. Конев впоследствии писал: «Большое оперативное значение города Харькова, как основного района обороны немцев на Левобережной Украине, а также наличие крупной танковой группировки противника, действовавшей на харьковском направлении, предопределяло ожесточенный характер борьбы за его овладение»¹.

¹ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 16158, л. 6.

Генерал армии
Р. Я. Малиновский

В результате преследования противника основная группировка войск Воронежского и Степного фронтов к 24 июля сосредоточилась севернее Белгорода. Это создавало благоприятные условия для разгрома ослабленных в предыдущих боях 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф». Советское командование, учитывая обстановку, приняло решение осуществить прорыв обороны противника на стыке этих группировок. План контрнаступления предусматривал удар войск Воронежского и Степного

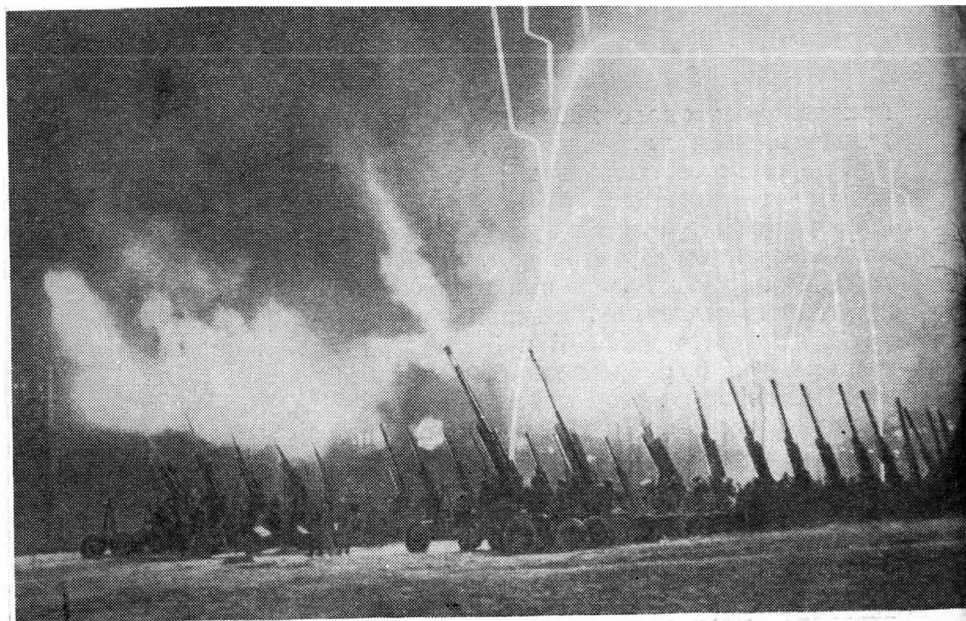
фронтов в юго-западном направлении на Богодухов, Валки, с тем чтобы отколоть 4-ю танковую армию от оперативной группы «Кемпф», а затем разгромить их. При этом войска Воронежского фронта должны были действовать против 4-й танковой армии, наступая на запад в направлении Ахтырки, а войска Степного фронта поворачивали на юг — на Харьков, одновременно свертывая оборону врага по правому берегу Северного Донца. При подходе соединений Степного фронта к Харькову Юго-Западный фронт — командующий генерал армии Р. Я. Малиновский, член Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов, начальник штаба генерал-майор Ф. К. Корженевич — должен был нанести удар силами 57-й армии в западном направлении, чтобы обойти Харьков с юга. В целом план Белгородско-Харьковской операции предусматривал развертывание наступления на фронте в 200 километров. С воздуха действия советских войск поддерживались 2-й и 5-й воздушными армиями. Кроме того, для действий на белгородско-харьковском направлении

привлекалось около 200 бомбардировщиков авиации дальнего действия.

Операция готовилась в сжатые сроки. Это потребовало от командования, штабов, политорганов больших усилий. Колоссальную работу пришлось выполнить и органам фронтового, армейского и войскового тыла. В короткий срок они провели переброску крупных сил артиллерии Брянского фронта — 13, 16, 17-й артиллерийских дивизий и 3-й гвардейской минометной дивизии. Одновременно органы тыла должны были обеспечить всю массу войск боеприпасами, горючим, продовольствием. К началу контрнаступления фронты были снабжены всем необходимым, причем созданы запасы большие, чем накануне оборонительного сражения. Боеприпасов войска имели примерно на 12—15 дней непрерывного боя, продовольствия — на 7—8 дней и горючего — на 10—12 суток.

По решению командующего Воронежским фронтом главный удар наносился силами 6-й и 5-й гвардейских, 5-й гвардейской танковой и 1-й танковой армий. На направлении главного удара советское командование создало значительные плотности артиллерии и танков, что должно было обеспечить быстрый прорыв глубоко эшелонированной обороны врага. На участке прорыва 5-й гвардейской армии плотность артиллерии достигала 230 орудий и минометов на 1 километр фронта, а плотность танков была доведена до 70 боевых машин на 1 километр фронта. Стрелковые дивизии получали участки прорыва от 2 до 3 километров. Особенностью этой операции было то, что командование Воронежского фронта планировало введение в прорыв в полосе 5-й и 6-й гвардейских армий двух танковых армий — 5-й гвардейской и 1-й. Масштабное применение танков обеспечивало решающее превосходство над противником, предусматривало высокий темп наступления и развитие удара на большую глубину.

Командование Воронежского фронта, чтобы скрыть сосредоточение войск на главном направлении, провело специальную маскировочную операцию в полосе 38-й армии в районе Суджи. С этой целью там имитировалось сосредоточение танковой и общевойсковой армий. Для этого привлекалась стрелковая дивизия,

Первый артиллерийский салют в Москве доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород (5 августа 1943 г.)

танковые, артиллерийские и другие подразделения. Чтобы еще больше ввести противника в заблуждение, работали восемь мощных радиостанций, создавая впечатление дислокации штабов крупных соединений. На станцию Локинская (15 километров севернее Суджи) ежедневно прибывали железнодорожные эшелоны, из которых выгружались макеты танков, пустые ящики из-под снарядов. Днем в район ложного сосредоточения шли танки, грузовики, колонны пехоты. Ночью все это уходило вновь на восток. И враг был введен в заблуждение. Его самолеты интенсивно бомбили район «сосредоточения» — станцию Локинская, макеты танков и артиллерийских орудий. В район Сумы противник перебросил 7-ю танковую и 75-ю пехотную дивизии. В то же время на направлении главного удара Воронежского фронта немецкая авиация почти не действовала. Наступление советских войск на Белгород оказалось для гитлеровского командования совершенно неожиданным¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 69, оп. 260662, д. 4, лл. 89—92.

Войска Воронежского и Степного фронтов перешли в наступление ранним утром 3 августа, когда части Брянского и Западного фронтов подходили к Орлу. В результате согласованного и внезапного удара артиллерии, авиации, танков и стрелковых частей уже через три часа соединения Воронежского фронта, наступавшие северо-западнее Белгорода, глубоко вклинились в главную полосу вражеской обороны. В середине дня командование фронта ввело в сражение основные силы 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, которые своими передовыми бригадами завершили прорыв тактической зоны обороны и начали развивать успех в оперативной глубине.

Войска Степного фронта, наступавшие севернее Белгорода, до 15 часов вели бои в главной оборонительной полосе врага. Чтобы быстрее преодолеть ее, командование фронта ввело в бой 1-й механизированный корпус, который и завершил прорыв главной полосы. 4 августа бои продолжались на всем фронте наступления. Соединения Воронежского и Степного фронтов, обходя узлы сопротивления, развивали наступление на юг и продвинулись до 20 километров. Войска Степного фронта прорвали оборонительные позиции, прикрывавшие Белгород с севера. Бои непосредственно за город начались с утра 5 августа. Соединения 69-й армии под командованием генерал-майора В. Д. Крюченкина подошли к окраинам города с севера. В это время войска 7-й гвардейской армии, форсировав Северный Донец, создали угрозу вражескому гарнизону Белгорода с юга. Части 1-го механизированного корпуса, стремительно наступая западнее города, перерезали железную и шоссейную дороги Белгород — Харьков. Вражеский гарнизон в городе оказался под угрозой окружения.

Первыми в Белгород в 6 часов утра 5 августа ворвались подразделения 270-го гвардейского стрелкового полка 89-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал полковник М. П. Серюгин. Полком командовал подполковник Н. Э. Прошунин. К 10 часам к городу подошли остальные полки этой же дивизии: 267-й гвардейский под командованием подполковника Г. А. Середы и 273-й гвардейский, которым

командовал подполковник В. В. Бунин¹. В тесном взаимодействии с 89-й гвардейской дивизией наступала 305-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Ф. Васильева². Противник предпринимал отчаянные попытки сохранить за собой белгородский узел сопротивления. Однако удар был настолько сильным, что враг вынужден был, спасая остатки разбитых частей, спешно отступить на запад, оставив на улицах города только убитыми свыше 3 тыс. солдат и офицеров. К вечеру 5 августа Белгород был полностью очищен от немецко-фашистских войск. Родине был возвращен одновременно с Орлом другой старинный русский город — Белгород.

В ознаменование освобождения Орла и Белгорода в Москве вечером 5 августа был произведен первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют. Родина салютовала войскам Брянского, Западного, Центрального, Степного и Воронежского фронтов в честь их доблести и упорства в выполнении боевых задач.

Поэт Александр Твардовский, выражая чувства советских людей, писал в стихотворении «Героям Орла и Белгорода»:

...И голос праздничный орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных буден,
Был громом ваших батарей.
И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах —
ОРЕЛ и БЕЛГОРОД — слова³.

Освобождение Белгорода и Орла имело не только большое военное, но и политическое значение. Только за три дня до этой выдающейся победы Красной Армии официальный немецкий военный обозреватель генерал Дитмар, выступая по радио, утверждал: «Уже сегодня можно сказать, что летнее наступление неприятеля в 1943 г. не удалось⁴. Сокрушитель-

¹ Архив МО СССР, ф. 988, оп. 439867, д. 1, л. 3.

² Архив МО СССР, ф. 305 сд, оп. 48419, д. 1, л. 2.

³ «Правда», 7 августа 1943 г.

⁴ «Красная звезда», 7 августа 1943 г.

ные удары советских войск опровергли эти хвастливые заверения. Новое крупное поражение произвело гнетущее впечатление на немецкие войска. В неотправленном письме унтер-офицера Отто Рихтера своему брату Курту, найденном в полевой сумке убитого, говорилось: «Дорогой Куртхен! Ты знаешь меня, я никогда не хватался за голову и не был паникером. Я всегда твердо верил в наши цели и нашу победу. Но сейчас я хочу с тобой попрощаться. Не удивляйся, именно попрощаться, и навсегда. Недавно мы наступали. Если бы ты знал, какое это было отвратительное и страшное наступление. Наши солдаты храбро шли вперед, но русские дьяволы ни за что не хотели отступать, и каждый метр стоил нам жизни наших товарищей. Но все-таки это было наступление, и можно было терпеть. А потом эти русские дьяволы обрушились на нас, мы стали пятиться, началась настоящая свистопляска. Вчера мы оставили Белгород. Нас остались единицы... В нашей роте осталось 18 человек. Это еще ничего, так как во второй роте — всего 9. Полк хотели расформировать, но потом свели его в одну роту. Господи, чем все это кончится! Солдаты не хотят слушать о победах. Им теперь все равно. Я убеждаю их и сам со страхом уверяюсь, что я сам перестал верить. Разве их сломишь, этих русских дьяволов. Я знаю, что меня убьют, прощай, но мне все равно, зачем жить, если война проиграна, а будущее черно»¹. Таких писем в Германию шло все больше и больше.

Мощный и неожиданный удар советских войск на белгородско-харьковском направлении значительно ухудшил обстановку для противника и на юге. Танковые дивизии, направленные им из-под Харькова в Донбасс для отражения начавшегося мощного наступления войск Юго-Западного и Южного фронтов, были вновь спешно переброшены в район Харькова.

Ставка Советского Верховного Главнокомандования дала указание авиации воспрепятствовать переброске оперативных резервов противника в район Харькова. Для этой цели вначале была привлечена 8-я воздушная армия Южного фронта, которой командовал генерал-лейтенант Т. Т. Хрюкин. В дальнейшем в борь-

¹ «Правда», 24 августа 1943 г.

бу включились соединения 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта, которые только 4 и 5 августа произвели до тысячи самолето-вылетов. С подходом немецких дивизий к Харькову они подверглись ударам авиации дальнего действия, а затем соединений 2-й и 5-й воздушных армий. В результате непрерывных действий советской авиации танковые дивизии врага понесли большие потери, а главное — они не смогли своевременно прибыть в назначенные районы, чтобы изготовиться для контрударов.

В период самых интенсивных перебросок резерв противника по его железнодорожным коммуникациям нанесли удары украинские партизаны. В результате их активных действий снизилась пропускная способность железных и шоссейных дорог Киев — Бахмач, Киев — Полтава, Бахмач — Гомель. Всего за июль — август народные мстители Украины пустили под откос свыше тысячи вражеских эшелонов, взорвали 250 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили более 1,5 тыс. автомашин, истребили тысячи солдат и офицеров врага¹.

Войска Воронежского и Степного фронтов продолжали неустанно преследовать врага. Соединения 1-й танковой и 6-й гвардейской армий Воронежского фронта за пять дней продвинулись более чем на 100 километров и к исходу 7 августа овладели Богодуховом. Соединения введенной в бой 27-й армии под командованием генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко в этот же день освободили Грайворон. Между отходившими вражескими группировками — 4-й танковой армией и группой «Кемпф» — образовалась брешь в 55 километров. В нее устремились подвижные соединения Воронежского фронта. Стремясь избежать окружения западнее Грайворона, остатки сильно потрепанных в предыдущих боях 255, 332, 57-й пехотных и 19-й танковой дивизий врага с обозами и штабами начали отход на запад по единственной оставшейся свободной дороге.

Колонна автомашин, танков, артиллерии растянулась на многие километры. Враг пытался замаскиро-

¹ Партархив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 84.

вать свой отход. С этой целью немецкие истребители, сменяя друг друга, непрерывно пикировали на колонну, создавая впечатление, что по дороге движутся части Красной Армии. Этот прием чуть было не ввел в заблуждение командование 27-й армии. Однако уловка врага была разгадана. Командующий артиллерией Воронежского фронта приказал обрушить на вражескую колонну огонь большей части артиллерии 27-й армии. Сотни снарядов и мин накрыли плотную массу живой силы и техники врага. На дороге началась паника. Гитлеровцы бросались в кавалеры, укрывались в окрестных перелесках, прятались в воронках от бомб и снарядов. Разгром колонны завершили вызванные по радио штурмовики. За короткое время артиллерийским огнем и атаками с воздуха было уничтожено более 50 танков, из них 44 «тигра», сотни автомобилей, орудий. Большое количество техники врага в исправном состоянии попало в руки Красной Армии. Во время разгрома колонны был убит командир 19-й танковой дивизии генерал-лейтенант Шмидт. Многие солдаты и офицеры попали в плен. Попытка остатков трех пехотных и одной танковой дивизий противника вырваться из «мешка» окончилась крахом. Это еще более ослабило фронт обороны 4-й танковой армии, который удерживали восточнее Ахтырки остатки моторизованной дивизии «Великая Германия» и части 19, 11 и 7-й танковых дивизий. Чтобы задержать наступление советских войск на Ахтырку, гитлеровское командование бросило в бой все свои резервы, вернуло с пути следования часть соединений, направленных на усиление группы армий «Центр».

В то же время наступление южнее и юго-западнее Белгорода продолжалось. Войскам Степного фронта приходилось преодолевать ряд сильно укрепленных промежуточных рубежей. К тому же враг использовал свои танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд» в качестве закопанных в землю броневых огневых точек. Он сопротивлялся отчаянно, бросая против наступающих войск свои танковые соединения. Чтобы сокрушить сопротивление противника и прорвать его многочисленные оборонительные рубежи, командование фронта приказало использовать в пере-

довых частях для борьбы с танками врага 122-мм пушки и 152-мм пушки-гаубицы. Массовое применение тяжелой артиллерии для сопровождения стрелковых и танковых соединений полностью себя оправдало, позволив значительно ускорить темп наступления и сократить потери. 5-я гвардейская танковая армия овладела Казачьей Лопанью и Золочевом — крупными опорными пунктами врага, прикрывавшими Харьков с северо-запада. Оборона противника была рассечена на две части.

К 11 августа войска Воронежского фронта, значительно расширив прорыв, перерезали железную дорогу Харьков — Полтава. К исходу этого же дня 53, 69 и 7-я гвардейская армии Степного фронта подошли вплотную к внешнему харьковскому оборонительному обводу, а 57-я армия Юго-Западного фронта, которой командовал генерал-лейтенант Н. А. Гаген, форсировав Северный Донец и овладев Чугуевом, также вышла на подступы к Харькову с востока и юго-востока. Положение немецко-фашистских войск становилось все более критическим. «...В обороне появлялись бреши, — пишет бывший гитлеровский генерал Типпельскирх, — которые были особенно губительны... Дело доходило до окружений дивизий, корпусов и даже армий. При благоприятных обстоятельствах окруженной группировке удавалось пробиться к своим войскам, но все равно это было сопряжено с тяжелыми потерями и оставлением противнику огромного количества боевой техники и снаряжения»¹.

Сознавая опасность дальнейшего охвата войск в районе Харькова, немецко-фашистское командование срочно предприняло ряд контрмер. К 11 августа оно сосредоточило южнее Богодухова пополненные после тяжелых боев под Курском три танковые дивизии СС — «Райх», «Мертвая голова», «Викинг» — и нанесло ими контрудар по 1-й танковой армии и частично по левому флангу 6-й гвардейской армии. Ослабленные части этих армий не смогли сдержать натиск превосходящих сил противника. Поэтому на помощь им спешно были двинуты соединения 5-й гвардейской

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 318.

танковой армии. Совместными усилиями к 16 августа удалось не только сорвать вражеский контрудар, но и нанести противнику большие потери. Несмотря на полный провал своего замысла, немецко-фашистское командование 18 августа нанесло новый контрудар на Богодухов с запада со стороны Ахтырки. Командование Воронежского фронта предвидело этот контрудар и, для того чтобы отразить его, подтянуло в район севернее Ахтырки свежие силы. Мощными ударами враг был остановлен, а затем отброшен в исходное положение.

Советские люди в тылу врага, с нетерпением ждавшие освобождения, помогали Красной Армии всем, чем могли, зачастую рискуя жизнью. 11 августа в воздушном бою под Ахтыркой был сбит самолет младшего лейтенанта Н. В. Веселкина из 2-й воздушной армии. Летчик выбросился из горящей машины с парашютом и приземлился на окраине Ахтырки возле дома местной жительницы Серафимы Федоровны Ковьяровой. Советская женщина оказала контуженному летчику необходимую помощь и укрыла его у себя. Фашисты искали опустившегося с парашютом летчика, несколько раз заходили к Ковьяровой и требовали сказать, где русский летчик, угрожали ей, избивали. Но, несмотря на угрозы и побои, Серафима Федоровна не выдала врагам советского летчика. В течение 13 суток, до прихода в город Красной Армии, она оберегала его жизнь, помогала ему восстановить здоровье, чтобы он смог вернуться в строй¹.

В то время когда соединения Воронежского фронта отражали контрудары немецких танковых дивизий в районе Богодухова и Ахтырки, войска Степного фронта развернули борьбу на подступах к Харькову. Противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать этот крупнейший экономический центр и узел коммуникаций, ликвидировать нараставшую угрозу удара во фланг и тыл своей группировки в Донбассе. В боях на подступах к Харькову, а также в районе Богодухов — Ахтырка для немецкого командования решался вопрос о возможности стабилизации фронта, о переводе борьбы на нем в устойчивые пози-

¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 3458, д. 45, л. 106.

ционные формы. Поэтому оно потребовало от командующего группой армий «Юг» Манштейна удержать Харьков при всех обстоятельствах.

13 августа войска Степного фронта прорвали внешний оборонительный обвод, находившийся в 8—14 километрах от Харькова, а к исходу 17 августа вышли непосредственно к внутреннему обводу и завязали бои на северной окраине города. Особенно успешно проходило наступление войск 53-й армии под командованием генерал-майора И. М. Манагарова. Обходя Харьков, они отрезали пути отхода харьковской группировки врага на юго-запад. Противник, опасаясь полного окружения, подтянул к городу 355-ю пехотную и кавалерийскую СС дивизии. Напряжение боев нарастало. К исходу 22 августа 5-я гвардейская танковая и 53-я армии охватили Харьков с юго-запада и запада, а 7-я гвардейская армия продолжала сжимать кольцо с востока и юго-востока. В распоряжении противника оставались лишь железная и шоссейная дороги, идущие из Харькова на Мерефу и Красноград.

Во второй половине дня 22 августа враг вынужден был начать отступление из Харькова. Чтобы не дать ему возможности вывести из-под ударов свои войска и не допустить полного разрушения города, командующий Степным фронтом отдал приказ о ночном штурме Харькова.

Гитлеровцы, зная, что наступают последние часы их хозяйничанья, начали массовые поджоги в городе. Ночью, при свете зарева, стоявшего над Харьковом, советские войска предприняли решительную атаку. Их вели ярость и ненависть к врагу, сжигавшему величественный город, уничтожавшему труд многих поколений русских и украинцев. Бои на улицах города и в его предместьях были отмечены высоким мужеством и мастерством советских солдат и офицеров всех родов войск. Все плотнее сжималось кольцо вокруг Харькова.

Утром 23 августа, истерзанный врагом, весь в дымящихся развалинах, Харьков был полностью очищен от захватчиков. Большая часть немецкой группировки, державшейся в городе, была уничтожена. «23 августа 1943 г., — сообщал в ЦК ВКП(б) Н. С. Хрущев, —

войска Красной Армии, освободившие город Харьков от немецкой оккупации, были встречены населением города радостно, с большим воодушевлением...»¹

С первых же дней освобождения Харькова — второй столицы Украины — в нем начала восстанавливаться жизнь. 23 августа в город прибыли советские и партийные органы Украинской ССР. Через день состоялось заседание Совнаркома УССР, на котором обсуждались неотложные мероприятия по восстановлению хозяйства и организации питания населения города. Оккупанты вывезли из Харькова все продовольствие, и его жителям угрожал голод. Поэтому выделенный Военными советами Степного и Юго-Западного фронтов автотранспорт стал срочно доставлять в город продовольствие из Купянска, где находились большие государственные склады. Центральные снабженческие организации Москвы немедленно выделили для Харькова 150 вагонов промышленных товаров. Уже через несколько дней после освобождения были восстановлены больница, 16 поликлиник, 25 аптек, первые детские сады, открыты 40 магазинов, 7 столовых. Началось восстановление водопровода, электростанции. Харьковчане вновь почувствовали себя хозяевами города.

30 августа в Харькове уже не стало слышно канонады: гитлеровцы, отброшенные за Мерефу, не могли достать до города даже дальнобойной артиллерией. И в этот день по улицам Харькова двинулись колонны демонстрантов с красными флагами — город праздновал свое освобождение. На импровизированную трибуну из двух грузовиков, поставленных близ памятника Тарасу Шевченко, поднялись руководители партии и правительства Украины, полководцы, чьи войска освобождали Харьков, представители рабочих и интеллигенции города. Послышалось гудение самолетов. Где-то за облаками раздались пушечные и пулеметные очереди. Это наши истребители перехватили фашистский бомбардировщик. Ударили зенитки. Но никто не проявил нервозности, настолько сильна была уверенность в том, что Харьков надежно защищен.

¹ Партархив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 1, оп. 1—14, д. 577, л. 1.

Первый митинг граждан освобожденного города был открыт.

Когда слово было предоставлено секретарю ЦК КП(б)У Н. С. Хрущеву, раздалась буря оваций. Много раз харьковчане тепло встречали боевого руководителя украинских коммунистов в своем городе, но это была особая встреча — теперь Харьков видел его с военными орденами, заслуженными в жестоких боях на большом ратном пути от границ Украины до Волги и от Волги до Харькова. Руководитель украинских большевиков возвратился на Украину вместе с солдатами, как солдат, как воин-освободитель, и овации, которыми платил ему благодарный Харьков, долго гремели, не утихая.

Приветствуя от имени партии войска, доблестно сражавшиеся за освобождение Харькова, Н. С. Хрущев говорил: «Товарищи, врага мы разбили, но еще не добились. Враг еще силен, успокаиваться еще нельзя, надо добиться, чтобы первая столица Украины — наш славный Киев был освобожден». И он звал сынов Украины еще крепче разить врага, чтобы быстрее освободить всю советскую землю. Глубокое волнение, жар большевистской страсти звучали в его голосе, когда он восклицал: «Все за работу! Дружнее! Все для фронта, все для победы! Теснее сплотим свои ряды под знаменем, которое принесло нам победу. Вперед, на запад! Вперед, за Украину!»¹

Ликовал Харьков, очнувшийся от долгого кошмарного сна, в котором он пребывал в течение двух лет. А в небе гудели и гудели боевые самолеты, прикрывавшие его от ударов противника с воздуха.

По призыву местных партийных и советских организаций трудящиеся Харькова сразу же приступили к возрождению промышленных предприятий. «С каждым днем все более и более возрастает политическая активность жителей города Харькова, — сообщал Н. С. Хрущев в ЦК ВКП(б). — Рабочие и служащие большими массами приходят на свои предприятия для регистрации и работы»². Только на восстановление

¹ Юрий Жуков. Укрощение «тигров», стр. 334.

² Партархив Института истории партии ЦК КП Украины, ф. 1. оп. 1—14, д. 577, л. 1.

железнодорожного узла и тракторного завода явилось более 4 тыс. рабочих. Харьков быстро оживал, набирался сил.

Освобождением Харькова и Харьковского промышленного района завершилось контрнаступление Красной Армии на белгородско-харьковском направлении. Советские войска разгромили мощную ударную группировку врага, которую он создал для решительного сражения на южном фланге Курского выступа. За три недели советские войска продвинулись на 140 километров, расширив фронт наступления до 300 километров. Воронежский и Степной фронты нависли над всем южным крылом фронта противника, заняв выгодное положение для освобождения Левобережной Украины и важнейшего промышленного центра страны — Донбасса. 26 августа «Правда» писала о значении освобождения Харькова: «Немцы сами назвали Харьков восточными воротами на Украину, замком на дверях Украины, ключом к Украине. Победа Красной Армии взломала немецкий замок, распахнула ворота и открыла просторы украинской земли перед советским освободительным оружием. Под Харьковом разгромлены отборные немецкие дивизии, потерпел крушение гитлеровский план использования всей Украины как базы для снабжения разбойничьей немецкой армии. Заря освобождения Украины ярко разгорается над Днепром. Чутко прислушиваются измученные, истрадававшие советские люди и на левом, и на правом его берегу к радостным вестям, идущим с Востока»¹.

7. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВСЕМИРНО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ ПОД КУРСКОМ

Разгром немецко-фашистских войск в битве под Курском явился одним из важнейших и решающих событий Великой Отечественной войны. Эта победа Красной Армии имела огромное значение и для хода всей второй мировой войны. Последняя попытка гит-

¹ «Правда», 26 августа 1943 г.

леровской Германии предпринять мощное летнее наступление с целью повернуть течение войны в свою пользу, сохранить от распада фашистский блок, ослабить политические последствия поражения на Волге потерпела полный провал. Мощью своего оружия Красная Армия перечеркнула далеко идущие военнополитические планы фашистской Германии. «Последнее сражение за победу Германии», как называли битву под Курском сами гитлеровцы, было ими проиграно, и грозный призрак катастрофы во весь рост встал перед фашистским государством и его армией.

Победа Красной Армии под Курском означала окончательный крах наступательной стратегии германского верховного командования. Этот крах становился очевидным не только для противников Германии, но и для ее союзников. Он предвещал неизбежность военного поражения Германии. «После провала операции «Цитадель» каждому здравомыслящему человеку, — пишет Рикер, — стало ясно, что нельзя более думать о восстановлении наступательной обстановки в России и, таким образом, о решающей победе над Советским Союзом»¹. Признать провал своей наступательной стратегии были вынуждены и сами фашистские главари. Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии Кейтель впоследствии заявлял, что после поражения германских войск летом 1943 г. для немецкого командования стала очевидной невозможность выиграть войну военными средствами.

Немецко-фашистская армия не смогла при всем максимальном напряжении своих сил вновь захватить стратегическую инициативу, взять реванш за разгром на Волге. Престижу немецкого оружия был нанесен под Курском новый и на этот раз непоправимый удар. Оказались напрасными все огромные усилия, затраченные на подготовку летнего наступления, и в первую очередь операции «Цитадель», осуществлением которой руководили самые выдающиеся, по мнению гитлеровской верхушки, полководцы Германии: фельдмаршалы Манштейн и Клюге, генералы Модель, Гот,

¹ Karlheinrich Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1955, S. 291.

Кемпф и другие. Их поражение явилось крахом всей военной доктрины германского генералитета, поколебало веру в его непогрешимость в вопросах военной стратегии.

Провал летнего наступления и поражение немецко-фашистских войск бесповоротно развеяли созданный гитлеровской пропагандой миф о том, что лето — время наступления и побед германской армии. Оказалось, что летом она может отступать под ударами Красной Армии с таким же «успехом», как и зимой. Оценивая результаты летних боев в районе Курского выступа, Черчилль отмечал: «Три огромных сражения — за Курск, Орел и Харьков, все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте»¹.

Германское командование, начиная летнее наступление под Курском, снова роковым для себя образом недооценило роста боевой мощи Красной Армии и переоценило свои силы. Решительное контрнаступление Красной Армии, последовавшее тотчас после оборонительного сражения, ошеломляюще подействовало на гитлеровских генералов. Они никак не предполагали, что у Советского государства имеются еще резервы, которые позволят предпринять наступательные операции такого масштаба. Центнер, оценивая результат Курской битвы, вынужден признать: «Истина заключается в том, что Гитлер бросил в это сражение все... А добился потерь, которые нельзя уже было возместить... Но горечь потерь еще более обострена немедленно начавшимся вслед за этим наступлением русских на широком фронте, в то время как в ставке Гитлера в Растенбурге рассчитывали на то, что и русским понадобится время, чтобы оправиться от ран»².

Но если гитлеровские генералы не предвидели возможности советского наступления, они не могли не знать, что войска Центрального и Воронежского фронтов проводят большие оборонительные работы и накапливают резервы. И все же, не считаясь с реальным соотношением сил, немецкое командование разработа-

¹ Winston S. Churchill. The Second World War and an Epilogue on the Years 1945 to 1957. London, 1959, p. 715.

² Kurt Zentner. Nur einmal konnte Stalin siegen. Hamburg 1952, S. 35.

тивало операцию на окружение советских войск в Курском выступе. Замысел этой операции не отличался новизной или оригинальностью, он следовал шаблонным схемам немецкой стратегии и во многом повторял зимний план контрнаступления немецких войск. Немецко-фашистское командование упорно считало, что мощь удара немецких войск значительно превысит силу советской обороны в Курском выступе, а следовательно, позволит немецким ударным группировкам разгромить войска Центрального и Воронежского фронтов и находящиеся на курском направлении резервы.

Недооценивая мощь Красной Армии, немецко-фашистское командование не смогло вскрыть всей системы советской обороны на Курском выступе, и поэтому ее непреодолимость оказалась для немецких генералов полной неожиданностью. Командир 13-го немецкого армейского корпуса, входившего в состав северной ударной группировки противника, генерал-полковник Фрисснер вспоминает: «Мы столкнулись с глубоко эшелонированной, сильно укрепленной, снабженной многочисленными противотанковыми средствами оборонительной системой. Оборонительные сооружения были настолько хорошо замаскированы, что даже наша неутомимая воздушная разведка не сумела их все распознать. Благодаря хорошо управляемому заградительному огню артиллерии противника наши танки остановились перед незначительными естественными препятствиями, так что наступающие части оказались перед сильно укрепленными дотами без эффективной огневой поддержки»¹.

Не менее красноречиво было признание бывшего командира 19-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Шмидта, бесславно погибшего в степях у Грайворона. В обзоре боевых действий своей дивизии он писал: «Нам мало было известно о русских укреплениях до нашего наступления. Не предполагалось здесь и четверти того, что соорудили русские. Каждый кустарник, каждый пункт, все рожи и высоты были превра-

¹ Hans Friessner. Verratene Schlachten. Die Tragödie der deutschen Wehrmacht in Rumänien und Ungarn. Hamburg, 1956, S. 245—246.

Колонны немецких пленных. Остатки отборных вражеских дивизий, разбитых под Курском (август 1943 г.)

щены в крепости. Они тянулись вдоль и поперек системой настолько хорошо замаскированных огневых точек и дзотов, что их невозможно было обнаружить с расстояния даже пяти метров. Дзоты были перекрыты толстым слоем бревен и железнодорожных рельсов, в силу чего воздействие нашего артиллерийско-минометного огня и пикировщиков было малоэффективным. Трудно себе представить упорство русских, с которым они порой защищали каждый окоп, каждую траншею»¹.

Крупным просчетом германского верховного командования была и недооценка организаторских способностей и военного искусства советских военачальников. Немецкий генералитет не смог преодолеть шаблона в разработке операции «Цитадель», что облегчило советскому командованию раскрытие замысла врага и подготовку его разгрома. В результате такого шаблонного решения выбора направления главного удара немецко-фашистские ударные группировки, созданные с огромным трудом, напоролась на самые сильные участки обороны советских войск и достигли

¹ Архив МО СССР, ф. 203, оп. 51360, д. 67, лл. 166—167.

только одного — тяжчайших потерь в бесплодных атаках. Даже Гёрлитц с некоторой иронией говорит об этом промахе фашистских генералов и политических руководителей. «В основе своей, — пишет он, — это было наступление в соответствии со схемой предыдущих сражений, с двух направлений с целью охвата действовали танковые клинья. Идеи Шлиффена все еще определяли мышление Гитлера»¹. Но если военное искусство фашистской Германии в 1943 г. все еще определялось идеями Шлиффена, то советское военное искусство к этому времени далеко шагнуло вперед. Оно обогатилось опытом двух лет Великой Отечественной войны и, как показала Курская битва, значительно превосходило военное искусство противника.

Все эти грубые просчеты гитлеровского командования при планировании наступательных операций в летнюю кампанию 1943 г. во многом предопределили катастрофическое поражение германской армии.

Немецко-фашистская армия, предприняв «решающее сражение» и проиграв его, израсходовала огромное количество людских резервов, танков, орудий, самолетов. Потери ее в битве под Курском были колоссальны и невосполнимы. Из 70 ее дивизий, участвовавших в наступлении, 30 были разгромлены. За 50 дней непрерывных сражений, по немецким данным, гитлеровская армия потеряла убитыми, тяжело ранеными и пропавшими без вести более полумиллиона солдат и офицеров². При этом наибольшие жертвы понесли лучшие соединения, предназначенные для решительного удара по советским войскам. Значительно поредели наиболее опытные офицерские кадры врага. Манштейн вынужден был признать тяжелые потери в битве под Курском командных кадров группы армий «Юг»: «Все сильнее становилось перенапряжение войск, расход сил быстро увеличивался. Особенно это относилось к ядру войск — к опытным фронтовым солдатам и офицерам. К концу августа только наша группа потеряла 7 командиров дивизий, 38 командиров полков и 252 командира батальона»³.

¹ Walter Görnitz. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II. Stuttgart, 1952, S. 200.

² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 724438, д. 1145, лл. 11, 16.

³ Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 509.

О больших потерях немецкой армии под Курском и невозможности их быстрого восполнения пишет в своей книге «История немецкого генерального штаба» и бывший гитлеровский генерал Эрфурт. «Неудавшееся наступление германской армии в июле 1943 г., — отмечает он, — и последовавшие вслед за этим длительные сражения между Черным морем и Смоленском стоили германской армии на Восточном фронте огромных потерь. Доукомплектовать оказалось возможным только часть дивизий: многие были или расформированы или слиты. В конце сентября 1943 г. командование сухопутных сил вообще не располагало оперативными резервами»¹.

Особенно тяжелое поражение советские войска нанесли танковым соединениям немецко-фашистской армии. Из 20 танковых и моторизованных дивизий, принимавших участие в битве под Курском, 7 были разгромлены, остальные понесли большие потери. Генеральный инспектор бронетанковых войск Германии генерал-полковник Гудериан вынужден был признать, что в результате провала операции «Цитадель» немецкие войска «потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Конечно, русские использовали свой успех. На Восточном фронте не было больше спокойствия. Инициатива окончательно перешла к врагу»².

О тяжелом поражении немецких танковых дивизий говорит и французский генерал Буше, автор книги «Бронетанковое оружие в войне». Советское командование, отмечает Буше, превратило Курское сражение «в огромную битву на истощение, из которой немецкие танковые войска вышли сильно потрепанными в материальном и моральном отношении. Почти тотчас после этого русское командование смогло с большей уверенностью захватить инициативу в свои руки»³.

¹ Waldemar Frfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Berlin — Frankfurt, 1957, S. 305.

² Heinz Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Neckargemünd, 1960, S. 283.

³ Ж. Буше. Бронетанковое оружие в войне. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 254.

Для гитлеровской армии поражение в Курской битве явилось началом конца. «...Большое летнее сражение на Курской дуге, — пишет Гёрлиц, — означало для Восточной армии начало смертельного кризиса. В то время как противник постоянно увеличивал наступательную мощь, силы немецких бронетанковых войск и пехоты истощились...»¹

Провал наступательной стратегии на Востоке заставил гитлеровскую правящую клику искать новые способы ведения войны, которые избавили бы фашизм от неминуемого поражения. Правители Германии стали возлагать надежды на то, что им удастся навязать Красной Армии позиционные формы ведения войны и тем самым выиграть необходимое время для того, чтобы попытаться расколоть антигитлеровскую коалицию, напугать правящие круги Англии и США военной мощью СССР и заставить их добиваться ничейного окончания войны с сохранением фашистской Германии в качестве барьера против «красной опасности» в Европе.

Однако развернувшееся победоносное общее наступление Красной Армии сорвало и эти планы гитлеровских политиков и генералов. Советское правительство настойчиво боролось за проведение в жизнь согласованных всеми странами антифашистской коалиции решений. На примере действий героической Красной Армии оно показывало путь к скорейшему разгрому фашизма в Европе.

Благодаря успешному наступлению Красной Армии союзники получили возможность провести операцию в Италии. Курская битва заставила германское командование снять со Средиземноморского театра военных действий крупные соединения истребительной и бомбардировочной авиации, а также ряд частей и соединений других родов войск. Это значительно облегчило высадку союзников в Италии и в конечном счете предредило ее поражение в войне. Испытывая огромную нужду в войсках на Восточном фронте, Гитлер не имел возможности оказать действенную помощь своему итальянскому союзнику. Он даже предложил Муссо-

¹ Walter Görlich. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II Stuttgart, 1952, S. 211.

На полях Курской битвы. Поверженная немецкая техника
(август 1943 г.)

линии вывести все войска из Южной Италии и сосредоточить их на севере, а высвободившиеся в результате этого силы использовать на Восточном фронте. Английская газета «Дейли экспресс» писала в передовой 7 августа 1943 г.: «Победы в России создали определенные возможности в Средиземном море. Десяток германских дивизий мог бы удержать Муссолини у власти, но Гитлер не мог отвлечь из России даже такое небольшое число войск»¹.

Чтобы остановить наступление Красной Армии, гитлеровское командование вынуждено было снять большинство наиболее боеспособных дивизий из Франции, Бельгии и Голландии, заменив их недоукомплектованными и недоученными соединениями, сформированными из солдат, призванных по тотальной мобилизации и кое-как вооруженных. Это создавало для союзников благоприятные условия для скорейшего открытия второго фронта на континенте.

Благодаря подвигу Красной Армии, разгромившей отборные силы фашистской Германии под Курском, было предотвращено преступление, которое собирались осуществить гитлеровцы против народа Швеции. Бывший начальник штаба немецких оккупационных войск в Норвегии генерал-лейтенант Бамлер в 1946 г. рассказал о нем. В глубокой тайне готовилось нападение на Швецию германских войск из Норвегии, Финляндии, Дании. Верховное главнокомандование во-

¹ «Daily Express», August 7, 1943.

оруженных сил Германии уже имело согласованный план вторжения, зашифрованный названием «Песец». Его осуществление было возложено на главнокомандующего вооруженных сил Германии в Норвегии генерала фон Фалькенхорста. В подготовку операции «Песец» включились уже разведывательные органы немецко-фашистской армии, разведка соединений, расположенных в Норвегии, а также агентура фашистов в Норвегии и Швеции. Предатель норвежского народа Квислинг любезно предоставил германским фашистам свою агентурную сеть, созданную в Швеции для фашизации страны и подрыва ее обороноспособности. И только поражение немецкой армии под Курском спутало все планы гитлеровцев. О выделении сил и средств для нападения на Швецию нечего было теперь и думать. План «Песец» был похоронен Красной Армией в кровопролитных боях под Курском.

Поражение под Курском оказало огромное воздействие на солдат и офицеров гитлеровской армии. Оно подорвало моральный дух войск. В германской армии осталось мало людей, продолжавших еще верить в победу Германии. Начальник штаба минометного дивизиона 4-й танковой армии капитан Иоахим Шнейдер так рассказывал о настроениях в офицерском корпусе своей армии: «До наступления 5 июля у всех офицеров 4-й танковой армии, с которыми я часто общался, настроение было приподнятое. Большинство считало, что русские армии в районе Курской дуги будут окружены и уничтожены. Многие офицеры 4 июля, когда стало известно о приказе Гитлера, говорили: «Расплатимся с русскими за Сталинград». Офицеры связывали с предстоящим наступлением надежды на победу и скорое окончание войны... Первые же дни боев принесли разочарование... Пришлось проститься с надеждами на победу. Немецкое оружие дало осечку, немецкое руководство отказало в последнюю решительную минуту... «Июльское несчастье» — так у нас называют июльское наступление — совершило у многих офицеров переворот во взглядах на войну»¹.

Эти настроения среди части немецкого офицерства

¹ Архив МО СССР, ф. 203, оп. 292045, д. 12, л. 126.

трудно было скрыть от солдат. Они видели, что вера в победу даже среди командного состава теряется по мере отступления немецких войск. «Офицеры очень переживают провал июльского наступления, — рассказывал унтер-офицер 18-го пехотного полка 6-й немецкой пехотной дивизии Алоиз Бахлер. — Это поражение сильнее подействовало на немецких офицеров, чем Сталинград... После сталинградской катастрофы немецкое командование вело большую подготовку к реваншу за Сталинград. Мы возлагали большие надежды на лето 1943 г. Наступление началось и провалилось. Это значит, что провалились все надежды немцев на благоприятный исход войны с Россией»¹.

Среди солдат и унтер-офицеров немецкой армии росло чувство обреченности. Обер-ефрейтор 2-го велоэскадрона 31-й пехотной дивизии Гейнц Брандт, сдавшийся в плен, заявил: «Большинство солдат потеряло веру в победу Германии. После Сталинграда, Африки, после провала июльского наступления и при теперешнем отступлении немецкой армии не многие уже верят в победу Гитлера. Те, кто верят, — это люди, которые знают, что поражение Гитлера — их гибель. Но придет день, когда и они поднимут руки вверх или пустят себе пулю в лоб»².

Падение морального духа солдат и офицеров немецко-фашистской армии после поражения под Курском, потеря веры в победоносный исход войны приводили к тому, что нередко солдаты и даже некоторые офицеры стали искать спасения в сдаче в плен.

Провал долгожданного летнего наступления, с которым были связаны надежды миллионов немцев в глубоком тылу на скорую победу, новая затяжка войны, огромные потери на фронте сеяли среди населения Германии пессимизм и неверие в способность гитлеровской верхушки выиграть войну.

После Курска трудно уже было восстановить пошатнувшееся доверие немцев к фашистским руководителям. Недаром Геббельс и его печать заговорили в эти дни о «концентрации немецкого духа». Дух этот был основательно подорван. Несмотря на террор, все

¹ Архив МО СССР, ф. 201, оп. 384, д. 6, л. 400.

² Там же, оп. 384, д. 6, лл. 399—400.

чаще и чаще слышались критические замечания в адрес гитлеровских генералов и верхушки фашистской партии. Усиливалась деятельность немецких антифашистов. В различных городах Германии возникали новые антифашистские группы. На улицах все чаще стали появляться листовки, призывающие немцев к борьбе против нацистского режима, против Гитлера и его подручных.

Поражение немецкой армии под Курском и страх перед влиянием этого поражения на настроение тыла заставили Гитлера принять срочные меры к укреплению «внутреннего фронта». Тотчас после оставления гитлеровцами Харькова руководитель гестапо Гиммлер был назначен министром внутренних дел Германии. Расширение полномочий Гиммлера показывало, что нацистская верхушка не видела другого средства борьбы с недовольством немецкого народа и ростом оппозиции, кроме усиления террора и подчинения всей внутренней администрации гестапо. Гиммлер должен был навести «порядок» в стране и собрать необходимые людские и материальные ресурсы для продолжения войны. На этого палача правящая клика возлагала большие надежды. Один из крупнейших банкиров Германии, финансировавших национал-социалистскую партию, Шредер писал в эти дни Гиммлеру: «С большой радостью я узнал о Вашем назначении имперским министром внутренних дел... Сильная рука сейчас совершенно необходима для управления этим министерством. Поэтому все без исключения, и в особенности Ваши друзья, с радостью приветствуют тот факт, что именно Вас назначил фюрер»¹. Но надежды банкиров, крупных промышленников и фашистских лидеров не оправдались. «Сильная рука» Гиммлера, как и пропагандистский «талант» Геббельса, не могла ликвидировать то влияние, которое имело поражение немецких войск под Курском на моральный дух населения Германии.

Поражение гитлеровской Германии в битве под Курском имело тяжелые последствия во всех областях жизни Германии и других стран фашистского блока,

¹ Nazi Conspiracy and [Aggression. Vol. I. Washington, 1946, p. 1051.

обострило внутривосточный кризис в этих странах, углубило противоречия Германии с ее вассалами, усилило ее внешнеполитическую изоляцию. Не только немецко-фашистская армия, но и все гитлеровское государство и установленный им «новый порядок» в Европе в результате Курской битвы оказались перед катастрофой.

Поражение германской армии под Курском окончательно убедило страны фашистского блока в том, что соотношение сил на советско-германском фронте коренным образом изменилось в пользу Советского Союза. Фашистские правители Финляндии, Венгрии и Румынии еще более решительно, чем после разгрома на Волге, начали искать лазейки, чтобы ускользнуть от справедливого возмездия. Более заметной становилась трещина между Германией и Финляндией, появившаяся после событий на Волге. Новым признаком нарастающего кризиса в отношениях между ними явился отказ Маннергейма от предложенного ему поста главнокомандующего финских и немецких войск на территории Финляндии. Он боялся, что согласие еще более крепко привязало бы его к немецкой военной колеснице, которая, по мнению многих государственных деятелей Финляндии, покатила после Курска под гору. Даже испанский диктатор Франко посчитал разумным вывести осенью 1943 г. свою потрепанную «Голубую дивизию» из-под Ленинграда. Все более настойчиво искали выхода из создавшегося положения и правители Венгрии. Глава венгерских фашистов Хорти после Курской битвы усилил свои попытки договориться с Англией и США о заключении сепаратного мира. Сильное беспокойство проявляли в это время и фашистские заправилы Румынии и Болгарии. В августе, когда Гитлер хотел эвакуировать войска с кубанского плацдарма, чтобы использовать их против наступавшей под Курском Красной Армии, фашистский диктатор Румынии Ион Антонеску и болгарский царь Борис сделали заявление о том, что ослабление германских позиций в бассейне Черного моря вызовет «опасные последствия» в их странах¹.

¹ См. Andreas Hillgruber. 'Die Räumung der Krim 1944 Berlin und Frankfurt am Main, 1959, S. 11.

Разгром немецко-фашистских войск под Курском явился важным фактором, предопределившим дальнейшее охлаждение отношений между Германией и так называемыми «нейтральными» странами. На упреки правящих кругов нейтральных стран, которые адресовались Германии после разгрома на Волге, Гитлер неизменно отвечал, что решающий реванш будет дан в летней кампании 1943 г. Поэтому реакционные круги этих стран, в частности Турции, с нетерпением ждали немецкого наступления. Но их постигло новое разочарование. Печальный для гитлеровской армии итог Курской битвы явился еще одним аргументом, убеждавшим нейтральные страны, что нельзя больше ориентироваться на политику фашистской Германии, судьба которой предрешена. Это проявилось, в частности, в сокращении материальной помощи некоторых нейтральных стран, которую они оказывали фашистской Германии, в попытках завязать более тесные отношения со странами антигитлеровской коалиции. Правительство Швеции в день, когда Красная Армия освободила Орел и Белгород, официально объявило о прекращении транзита немецких военных материалов через Швецию с 15 августа, а перевозки немецких «отпускников» — с 20 августа. Правительство Португалии после Курской битвы поспешило передать Англии свои морские и воздушные базы на Азорских островах.

Большое влияние оказала победа Красной Армии под Курском на народы стран антифашистской коалиции. Они воочию увидели приближение победоносного окончания войны, уничтожение страшной, нависшей над миром фашистской опасности. Свободолюбивые народы мира понимали, что мужество и самоотверженность советского народа и его Красной Армии — гарантия близкого торжества демократических сил. Росли их чувства солидарности с Советским Союзом, восхищения его героической борьбой. Обращаясь к американскому народу с речью по радио 28 июля, президент США Рузвельт говорил: «Непродолжительное германское наступление, начатое в первых числах этого месяца, явилось отчаянной попыткой поднять моральное состояние германского народа. Русские не позволили захватить себя врасплох. Они начали осу-

ществлять свои собственные наступательные планы — планы, которые были согласованы со всей наступательной стратегией Объединенных Наций. Никогда еще мир не видел большей преданности, решимости и самоотверженности, чем те, которые были проявлены русским народом и русскими армиями...»¹

Победоносное наступление Красной Армии под Курском вселило в народы оккупированной Восточной Европы веру в близкое освобождение от фашистского гнета. Партизаны Югославии, Греции, Албании, Польши и Чехословакии усилили удары по ненавистному врагу. Целые дивизии приходилось бросать гитлеровскому командованию против партизан. Но победить их было нельзя. И чем сильнее была врага на советско-германском фронте Красная Армия, тем активнее становилась партизанская борьба в глубоком европейском тылу. Под влиянием побед советских войск в Курской битве еще шире развернулась освободительная борьба народов, томившихся под игом фашистского «нового порядка» в Европе. Во Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии активизировались многочисленные группы борцов движения Сопротивления.

Победа Красной Армии под Курском отразилась на позиции правящих кругов США и Англии. До Курска в этих странах кое-кто склонен был верить, будто Германия сумела преодолеть кризис своей армии, вызванный поражением на Волге. Провал летнего наступления немецко-фашистских войск и развернувшееся мощное наступление Красной Армии убедительно показали, что кризис не только не изжит, но что он стал поистине смертельным для фашистской Германии. Становилось очевидным, что Советский Союз в состоянии один, без помощи союзников, выиграть войну. В правящих кругах США и Англии возникло опасение, что они могут опоздать. Президент США Рузвельт в дни подготовки к Тегеранской конференции высказал мысль, что необходимо осуществить вторжение «в Европу с запада. Ведь если дела в Рос-

¹ Franklin Delano Roosevelt. *Nothing to Fear. The Selected Addresses 1932—1945.* London, 1947, pp. 373—374.

сии пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится!»¹

В послевоенные годы реакционные историки второй мировой войны приложили немало стараний, чтобы извратить в сознании народов действительную картину великих событий, оказавших глубокое влияние на судьбы человечества. Не избежала таких извращений в трудах этих историков и Курская битва. Среди многочисленных фальсификаторов главная роль принадлежит бывшим гитлеровским генералам, которые стремятся любыми средствами оправдать и обелить германское командование, проигравшее летнее наступление 1943 г. Все неудачи они пытаются свалить на Гитлера, на политическое руководство фашистской партии. Поражение немецко-фашистской армии под Курском объясняется чем угодно, но только не боевыми действиями Красной Армии. Обвиняя Гитлера в том, что он не прислушивался к «разумным» советам своих генералов, которые якобы настаивали на проведении операции «Цитадель» весной, а не летом 1943 г., Шпейдель пишет: «Операция «Цитадель» могла иметь успех только в том случае, если бы следовала немедленно за харьковско-белгородским контрнаступлением в марте 1943 г. — последним успешным контрнаступлением»². В этой же ошибке германского верховного командования видит причину провала летнего наступления и Манштейн. Он подчеркивает, что, если бы Курская битва началась в мае, она была бы успешной для немецкой армии.

Объективный анализ обстановки, сложившейся к началу летней кампании, опровергает все эти рассуждения. Немецкое командование не могло начать наступление против Курского выступа ни весной, ни в июне 1943 г. Оно не имело и не могло сосредоточить в то время достаточного количества сил на советско-германском фронте. Гудериан в докладе 9 марта 1943 г. вынужден был признать: «К сожалению, в настоящее время у нас нет уже ни одной полностью боеспособной танковой дивизии. Однако успех боевых

¹ Эллиот Рузвельт. Его глазами. М., Изд-во иностранной литературы, 1947, стр. 161.

² Hans Speidel. Invasion 1944. Chicago, 1950, pp. 7—8.

действий как этого, так и следующего года зависит от того, удастся ли нам снова создать такие соединения»¹. К выводу о том, что весной 1943 г. немецкая армия не имела возможности начать широкое наступление, приходит и Гёрлиц, который пишет, что «вторая зимняя кампания нанесла германской восточной армии неизлечимые раны. Она нуждалась в отдыхе, основательном пополнении и доукомплектовании»².

Только к началу июля врагу удалось сконцентрировать на узком участке фронта все свои резервы, создав там чрезвычайно высокие плотности как по количеству частей и соединений, так и по насыщению их боевой техникой, особенно танками, артиллерией, авиацией. Но для этого гитлеровскому командованию пришлось перебросить с Запада и снять с других театров военных действий все, что было возможно. Советские же войска уже весной 1943 г. были в состоянии отразить наступление на любом участке. Они имели к этому времени сильные резервы в тылу, да и на самом Курском выступе весной соотношение сил было в пользу Красной Армии. Противореча самому себе, Манштейн вынужден признать, что даже в июле — августе немецких сил было недостаточно для успеха операции под Курском.

Пытаясь оправдать поражение на своем участке фронта, Манштейн утверждает, что его группа армий «Юг», несмотря на поражение на северном фесе Курского выступа, могла бы продолжать наступление и разбить противостоящие войска Красной Армии. Он обвиняет Гитлера, германское верховное командование в том, что они не решились вручить ему свой последний резерв на Украине — 24-й танковый корпус, а поэтому ему пришлось прекратить наступление. Однако совершенно очевидно, что один танковый корпус уже не мог спасти операцию «Цитадель». Советское командование располагало в полосе наступления врага крупными резервами, которые были готовы к переходу в контрнаступление. Поэтому не германское верховное командование, не немецко-фашистские войска, насту-

¹ Heinz Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Neckar-
gemünd, 1960, S. 268.

² Walter Görlich. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. II.
Stuttgart, 1952, S. 195.

павшие на северном фланге Курской дуги и вынужденные 12 июля перейти к обороне, «подвели» Манштейна, не они поставили его перед необходимостью прекратить наступление. Провал июльского наступления немецко-фашистской армии следует объяснять в первую очередь изменившимся соотношением сил на советско-германском фронте, возросшей мощью Красной Армии, высокими организаторскими способностями ее командных кадров, героизмом и высоким патриотизмом советских воинов.

Провал операции «Цитадель» объясняется также общим ослаблением фашистской Германии, последовавшим в результате непосильной для нее войны против Советского Союза. Из года в год она ограничивала размах наступательных операций на Восточном фронте, но и на эти меньшие операции у нее не хватало уже сил. Об этом ярко свидетельствует такой факт: в 1941 г. немецко-фашистская армия наступала по фронту протяженностью в 2 тыс. километров, в 1942 г. — протяженностью от 500 до 600 километров, а в 1943 г. новое, летнее наступление началось в узкой полосе от Орла до Белгорода, шириной менее 300 километров.

Другой формой фальсификации истории Курской битвы является попытка принизить ее значение, представить это сражение как незначительную второстепенную операцию. Рекорд в этом отношении установили составители вышедшего в 1960 г. в Западной Германии сборника «Решающие битвы второй мировой войны» доцент школы бундесвера Якобсен и бывший гитлеровский морской офицер Ровер¹. Битва под Курском просто-напросто не включена в этот сборник! Зато в качестве «решающих» сражений в нем помещены такие операции, как «Захват острова Крит немецкими войсками» и некоторые другие подобные операции, которые не оказали значительного влияния на ход войны. Даже Манштейн, пытающийся приуменьшить тяжелое поражение немецко-фашистской армии под Курском, вынужден признать огромное влияние величайшего летнего сражения 1943 г. на весь ход второй

¹ См. Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt am Main, 1960.

мировой войны. «Операция «Цитадель», — пишет он, — была последней попыткой сохранить нашу инициативу на Востоке. С ее прекращением, равнозначным провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне. В этом отношении операция «Цитадель» является решающим, поворотным пунктом войны на Восточном фронте»¹.

Не случайно искажают историю войны генералы и реакционные историки империалистических стран. Они боятся сказать народам правду о могуществе Советского государства и его Красной Армии. А ведь именно в битве под Курском особенно явной стала эта возросшая мощь. Она проявилась в сосредоточении огромных резервов на главных направлениях, в насыщении войск большим количеством первоклассной техники, в небывало сильной поддержке пехоты танками, артиллерией, авиацией. Благодаря возросшему могуществу Красной Армии Курский выступ был превращен в неприступную крепость, о которую разбилось последнее наступление гитлеровской армии.

Битва под Курском знаменует собой важный этап и в развитии советского военного искусства. В ней советское командование проявило умение глубоко и верно оценивать обстановку, действительное соотношение сил и на основе этого создавать реальные планы ведения вооруженной борьбы. Вскрыв замыслы врага на лето 1943 г. и определив направления его ударов, советское командование решило использовать тщательно подготовленную оборону для изматывания и ослабления ударных группировок противника, чтобы перейти после этого в контрнаступление и завершить их разгром.

В создавшихся условиях оборона использовалась как наиболее надежный и экономный с точки зрения расходования сил и боевых средств вид вооруженной борьбы. При этом соотношение сил и технических средств позволяло советскому командованию создать такие оперативные плотности в обороне, какие до этого создавались лишь при проведении наступательных операций. Это обеспечило непреодолимость обороны со-

¹ Erich v. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 473.

ветских войск и срыв наступательных планов неприятеля.

Создание глубоко эшелонированной обороны вовсе не предполагало пассивного характера борьбы за оборонительные рубежи и полосы. Главная идея состояла в том, чтобы сочетать упорное удержание занимаемых позиций с решительными и смелыми контратаками и контрударами. Кроме того, советское командование заранее предусмотрело переход в контрнаступление войск Западного и Брянского фронтов, которое должно было создать неотвратимую угрозу тылу северной ударной группировки врага. И хотя на какое-то время противнику удалось, используя сильные ударные группировки танковых войск, создать на отдельных направлениях численное превосходство и незначительно вклиниться в расположение советских войск, ему это стоило огромных потерь. С выдвиганием советским командованием фронтовых резервов и вторых эшелонов, а также в результате умелого маневрирования войсками и огромных потерь, нанесенных противнику в оборонительных боях в первые же дни, его численное превосходство на направлениях главных ударов было быстро ликвидировано. В целом оборона советских войск в битве под Курском блестяще выполнила все возложенные на нее задачи. Она оказалась сильнее наступательных возможностей врага.

Переход войск Западного и Брянского фронтов 12 июля в контрнаступление спутал все карты германского командования. Манштейн прямо указывает, что одной из основных причин прекращения операции «Цитадель» была «остановка наступления 9-й армии, которая поставила под вопрос по меньшей мере быстрое достижение исхода сражения»¹.

Но если наступление немецко-фашистской армии под Курском натолкнулось на непреодолимую оборону советских войск и ударные танковые группировки врага оказались бессильными против глубоко эшелонированной, насыщенной огневыми средствами советской обороны, то немецкие рубежи, которые немцы создавали на орловском направлении в течение полугода лет, а на белгородско-харьковском — в течение

¹ Erich v. M a n s t e i n. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 505.

года, не смогли остановить наступление советских войск. Гитлеровское командование и при подготовке своей обороны так же недоценило мощь Красной Армии, как и при подготовке наступательной операции «Цитадель». Советские войска прорвали вражескую оборону на всю ее глубину и овладели Орлом, Белгородом и Харьковом, которые враг превратил в мощные узлы сопротивления.

Контрнаступление Красной Армии под Курском имело свои особенности, отличавшие его от контрнаступления под Москвой и на Волге. Вооруженная борьба здесь приняла еще более широкий размах. Достаточно сказать, что в контрнаступлении приняли участие все 5 танковых армий, которые имелись в это время в Красной Армии, и 22 общевойсковые армии. Если под Москвой в 1941 г. наступали два фронта, а на Волге зимой 1942/43 г. три, то под Курском контрнаступление осуществлялось силами пяти фронтов. Это контрнаступление было характерно творческим выбором наиболее выгодных способов действий, вытекавших из своеобразных условий обстановки. В то время как контрнаступление под Москвой проводилось путем нанесения сильных охватывающих ударов по фланговым группировкам врага, а контрнаступление на Волге осуществлялось путем ударов по сходящимся направлениям с целью окружения всей группировки наступавших вражеских войск, в ходе контрнаступления под Курском широко применялись фронтальные и фланговые удары с целью дробления вражеской обороны на части и последующего уничтожения изолированных группировок.

Битва под Курском дает пример умелого решения советским командованием вопроса о времени перехода в контрнаступление. Оно началось лишь после того, как были измотаны и обескровлены активными оборонительными боями ударные группировки врага. Эта битва явилась ярким свидетельством того, что в огне сражений выросли закаленные военные кадры, подлинными мастера вождения войск. Выработался и определился тип советского командира, сочетавшего в себе передовую военную мысль с боевой практикой, умеющего творчески воспринимать боевой опыт, чутко улавливать все новое и быстро применять на поле боя

это новое. Советские воины непрерывно вносили в военное искусство все то, что подсказывалось боевой практикой и творческой инициативой.

Разгром немецко-фашистских войск в Курской битве явился сокрушительным ударом по вооруженным силам гитлеровской Германии. Он окончательно подорвал ее наступательные возможности, создал благоприятные условия для перехода Красной Армии в общее летне-осеннее наступление на 2000-километровом фронте. Стратегическая инициатива, захваченная в битве на Волге, окончательно была закреплена за Советскими Вооруженными Силами.

Историческая победа Красной Армии над гитлеровскими полчищами под Курском была завоевана в тяжелой борьбе, ценой больших жертв, завоевана благодаря невиданному в истории массовому героизму советских воинов. Курская битва явилась одним из самых крупных сражений в истории, в котором решалась судьба окончательной победы в войне. Выступая на собрании общественности Москвы в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны 21 июня 1961 г. в Большом Кремлевском дворце, Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский так характеризовал значение этой битвы: «Курская битва по ожесточению и упорству борьбы не имеет себе равных. Развернувшиеся в ее ходе потрясающие танковые сражения были непревзойденными как по количеству участвовавших в них танков, так и по потерям с обеих сторон. Нужно прямо сказать, что в этой страшной схватке был сломлен становой хребет гитлеровской армии и фашистская Германия, окончательно потеряв надежду на успех, реально увидела перед собой поражение в войне»¹.

Силы Красной Армии теперь уже явно превосходили силы противника. В этом была огромная заслуга всего советского народа, который шел на величайшие жертвы, чтобы дать Красной Армии необходимое количество боевой техники, вооружения, боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Курская победа была триумфом, подготовленным поистине героическим трудом миллионов людей. Вместе с Красной Армией со-

¹ «Правда», 22 июня 1961 г.

ветские труженики праздновали эту крупнейшую победу над врагом.

В суровой борьбе великими победами утверждалось превосходство Советского социалистического государства над фашистской Германией, превосходство Советских Вооруженных Сил над армией захватчиков, превосходство советского военного искусства над искусством врага. В сражениях под Курском ярко проявилось величие духа советских солдат, офицеров и генералов, воспитанных и руководимых Коммунистической партией.

Победа Красной Армии в битве под Курском открыла новые величественные перспективы борьбы с немецким фашизмом и освобождения временно захваченных врагом советских земель. Эта победа показала обреченность фашистской Германии.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>	
1. Немецко-фашистский план реванша	3	
2. Советский план разгрома немецко-фашистских войск под Курском. Подготовка войск к боям	19	
3. Помощь населения прифронтовых районов советским войскам	38	
4. Оборонительное сражение	46	
5. Контрнаступление советских войск на орловском направлении. Освобождение Орла	83	
6. Контрнаступление на белгородско-харьковском направлении. Освобождение Белгорода и Харькова	108	
7. Военно-политическое значение всемирно-исторической победы под Курском	123	

Битва под Курском

М., Воениздат, 1963 г. 148 стр.

Редактор полковник *Ежаков В. И.*

Технический редактор *Калачев С. Г.*

Корректор *Поволоцкая А. С.*

Сдано в набор 22.4.63 г.

Г-92252.

Подписано к печати 15.5.63 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂ — 4⁵/₈ печ. л. = 7,585 усл. печ. л. = 7,968 уч.-изд. л.

Изд. № 2/5596.

Тираж 15000.

Зак. 985.

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 36 коп.

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

БОЕВОЙ ПУТЬ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ

С. И. Васильев, А. П. Дикань. *Гвардейцы пятнадцатой.*

Книга представляет собой популярный очерк о боевом пути 15-й гвардейской Харьковско-Пражской ордена Ленина, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии.

160 стр. Цена 35 к.

И. Ф. Сазонов. *Первая гвардейская.*

В книге рассказывается о боевом пути 100-й стрелковой дивизии, получившей наименование «1-я гвардейская», об ее участии в боях с врагами нашей Родины, о мужестве и героизме личного состава дивизии.

Особое внимание уделено показу боевых действий дивизии в начальный период Великой Отечественной войны, за которые она и получила почетное звание гвардейской.

В книге приводится много тактических примеров из действий частей дивизии в различной обстановке, рассказывается о героизме солдат, сержантов и офицеров.

232 стр. Цена 47 к.

И. И. Ющук. *Одиннадцатый танковый корпус в боях за Родину.*

Книга представляет собой популярный военно-исторический очерк о боевом пути 11-го танкового корпуса. В ней рассказывается о массовом героизме, беспримерном мужестве, отваге и стойкости солдат, сержантов и офицеров этого корпуса.

180 стр. Цена 44 к.

П. Г. Кузнецов. *Гвардейцы москвичи.*

Книга является популярным военно-историческим очерком о боевом пути Московской Пролетарской стрелковой дивизии. В довоенные годы слава дивизии гремела по всей Красной Армии.

Особенно поучителен и достоин изучения боевой путь дивизии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Высокими наградами отметила Родина заслуги войск дивизии: ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова горят на ее боевом Знамени.

Пятнадцать бойцов и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза, свыше 30 тысяч солдат и офицеров были награждены орденами и медалями.

292 стр. Цена 55 к.

И. А. Самчук. *13-я гвардейская.*

Книга представляет собой военно-исторический очерк о боевом пути 13-й гвардейской Полтавской четырежды орденоносной стрелковой дивизии.

296 стр. Цена 58 к.